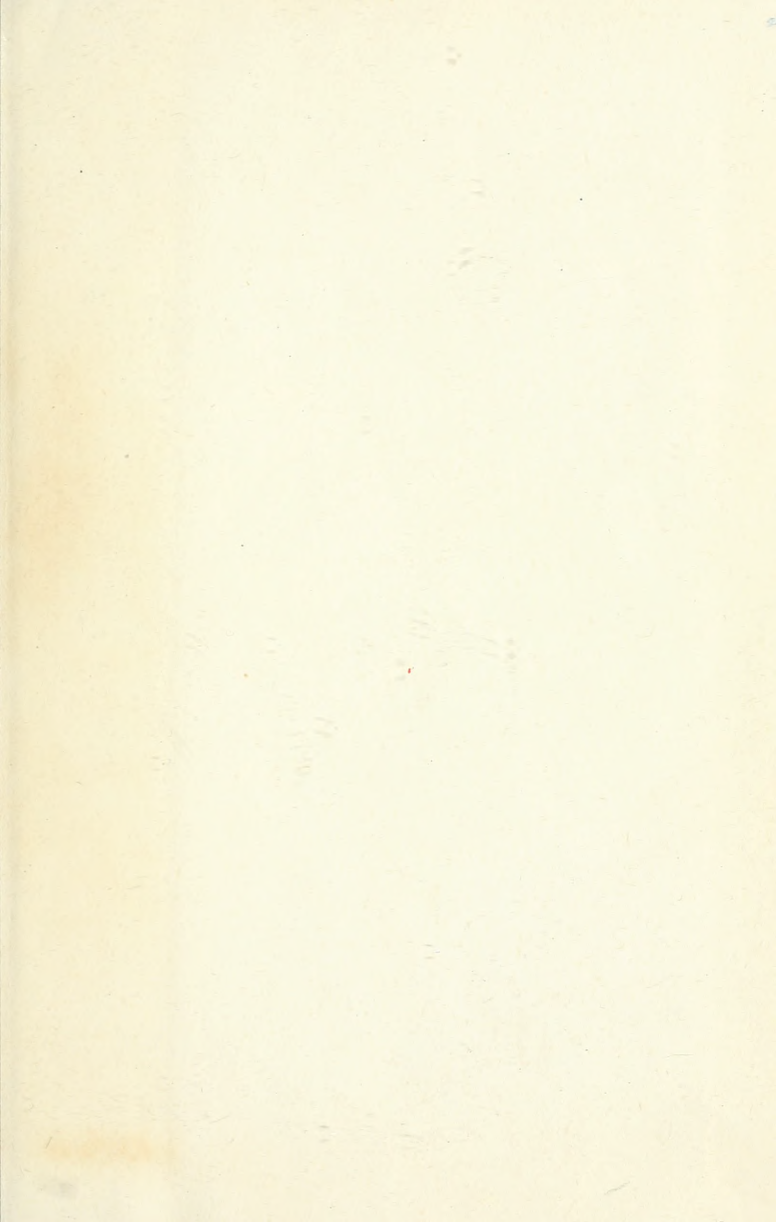
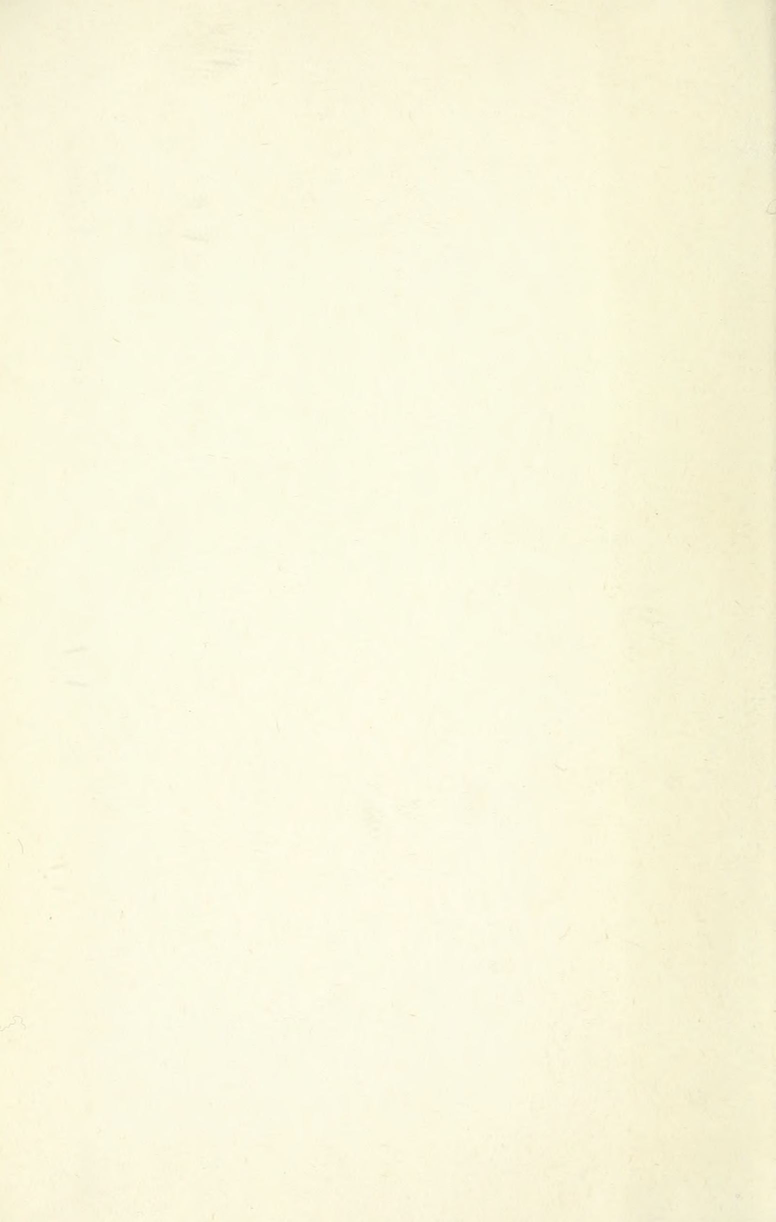

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1966

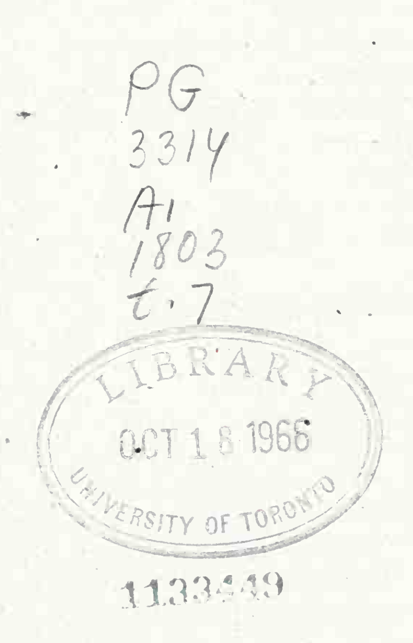
СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ СЕДЬМЫЙ.

Gabr. Geitlin.

МОСКВА,
ВЪ Типографіи С. Селивановскаго,
1803.

Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго Губернатора.

СОДЕРЖАНІЕ VII ТОМА.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ТОМЪ VII.

ЦВѢТОКЪ

НА ГРОБЪ МОЕГО АГАТОНА.

His life was gentle, and the elements
So mix'd in him, that Nature might stand up,
And say to all the world: *This was a man!*
Shakespeare.

Нѣтъ Агатона! . . . Нѣтъ моего друга! —

Читатель! ты не зналъ его — онъ не былъ ни богатъ, ни знатенъ — онъ былъ человѣкъ, благородный по душѣ своей — украшенный одними достоинствами, не чинами,

не блескомъ роскоши, — и сіи достоинства таились подъ завѣсою скромности.

Но его уже нѣтъ! — Горестная дружба можетъ теперь сказать, чего она лишилась, — о чемъ проливаетъ слезы, и вѣчно проливать будетъ!

Такъ, за долгъ, за самый священный долгъ почитаю я сказать всякому нѣжному сердцу, всякому, кто любитъ человѣчество, и кто умѣетъ цѣнить его, что въ нашемъ хладномъ сѣверномъ отечествѣ, гдѣ Природа не весьма щедрою рукою разсыпаетъ благіе дары свои, родился и жилъ такой человѣкъ, котораго душа была бы украшеніемъ самой Грецін, отечества Сократовъ и Платоновъ, благословеннѣйшей страны подъ солнцемъ!

А вы, мрачныя души, вы не можете разумѣть меня. Оставьте печальнаго — оставьте сіи безпорядочныя строки, орошаемыя мо-

ими слезами! Не для васъ изливаю горесть свою, и не требую вашего одобренія. Когда сердце мое превратится въ камень; когда огнь чувства угаснетъ въ груди моей, подобно какъ заря вечерняя угасаетъ на полунощномъ небѣ; когда, забывъ святую истину, паду ницъ предъ златыми кумирами человѣческихъ заблужденій: тогда будете вы друзьями моими; тогда перо мое посвятится вашему удовольствію; тогда удостоите меня благопріятной улыбки своей. Теперь мы чужды другъ другу, и горесть моя не можетъ васъ тронуть. —

Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ жизни нашей мы увидѣли и полюбили другъ друга. Я полюбилъ въ Агатонѣ мудраго юношу, котораго разумъ украшался лучшими знаніями человѣчества; котораго сердце образовано было нѣжною рукою Музъ и Грацій. Что онъ полюбилъ

во мнѣ, не знаю — можетъ быть пламенное усердіе къ добру, непритворную любовь ко всему изящному, простое сердце, не совсѣмъ испорченное воспитаніемъ, — искренность, нѣкоторую живость, нѣкоторый жаръ чувства. Я нашелъ въ немъ то, что съ самаго ребячества было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія — человѣка, которому могъ я открывать всѣ милыя свои надежды, всѣ тайныя сомнѣнія; которой могъ разсуждать и чувствовать со мною, показывать мнѣ мои заблужденія, и научать меня не повелительнымъ голосомъ учителя, но съ любезною кротостію снисходительнаго друга; — однимъ словомъ, я нашелъ въ немъ сокровище, особливый даръ Неба, который не всякому смертному въ удѣлъ достается — и время нашего знакомства, нашего дружества, будетъ всегда важнѣйшимъ періодомъ жизни моей.

Свѣтъ былъ тогда чуждъ и мнѣ и ему: — ему еще болѣе, нежели мнѣ; но мы любили книги, и не думали о свѣтѣ; имѣли не много, не многимъ были довольны, и не чувствовали недостатка. Прелести разума, прелести душевныя казались намъ всего любезнѣе — ими плѣнялись мы, ими въ твореніяхъ великихъ умовъ наслаждались, и не рѣдко за Оссіаномъ, Шекспиромъ, Боннетомъ, просиживали половину зимнихъ ночей. Часто духъ нашъ на крыльяхъ воображенія облеталъ небесныя пространства, гдѣ Оріонъ и Сиріусъ въ златыхъ вѣнцахъ сіяютъ; тамъ искали мы нѣжныхъ друзей своему сердцу, — и часто заря утренняя красила восточное небо, когда я разставался съ Агатономъ, и возвращался домой съ покойною душею, съ новыми знаніями, или съ новыми идеями.

Естьли когда нибудь осмѣлюсь

я слабымъ перомъ своимъ начертать *исторію* моихъ *мыслей*, тогда опишу можетъ быть и нѣкоторыя изъ тѣхъ ночныхъ бесѣдъ, въ которыхъ развивались первыя мои метафизическія понятія; печать молчанія хранитъ ихъ теперь въ груди моей.

Въ семъ искреннемъ сообщеніи душъ нашихъ пріобрѣлъ я и нѣкоторое *эстетическое чувство*, нужное для любителей Литтературы. Вѣрный вкусъ друга моего (отличавшій съ великою тонкостію посредственное отъ изящнаго, изящное отъ превосходнаго, выученное отъ природнаго, ложныя дарованія отъ истинныхъ) былъ для меня свѣтильникомъ въ Искусствѣ и Поэзіи. Восхищенный красотою цвѣтовъ, растущихъ на семъ полѣ, дерзалъ я иногда младенческими руками образовать нѣчто подобное онымъ, и незрѣлыя свои мысли изливать на бумагу; — онъ былъ

первымъ моимъ судьею, и хотя замѣчалъ недостатки, однако же, по снисхожденію и нѣжности своей, ободрялъ меня въ сихъ упражненіяхъ. Ахъ! я жалѣю о томъ человѣкѣ, которой занимается Литтературою и не имѣетъ знающаго друга!

Но никогда не хотѣлъ Агатонъ испытывать дарованій своихъ въ собственныхъ сочиненіяхъ. Тихой кругъ читателей нравился ему лучше, нежели заботливое состояніе Автора, котораго спокойствіе не рѣдко зависитъ отъ людскаго сужденія. Великіе образцы были у него предъ глазами. *Надлежитъ или сравняться съ ними* (думалъ онъ), *или не выходить на сцену*; первое казалось ему труднымъ, и для того онъ молчалъ. Но разные переводы, имъ изданные, доказываютъ, что слогъ его былъ превосходенъ.

Одинакіе вкусы могутъ быть

при различныхъ свойствахъ души: Агатонъ и я любили *одно*, но любили *различнымъ образомъ*. Гдѣ онъ *одобрялъ* съ покойною улыбкою, тамъ я *восхищался*; огненной пылкости моей противополагалъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ мечтатель, онъ дѣятельной Философъ. Часто, въ меланхолическихъ припадкахъ, свѣтъ казался мнѣ унылъ и противенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ; но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ; всегда утѣшалъ меня, но самъ никогда не требовалъ утѣшенія; я былъ чувствителенъ, какъ младенецъ; онъ былъ твердъ, какъ мужъ: — но онъ любилъ мое младенчество такъ же, какъ я любилъ его мужество. Разные тоны составляютъ гармонію, всегда пріятную для слуха; монотонія бываетъ утомительна — и два человѣка, совершенно одинакихъ

свойствѣ, всего скорѣе наскучатъ другъ другу.

Обстоятельства разлучали насъ — онъ писалъ ко мнѣ — и сіи письма (примѣръ чистаго слога и зеркало тихой, стройной души) будутъ всегда храниться близъ моего сердца.

Когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей; когда желаніе видѣть Природу въ великолѣпномъ ея разнообразіи, видѣть тѣхъ великихъ Мужей, которыхъ творенія сильно дѣйствовали на мои чувства, превратилось въ совершенную страсть; когда, удовлетворяя сему желанію, рѣшился я оставить на время отечество и друзей моихъ: тогда онъ пожертвовалъ на минуту своею твердостію, и слезы покатились изъ глазъ его. *Спѣши*, сказалъ онъ, *спѣши, куда влечетъ тебя стремленіе твоего духа, и возвратись къ намъ благополучно, съ тѣмъ же сердцемъ,*

съ которымъ отъ насъ ѣдешь! —
Мы разстались. Онъ стоялъ на дорогѣ, и смотрѣлъ въ слѣдъ за мною; платокъ долго бѣлѣлся въ рукахъ его.

Великое пространство раздѣляло насъ, но мы не забывали другъ друга. „Воспоминаніе о тебѣ (писалъ онъ ко мнѣ въ Женеву) есть „одно изъ лучшихъ моихъ удоволь„ствій. Часто путешествую за „тобою по Ландкартѣ; расчисляю, „когда куда могъ ты пріѣхать, и „сколько гдѣ пробыть; взбираюсь „съ тобой на высокія горы, вооб„ражаю тебя бродящаго по пре„краснымъ мѣстамъ, или сидящаго „въ кабинетѣ какого нибудь Уче„наго. Усердно желаю, мой лю„безный другъ, чтобы вездѣ встрѣ„чались тебѣ такіе люди, кото„рыхъ знакомство и воспоминаніе „возвышало бы удовольствія, на„ходимыя тобою въ наслажденіи „прекрасною Природою, и утѣша-

,,ло бы тебя въ непріятномъ опы-
,,тѣ, что вездѣ есть зло. Могу
,,себѣ представить, что сей опытъ
,,часто тебя огорчаетъ, и приво-
,,дитъ въ такое грустное распо-
,,ложеніе, въ какомъ я видалъ те-
,,бя, живши съ тобою.“ Такъ, мой
другъ! вездѣ есть зло; но

Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

Наконецъ я возвратился—(тотъ же, каковъ поѣхалъ; только съ нѣкоторыми новыми опытами, съ нѣкоторыми новыми знаніями, съ живѣйшею способностію чувствовать красоты физическаго и моральнаго міра) — спѣшилъ обнять повѣреннаго души моей; воображалъ его пріятное удивленіе, его радость... но сердце мое замерло, когда я увидѣлъ Агатона. Долговременная болѣзнь напечатлѣла знаки изнеможенія на блѣдномъ лицѣ его; въ тус-

клыхъ взорахъ изображалось тѣлесное и душевное разслабленіе; огонь жизни простылъ въ его сердцѣ, томномъ и мрачномъ. Едва могъ онъ обрадоваться моему пріѣзду, едва могъ пожать руку мою; едва слабая, невольная улыбка блеснула на лицѣ его, подобно осеннему солнцу, которое въ лучезарномъ сіяніи на минуту является и въ облакахъ исчезаетъ.

Жаловаться ли намъ на участь бѣднаго, слабаго человѣчества? — Увы! что есть мудрость мудраго, когда паденіе соломенки можетъ разрушить ее; когда болѣзнь тѣлесная затемняетъ свѣтъ его разума, и покрываетъ густымъ мракомъ нечувствительности такую душу, въ которой вся Природа какъ въ чистомъ ручейкѣ созерцалась! — Горестная мысль! горестный опытъ!

Пришла весна, и благодѣтельныя вліянія сего прекраснаго вре-

мени года возвратили мнѣ друга; бальзамическія испаренія зеленѣющихъ травъ освѣжили его томное сердце; вмѣстѣ съ цвѣтами разцвѣтала душа его, и вмѣстѣ съ нѣжными птенцами слабый духъ его оперялся. Сія весна, сіе лѣто, останутся незабвенными въ моей жизни!

Всегда, всегда будете вы предметомъ благодарной слезы моей, вы пріятные вечера, проведенные мною въ сообществѣ милаго друга, на зеленыхъ лугахъ, орошаемыхъ тихою рѣкою, хотя не столь славною, какъ Аѳинскій Иллисъ, гдѣ Сократы и Критоны древле бесѣдовали о мудрости, но чистою и прекрасною въ своемъ теченіи! Тамъ, будучи друзьями цѣлому свѣту, разсуждали мы о происшествіяхъ міра, угадывали будущую судьбу человѣчества, радовались и горевали; тамъ вопрошали мы Натуру о великихъ тайнахъ ея—

иногда глубокое молчаніе пасмурной ночи, иногда нѣжная пѣснь Филомелы, иногда страшные удары грома были намъ отвѣтомъ ея: — мы благоговѣли, и признавали слабость своего разума. — Естьли обитатели оныхъ сверкающихъ міровъ, которыми усѣяно голубое небо, когда нибудь съ высоты своей взираютъ на смертныхъ чадъ земли: то конечно и мы удостоились ихъ взоровъ — два юноши, страстно любящіе истину и добродѣтель!

Всякой день, всякой вечеръ были мы вмѣстѣ, какъ будто бы предчувствуя, что сіе лѣто будетъ послѣднимъ лѣтомъ дружбы нашей! — Я спѣшилъ къ нему съ каждою новою книгою, съ каждымъ новымъ твореніемъ ума человѣческаго; онъ спѣшилъ ко мнѣ — съ новыми мыслями, съ новыми догадками, съ новою любезностію.

Осень была для насъ печальна;

зимою мы разстались — и разстались навѣки!

Навѣки! — Я обнималъ тебя въ послѣдній разъ, неоцѣненный другъ души моей! въ послѣдній разъ видѣлъ твою чувствительность! Ты любилъ меня — и никогда любовь твоя не была такъ краснорѣчива, какъ въ сію минуту! *Можетъ быть мы скоро увидимся; можетъ быть опять будемъ жить вмѣстѣ* — сказалъ онъ, и закрылъ лице свое. Милый другъ! сердце твое конечно предчувствовало, что намъ уже никогда не видаться въ здѣшней жизни!

Перемѣна климата, а можетъ быть и чрезмѣрная дѣятельность, разстроили его слабое здоровье; онъ занемогъ опасною болѣзнію — страдалъ — томился — ни молодость, ни искусство врачей, ни пламенная молитва дружбы не помогли ему... Онъ скончался!..

Ахъ! для чего не могъ я быть при

концѣ твоемъ — не могъ слышать послѣднихъ словъ, видѣть послѣднихъ взоровъ моего друга? — Ты хладѣлъ въ объятіяхъ смерти, и можетъ быть никто изъ окружавшихъ тебя не зналъ, какая душа оставляла міръ сей, какой человѣкъ умиралъ въ глазахъ ихъ! Можетъ быть безчувственные люди положили тебя въ гробъ, — безчувственные люди опустили гробъ твой въ землю! — Я хотѣлъ бы оросить слезами то мертвое тѣло, въ которомъ обиталъ безсмертный духъ твой; хотѣлъ бы проститься съ тобою, и со всею горячностію дружбы поцѣловать тѣ хладныя уста, изъ которыхъ нѣкогда лились въ грудь мою отрада и утѣшеніе; хотѣлъ бы успокоить тебя и въ самомъ гробѣ, и первымъ весеннимъ цвѣтомъ украсить могилу твою! . . . Ахъ! начто мы разлучались? Сіи не многіе дни, которые оставалось прожить тебѣ въ юдоли

смертнаго, протекли бы въ тиши-нѣ и мирѣ; попеченія любви, стара-нія дружбы облегчили бы переходъ твой въ вѣчность, и Ангелъ смерти принялъ бы тебя изъ объятій чувствительнаго человѣка! —

Онъ умиралъ спокойно. *Я говорилъ съ нимъ за два дни до кончины его* (пишетъ ко мнѣ любезной Д***), *и никогда не перестану удивляться силамъ души его* — а я, за сіе удивленіе, никогда не перестану любить тебя, милой Д***! —

Величественная Натура... или Ты, Котораго я назвать не умѣю... Ты, Котораго истинное имя и существо таятся въ непроницаемомъ мракѣ, или — въ неприступномъ свѣтѣ! дерзнетъ ли смертный съ слабымъ, но чистымъ сердцемъ, безъ страха и трепета вопросить Тебя: почто образовалъ Ты прекрасную душу моего друга, и скрылъ ее на зарѣ утренней, прежде нежели возсіяла она во всей красотѣ

своей? Уже ли мудрая рука Твоя ошиблась, и произвела оную не въ свое время, не въ своемъ мѣстѣ? — Невидимая сила заграждаетъ уста мои — безмолвствую.

Горесть моя будетъ продолжительна — безконечна! Я имѣю друзей сердца, которые меня любятъ, и которые мнѣ всего на свѣтѣ милѣе; но духъ мой лишился любезнѣйшаго своего брата и совоспитанника, котораго никто, никто замѣнить не можетъ!

Дражайшій Агатонъ! рука времени не загладитъ образа твоего въ моихъ мысляхъ; всегда, всегда буду воспоминать о незабвенномъ другѣ: — ибо память твоя впечатлѣлась въ существо души моей, и слилася съ ея любезнѣйшими идеями и чувствами. Скоро разцвѣтетъ пространный садъ Натуры; скоро птички запоютъ на зеленыхъ вѣтвяхъ — я пойду въ поле; пойду гулять туда, гдѣ гулялъ съ тобою; ся-

ду на томѣ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ съ тобою, и подъ шумомъ весеннихъ водопадовъ пролью сладкія слезы. Тамъ, видя радостное обновленіе Природы, буду воображать тебя обновленнаго въ таинственныхъ жилищахъ вѣчности, которыя стали мнѣ извѣстнѣе съ того времени, какъ ты въ оныя преселился — въ жилищахъ, гдѣ непремѣнная весна царствуетъ, и алѣютъ цвѣты неувядаемые; гдѣ нѣтъ ни слезъ, ни вздоховъ; гдѣ мудрые древности, какъ нѣжные братья, бесѣдуютъ съ тобою, и гдѣ нѣкогда встрѣтишь ты и меня съ Ангельскою улыбкою небесной дружбы.

Прости!

Марта 28, 1793.

ЧТО НУЖНО АВТОРУ?

Говорятъ, что Автору нужны таланты и знанія: острой, проницательной разумъ, живое воображеніе, и проч. Справедливо: но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, естьли онъ хочетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей; естьли хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ; естьли хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ. Творецъ всегда изображается въ твореніи, и часто противъ воли своей. Тщетно думаетъ лицемѣръ обмануть читателей, и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрыть желѣзное сердце; тщетно говоритъ намъ о милосердіи, сострa-

данія, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни; и никогда питательное, эѳирное пламя не польется изъ его твореній въ нѣжную душу читателя.

Естьли бы Небо надѣлило какого нибудь изверга великими дарованіями славнаго Аруэта (*), то, вмѣсто прекрасной Заиры, написалъ бы онъ — каррикатуру Заиры. Чистѣйшій, цѣлебный Нектаръ въ нечистомъ сосудѣ дѣлается противнымъ, ядовитымъ питіемъ.

Когда ты хочешь писать портретъ свой, то посмотрись прежде въ вѣрное зеркало: можетъ ли быть лице твое предметомъ искусства, которое должно зани-

(*) Защитникъ и покровитель невинныхъ, благодѣтель Каласовой фамиліи, благодѣтель всѣхъ Фернейскихъ жителей, имѣлъ конечно не дурное сердце.

маться однимъ *изящнымъ*, изображать красоту, гармонію, и распространять въ *области чувствительнаго* пріятныя впечатлѣнія? Естьли творческая Натура произвела тебя въ часъ небреженія, или въ минуту раздора своего съ красотою: то будь благоразуменъ, не безобразь художниковой кисти, — оставь свое намѣреніе. Ты берешься за перо, и хочешь быть Авторомъ: спроси же у самого себя, наединѣ, безъ свидѣтелей, искренно: *каковъ я?* ибо ты хочешь писать портретъ души и сердца своего.

Уже ли думаете вы, что Геснеръ могъ бы столь прелестно изображать невинность и добродушіе пастуховъ и пастушекъ, естьли бы сіи любезныя черты были чужды собственному его сердцу?

Ты хочешь быть Авторомъ: читай исторію нещастій рода человѣческаго — и естьли сердце твое

не обольется кровію, оставь перо, — или оно изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей.

Но естьли всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открытъ путь въ чувствительную грудь твою; естьли душа твоя можетъ возвыситься до *страсти къ добру*, можетъ питать въ себѣ святое, никакими сферами неограниченное *желаніе всеобщаго блага*: тогда смѣло призывай богинь Парнасскихъ — онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чертоговъ, и посѣтятъ твою смиренную хижину — ты не будешь безполезнымъ Писателемъ — и никто изъ добрыхъ не взглянетъ сухими глазами на твою могилу.

Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія — все сіе трогаетъ и плѣняетъ тогда, когда одушевляется чувствомъ; естьли не оно разгорячаетъ воображеніе Писателя, то никогда слеза моя, никогда

улыбка моя не будетъ его наградою.

Отъ чего Жанъ-Жакъ Руссо нравится намъ со всѣми своими слабостями и заблужденіями? Отъ чего любимъ мы читать его и тогда, когда онъ мечтаетъ или запутывается въ противорѣчіяхъ?—Отъ того, что въ самыхъ его заблужденіяхъ сверкаютъ искры страстнаго человѣколюбія; отъ того, что самыя слабости его показываютъ нѣкоторое милое добродушіе.

Напротивъ того многіе другіе Авторы, не смотря на свою ученость и знанія, возмущаютъ духъ мой и тогда, когда говорятъ истину: — ибо сія истина мертва въ устахъ ихъ; ибо сія истина изливается не изъ добродѣтельнаго сердца; ибо дыханіе любви не согрѣваетъ ее.

Однимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной человѣкъ не можетъ быть хорошимъ Авторомъ.

НѢЧТО О НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОСВѢЩЕНІИ.

Que les Muses, les arts & la philosophie
Passent d'un peuple à l'autre & consolent
la vie.

St. Lambert.

Былъ человѣкъ — и человѣкъ великой, незабвенной въ лѣтописяхъ Философіи, въ исторіи людей — былъ человѣкъ, которой со всѣмъ блескомъ краснорѣчія доказывалъ, что просвѣщеніе для насъ вредно, и что Науки несовмѣстны съ добродѣтелію!

Я чту великія твои дарованія, краснорѣчивой Руссо! Уважаю истины, открытыя тобою совре-

менникамъ и потомству (*) — истины, отнынѣ незагладимыя на дскахъ нашего познанія — люблю тебя за доброе твое сердце, за любовь твою къ человѣчеству; но признаю мечты твои мечтами, парадоксы парадоксами. —

Вообще разсужденіе его о Наукахъ (**) есть, такъ сказать, логической Хаосъ, въ которомъ видѣнъ только обманчивой порядокъ или призракъ порядка; въ которомъ сіяетъ только *ложное* солнце — такъ какъ въ Хаосѣ творенія, по описанію одного Поэта — и день съ ночью непосредственно, то есть безъ утра и вечера, соединяются.

(*) Я говорю о тѣхъ моральныхъ истинахъ, которыя Руссо открываетъ намъ въ своемъ Эмилѣ.

(**) Discours sur la question, proposée par l' Académie de Dijon, si le rètablissement des Sciences et des Arts a contribué à épurer les moeurs?

Оно есть собраніе противорѣчій и софизмовъ, предложенныхъ — въ чемъ надобно отдать справедливость Автору — съ довольнымъ искусствомъ.

„Но Жанъ-Жака нѣтъ уже на свѣтѣ: на что безпокоить прахъ его?“ — Творца нѣтъ на свѣтѣ, но твореніе существуетъ; невѣжды читаютъ его — самые тѣ, которые ничего болѣе не читаютъ — и подъ Эгидою славнаго Женевскаго Гражданина злословятъ просвѣщеніе. Естьли бы небесный Юпитеръ отдалъ имъ на время громъ свой, то великолѣпное зданіе Наукъ въ одну минуту превратилось бы въ пепелъ.

Я осмѣливаюсь предложить нѣкоторыя примѣчанія, нѣкоторыя мысли свои о семъ важномъ предметѣ. Онѣ не суть плодъ глубокаго размышленія, но первыя, такъ сказать, идеи, возбужден-

ныя чтеніемъ Руссова творенія (*).

Со временъ Аристотелевыхъ твердятъ ученые, что надобно опредѣлять вещи, когда желаешь говорить объ нихъ, и говорить основательно. Дефиниціи служатъ Фаросомъ въ путяхъ умствованія — Фаросомъ, которой без-

(*) Новая піеса одного неизвѣстнаго Нѣмецкаго Автора, которая нечаянно попалась мнѣ въ руки, и въ которой бѣдныя Науки страдаютъ ужаснымъ образомъ, заставила меня прочесть со вниманіемъ Discours de J. J. — Примѣчанія мои неважны; но они по крайней мѣрѣ не выписаны ни изъ Готье, ни изъ Лаборда, ни изъ Мену, которыхъ я или совсѣмъ не читалъ, или совсѣмъ забылъ. — Что же принадлежитъ до Господина Нѣмецкаго Анонимуса, то онъ кромѣ злобы, тупоумія и несноснаго Готшедскаго слога, ничѣмъ похвалиться не можетъ; на такія сочиненія нѣтъ отвѣта.

престанно долженъ сіять предъ глазами нашими, естьли мы не хотимъ съ прямой черты совратиться. Руссо пишетъ о Наукахъ, объ Искусствахъ, не сказавъ, что суть Науки, что Искусства. Правда, естьли бы онъ опредѣлилъ ихъ справедливо, то всѣ главныя идеи трактата его — поднялись бы на воздухъ и разсѣялись въ дымъ, какъ пустые фантомы и чада Химеры; то есть, трактатъ его остался бы въ туманной области небытія — а Жанъ-Жаку непремѣнно хотѣлось бранить ученость и просвѣщеніе. Для чего же? Можетъ быть для странности; для того, чтобы удивить людей, и показать свое отмѣнное остроуміе: суетность, которая бываетъ слабостію и самыхъ великихъ умовъ! —

Не смотря на разные классы Наукъ, не смотря на разныя имена ихъ, онѣ суть ничто иное, какъ

познаніе Натуры и человѣка, или система свѣдѣній и умствованій, относящихся къ симъ двумъ предметамъ (*).

Отъ чего произошли онѣ? — Отъ любопытства, которое есть одно изъ сильнѣйшихъ побужденій души человѣческой: любопытства, соединеннаго съ разумомъ.

Доброй Руссо! ты, которой всегда хвалишь мудрость Природы, называешь себя другомъ ея и сыномъ, и хочешь обратить людей къ ея простымъ, спасительнымъ законамъ! скажи, не сама ли Природа вложила въ насъ сію живую склонность ко знаніямъ? Не она ли приводитъ ее въ движеніе своими великолѣпными чудесами, столь изобильно вокругъ насъ разсѣянными? Не она ли призываетъ насъ къ Наукамъ? — Можетъ ли человѣкъ

(*) Познаніе сихъ двухъ предметовъ ведетъ насъ къ чувствованію всевѣчнаго творческаго Разума.

быть безчувственъ тогда, когда громы Натуры гремятъ надъ его головою, когда страшные огни ея пылаютъ на горизонтѣ и разсѣкаютъ небо; когда моря ея шумятъ и ревутъ въ необозримыхъ своихъ равнинахъ; когда она цвѣтетъ передъ нимъ въ зеленой одеждѣ своей или сіяетъ въ златѣ блестящихъ плодовъ, или, какъ будто бы утружденная великолѣпіемъ своихъ феноменовъ, облекается въ черную ризу осени, и погружается въ зимній сонъ подъ бѣлымъ кровомъ снѣговъ своихъ?

Обратимся во тьму прошедшаго; углубимся въ бездну минувшихъ вѣковъ, и вступимъ въ тѣ, давно истлѣвшіе лѣса, въ которыхъ человѣчество, по словамъ твоимъ, о Руссо! блаженствовало въ физическомъ и душевномъ мерцаніи; устремимъ взоръ нашъ на юнаго сына Природы, тамъ живу-

щаго: мы увидимъ, что и онъ не только о физическихъ потребностяхъ думаетъ; что и онъ имѣетъ душу, которая требуетъ себѣ не тѣлесной пищи. Сей дикой взираетъ съ удивленіемъ на картину Натуры; око его обращается отъ предмета къ предмету — отъ заходящаго солнца на восходящую луну, отъ грозной скалы, опѣняемой валами, на прекрасной ландшафтъ, гдѣ ручейки журчатъ въ серебряныхъ нитяхъ, гдѣ свѣжіе цвѣты пестрѣютъ и благоухаютъ. Онъ въ тихомъ восхищеніи плѣняется естественными красотами, иногда нѣжными и милыми, иногда страшными: впиваетъ ихъ, такъ сказать, въ свое сердце всѣми чувствами и наслаждается безъ насыщенія. Все для него привлекательно; все хочетъ онъ видѣть и осязать въ нервахъ своихъ; спѣшитъ къ отдаленнѣйшему, ищетъ конца горизонту и не находитъ его — небо во всѣ

стороны надъ нимъ разливается — Природа вокругъ его необозрима, и симъ величественнымъ образомъ безпредѣльности вѣщаетъ ему: *нѣтъ предѣловъ твоему любопытству и наслажденію!* — Такимъ образомъ собираетъ онъ безчисленныя идеи или чувственныя понятія, которыя суть ничто иное, какъ непосредственное отраженіе предметовъ, и которыя носятся сначала въ душѣ его безъ всякаго порядка; но скоро пробуждается въ ней та удивительная сила или способность, которую называемъ мы *разумомъ*, и которая ждала только чувственныхъ впечатлѣній, чтобы начать свои дѣйствія. Подобно лучезарному солнцу освѣщаетъ она Хаосъ идей, раздѣляетъ и совокупляетъ ихъ, находитъ между ними различія и сходства; отношенія, частное и общее, и производитъ идеи особливаго рода, идеи отвлеченныя, которыя

составляютъ *знаніе* (*), составляютъ уже *науку* — сперва Науку Природы, внѣшности, предметовъ; а по томъ, черезъ разныя отвлеченія, достигаетъ человѣкъ и до понятія о самомъ себѣ, обращается отъ чувствованій къ чувствующему, и, не будучи Декартомъ, говоритъ: cogito, ergo sum — *мыслю, слѣдственно существую* (**): *чтожъ я?* .. Вся наша Антропологія есть ничто иное, какъ отвѣтъ на сей вопросъ — —

И такимъ образомъ можно сказать, что Науки были прежде Университетовъ, Академій, Профессоровъ, Магистеровъ, Бакалавровъ. Гдѣ Натура, гдѣ человѣкъ, тамъ учительница, тамъ ученикъ — тамъ Наука.

(*) Знать вещь есть не чувствовать только, но отличать ее отъ другихъ вещей, представлять ее въ связи съ другими.

(**) Извѣстной Декартовъ силлогизмъ.

Хотя первыя понятія дикихъ людей были весьма недостаточны, но они служили основаніемъ тѣхъ великолѣпныхъ знаній, которыми украшается вѣкъ нашъ; они были первымъ шагомъ къ великимъ открытіямъ Невтоновъ и Лейбницевъ — такъ оный источникъ, едва, едва журчащій подъ сѣнію вѣтвистаго дуба, мало по малу расширяется, шумитъ, и наконецъ образуетъ величественную Волгу.

Кто же, описывая дикаго или естественнаго человѣка, представляетъ его невнимательнымъ, нелюбопытнымъ, живущимъ всегда въ одной сферѣ чувственныхъ впечатлѣній, безъ всякихъ отвлеченныхъ идей — думающимъ только объ утоленіи голода и жажды, и проводящимъ большую часть времени во снѣ и безчувствіи — однимъ словомъ, звѣремъ: тотъ сочиняетъ романъ, и описываетъ человѣка, которой совсѣмъ не есть

человѣкъ. Ни въ Африкѣ, ни въ Америкѣ не найдемъ мы такихъ безсмысленныхъ людей. Нѣтъ! и Готтентоты любопытны; и Кафры стараются умножать свои понятія; и Караибы имѣютъ отвлеченныя идеи, ибо у нихъ есть уже языкъ, слѣдствіе многихъ умствованій и соображеній (*). — Или пусть младенецъ будетъ намъ примѣромъ юнаго человѣчества, младенецъ, котораго душа чиста еще отъ всѣхъ наростовъ, несвойственныхъ ея натурѣ! Не примѣчаемъ ли въ немъ желанія знать все, что представляется глазамъ его? Всякой шумъ, всякой необыкновенной предметъ не возбуждаетъ ли его вниманія? — Въ сихъ первыхъ движеніяхъ души видитъ Философъ опредѣленіе че-

(*) На прим. всякое прилагательное имя есть отвлеченіе. Времена глаголовъ, мѣстоименія — все сіе требуетъ утонченныхъ дѣйствій разума.

ловѣка; видитъ, что мы сотворены для *знаній, для науки.*

Что суть Искусства? — *Подражаніе Натурѣ.* Густыя, сростшіяся вѣтьви были образцомъ первой хижины и основаніемъ Архитектуры; вѣтеръ, вѣявшій въ отверстіе сломленной трости, или на струны лука, и поющія птички научили насъ музыкѣ — тѣнь предметовъ рисованью и живописи. Горлица, стѣтующая на вѣтьви объ умершемъ дружкѣ своемъ, была наставницею перваго Элегическаго Поэта (*); подобно ей хотѣлъ онъ

(*) Я думаю, что первое піитическое твореніе было ничто иное, какъ изліяніе томно-горестнаго сердца; то есть, что первая Поэзія была Элегическая. Человѣкъ веселящійся бываетъ столько занятъ предметомъ своего веселья, своей радости, что не можетъ заняться описаніемъ своихъ чувствъ; онъ наслаждается, и ни о чемъ болѣе не думаетъ. На-

выражать горесть свою, лишась милой подруги — и всѣ пѣсни младенчественныхъ народовъ начинаются сравненіемъ съ предметами или дѣйствіями Натуры.

Но что жь заставило насъ подражать Натурѣ, то есть, что произвело Искусcства? *При-*

противъ того горестной другъ, горестной любовникъ, потерявъ милую половину души своей, любитъ думать и говорить о своей печали, изливать, описывать свои чувства; избираетъ всю Природу въ повѣренные грусти своей; ему кажется, что журчащая рѣчка и шумящее дерево соболѣзнуютъ о его утратѣ; состояніе души его есть уже, такъ сказать, Поэзія; онъ хочетъ облегчить свое сердце, и облегчаетъ его—слезами и пѣснію.--Всѣ веселыя стихотворенія произошли въ позднѣйшія времена, когда человѣкъ сталъ описывать не только свои, но и другихъ людей чувства; не только настоящее, но и прошедшее; не только дѣйствительное, но и возможное или вѣроятное.

родное человѣку стремленіе къ улучшенію бытія своего, къ умноженію жизненныхъ пріятностей. Отъ перваго шалаша до Луврской колонады, отъ первыхъ звуковъ простой свирѣли до симфоній Гайдена, отъ перваго начертанія деревъ до картинъ Рафаелевыхъ, отъ первой пѣсни дикаго до Поэмы Клопштоковой, человѣкъ слѣдовалъ сему стремленію. Онъ хочетъ жить *покойно*: раждаются такъ называемыя *полезныя искуства*; возносятся зданія, которыя защищаютъ его отъ свирѣпости стихій. Онъ хочетъ жить *пріятно*: являются такъ называемыя *изящныя искуства*, которыя усыпаютъ цвѣтами жизненный путь его.

И такъ Искусства и Науки *необходимы*: ибо онѣ суть плодъ природныхъ склонностей и дарованій человѣка, и соединены съ существомъ его, подобно какъ дѣйствіе

соединяется съ причиною, то есть союзомъ неразрывнымъ. Успѣхи ихъ показываютъ, что духовная натура наша въ теченіи временъ, подобно какъ злато въ горнилѣ, очищается и достигаетъ бо́льшаго совершенства; показываютъ великое наше преимущество предъ всѣми иными живопными, которыя отъ начала міра живутъ въ одномъ кругѣ чувствъ и мыслей, между тѣмъ какъ люди безпрестанно его распространяютъ, обогащаютъ, обновляютъ.

Я помню — и всегда буду помнить — что добрѣйшій и любезнѣйшій изъ нашихъ Философовъ, великой Боннетъ, сказалъ мнѣ однажды на берегу Женевскаго озера, когда мы, взирая на заходящее солнце, на златыя струи Лемана, говорили объ успѣхахъ человѣческаго разума. „Мой другъ!" . . . симъ именемъ называетъ Боннетъ (*) всѣхъ

(*) Онъ былъ еще живъ, когда я писалъ сіи Примѣчанія.

тѣхъ, которые приходятъ къ нему съ любовію къ истинѣ... „мой другъ! размышляющій человѣкъ можетъ и долженъ надѣяться, что въ послѣдствіи вѣковъ объяснится весь мракъ въ путяхъ Философіи, и заря нашихъ смѣлѣйшихъ предчувствій будетъ нѣкогда солнцемъ увѣренія. Знанія разливаются какъ волны морскія; необозримо ихъ пространство; никакое острое зрѣніе не можетъ видѣть отдаленнаго берега — но когда явится онъ утружденному взору мудрецовъ; когда мы узнаемъ все, что въ странахъ подлунныхъ знать можно: тогда — можетъ быть — исчезнетъ міръ сей подобно волшебному замку, и человѣчество вступитъ въ другую сферу жизни и блаженства." — Небесный свѣтъ сіялъ въ сію минуту на лицѣ Женевскаго Философа, и мнѣ казалось, что я слышу гласъ пророка.

Такъ, Искусства и Науки нераз-

лучны съ существомъ нашимъ — и естьли бы какой нибудь духъ тьмы могъ теперь въ одну минуту истребить всѣ плоды ума человѣческаго, жатву всѣхъ прошедшихъ вѣковъ: то потомки наши снова найдутъ потерянное, и снова возсіяютъ Искусства и Науки какъ лучезарное солнце на земномъ шарѣ. Драгоцѣнное собраніе знаній, по волѣ гнуснаго варвара, было жертвою пламени въ Александріи; но мы знаемъ теперь то, чего ни Греки ни Римляне не знали. Пусть новый Омаръ, новый Амру, факеломъ Тизифоны превратитъ въ пепелъ всѣ наши книгохранилища! Въ теченіе грядущихъ временъ родятся новые Баконы, которые положатъ новое, и можетъ быть еще твердѣйшее основаніе храма Наукъ; родятся новые Невтоны, которые откроютъ законы всемірнаго движенія; новой Локкъ изъяснитъ человѣку разумъ человѣка; новые Кон-

дильяки, новые Боннеты силою ума своего оживятъ статую (*), и новые Поэты воспоютъ красоту Натуры, человѣка и славу Божію: ибо все то, чему мы удивляемся въ книгахъ, въ музыкѣ, на картинахъ, все то излилось изъ души нашей, и есть лучь божественнаго свѣта ея, произведеніе великихъ ея способностей, которыхъ никакой Омаръ, никакой Амру не можетъ уничтожить. Перемѣните душу, вы ненавистники просвѣщенія! или никогда, никогда не успѣете въ человѣколюбивыхъ своихъ предпріятіяхъ; и никогда Промеѳеевъ огонь на землѣ не угаснетъ!

Заключимъ: естьли Искусства и Науки въ самомъ дѣлѣ зло, то онѣ *необходимое* зло, — зло, истекающее изъ самой натуры нашей;

(*) См. Essai analytique sur l'Ame, par Bonnet, и Traité des Sensations, par Condillac.

зло, для котораго Природа сотворила насъ. Но сія мысль не возмущаетъ ли сердца? Согласна ли она съ благостію Природы, съ благостію Творца нашего? Могъ ли Всевышній произвести человѣка съ любопытною и разумною душею, когда плоды сего любопытства и сего разума долженствовали быть пагубны для его спокойствія и добродѣтели? Руссо! я не вѣрю твоей системѣ.

Науки портятъ нравы, говоритъ онъ: *нашъ просвѣщенной вѣкъ служитъ тому доказательствомъ.*

Правда, что осьмойнадесять вѣкъ просвѣщеннѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ; правда и то, что многіе пишутъ на него сатиры; многіе, кстати и не кстати, восклицаютъ: o tempora! o mores! *о времена! о нравы!* многіе жалуются на развратъ, на гибельные пороки нашихъ временъ — но много ли Философовъ? много ли размыш-

ляющихъ людей? много ли такихъ, которые проницаютъ взоромъ своимъ во глубину нравственности, и могутъ справедливо судить о феноменахъ ея? Когда нравы были лучше нынѣшнихъ? Не уже ли въ теченіе среднихъ вѣковъ, тогда, когда грабежъ, разбой и убійство почитались самымъ обыкновеннымъ явленіемъ? Пусть заглянутъ въ старыя лѣтописи, и сличатъ ихъ съ исторіею нашихъ временъ! — Намъ будутъ говорить о Сатурновомъ вѣкѣ, щастливой Аркадіи... Правда, сія вѣчно-цвѣтущая страна, подъ благимъ, свѣтлымъ небомъ, населенная простыми, добродушными пастухами, которые любятъ другъ друга какъ нѣжные братья, не знаютъ ни зависти ни злобы, живутъ въ благословенномъ согласіи, повинуются однимъ движеніямъ своего сердца, и блаженствуютъ въ объятіяхъ любви и дружбы, есть нѣчто восхититель-

ное для воображенія чувствитель-ныхъ людей; но — будемъ искрен-ны, и признаемся, что сія щаст-ливая страна есть ничто иное, какъ пріятной сонъ, какъ восхити-тельная мечта сего самого вообра-женія. По крайней мѣрѣ никто еще не доказалъ намъ исторически, чтобы она когда нибудь существ-вовала. Аркадія Греціи не есть-та прекрасная Аркадія, которою древ-ніе и новые Поэты прельщаютъ наше сердце и душу.

J' ouvre les fastes: sur cet âge
Partout je trouve des regrets;
Tous ceux qui m'en offrent l'image,
Se plaignent d'être nés après.

Самыя отдаленнѣйшія времена, освѣщаемыя факеломъ Исторіи — времена, въ которыя Искусства и Науки были еще, такъ сказать, въ безсловесномъ младенчествѣ — не представляютъ ли намъ пороковъ

и злодѣяній? Самъ ты, о Руссо! живошворною своею кистію изобразилъ одно изъ сихъ страшныхъ происшествій древности, которыя возмущаютъ всякое чувство (*) и показываютъ, что сердце человѣческое оскверняло́сь тогда самымъ гнуснѣйшимъ развратомъ.

Ты обвиняешь вѣкъ нашъ утонченнымъ лицемѣріемъ, притворствомъ; но отъ чего же порокъ старается нынѣ скрывать себя подъ личиною добродѣтели болѣе, нежели когда нибудь? Не отъ того ли, что въ нынѣшнія времена гнушаются имъ болѣе, нежели прежде? Самое сіе относится къ чести нашихъ нравовъ; и естьли мы обязаны тѣмъ просвѣщенію, то оно благотворно и спасительно для Морали. Иначе можно будетъ доказать, что и добродѣтель развращаетъ

(*) Въ Levite d' Ephraïm.

людей, заставляя порочнаго лицемѣрить; ибо никогда не имѣетъ онъ такой нужды притворяться добрымъ, какъ въ присутствіи добрыхъ. — Вообразимъ двухъ человѣкъ, которые оба злонравны, но съ тѣмъ различіемъ, что одинъ явно предается своимъ склонностямъ, и слѣдственно не стыдится ихъ, — а другой таитъ оныя, и слѣдственно самъ чувствуетъ, что онѣ не похвальны: кто изъ нихъ ближе къ исправленію? Конечно послѣдній; ибо первой шагъ къ добродѣтели, какъ говорятъ древніе и новые Моралисты, есть познаніе гнусности порока.

Мысль, что во времена невѣжества не могло быть столько обмановъ, какъ нынѣ, для того что люди не знали никакихъ тонкихъ хитростей, есть совершенно ложная. Простые такъ же другъ друга обманываютъ, какъ и хитрые; первые грубымъ образомъ, а вторые ис-

кусным — ибо мы не можемъ быть ни равно просты, ни равно хитры. Вспомнимъ жрецовъ идолопоклонства: они были конечно не ученые, не мудрецы, но умѣли ослѣплять людей, — и кровь человѣческая лилась на жертвенникахъ.

Сія учтивость, сія привѣтливость, сія ласковость, которая свойственна нашему времени преимущественно передъ всѣми прочими, и которую новые Тимоны (*) называютъ сусальнымъ золотомъ осьмагонадесять вѣка, въ глазахъ Философа есть истинная добродѣтель общежитія и слѣдствіе утонченнаго человѣколюбія. Не спорю, что отереть слезы бѣднаго, отвратить грозную бурю отъ своего брата, гораздо похвальнѣе и важнѣе, нежели

(*) Извѣстно, что Аѳинской Тимонъ былъ великой мизантропъ. „Я люблю тебя, сказалъ онъ Альцибіаду, за то, что ты сдѣлаешь довольно зла своему отечеству.

приласкать человѣка добрымъ словомъ или улыбкою; но все то, чѣмъ мы можемъ доставить другъ другу невинное удовольствіе, есть должность наша —- и кто хотя одну минуту жизни сдѣлалъ для меня пріятною, тотъ есть мой благодѣтель. Мудрая, любезная Натура не только даетъ намъ пищу; она производитъ еще и алую розу, и бѣлую лилію, которыя не нужны для нашего физическаго существованія —- но онѣ пріятны для обонянія, для глазъ нашихъ, и Натура производитъ ихъ. Учтивость, привѣтливость есть цвѣтъ общежитія.

Спартанцы не знали ни Наукъ, ни Искусствъ—говоритъ нашъ *Мизософъ — и были добродѣтельнѣе прочихъ Грековъ, — и были непобѣдимы. Когда невѣжество царствовало въ Римѣ, тогда Римляне повелѣвали міромъ; но Римъ просвѣтился,*

и сѣверные варвары наложили на него цѣпи рабства (*).

Вопреки Спартанцы не были такими невѣждами и грубыми людьми, какими хочетъ ихъ описывать Женевской Гражданинъ. Они не занимались ни Астрономіею, ни Метафизикою, ни Геометріею: но у нихъ были другія Науки, и самыя Изящныя Искусства. Они имѣли свою Мораль, свою Логику, свою Реторику, хотя учились имъ не въ Академіяхъ, а на лобномъ мѣстѣ — не отъ Профессоровъ, а отъ своихъ Эфоровъ. Не священная ли Поэзія приготовила сихъ Республиканцевъ къ Ликурговымъ уставамъ? Пѣснопѣвецъ Ѳалесъ (**) былъ предте-

(*) Все, что Руссо говоритъ въ своемъ Discours о Спартѣ и Римѣ, взято изъ Essais de Montaigne, главы XXIV, du Pedantisme. Жанъ - Жакъ любилъ Монтаня.

(**) Сей Поэтъ Ѳалесъ жилъ прежде мудреца Ѳалеса или Талеса.

чею сего законодателя; явился въ Спартѣ съ златострунною лирою, воспѣлъ щастiе мудрыхъ законовъ, благо согласiя, и восхитилъ сердца слушателей. Тогда пришелъ Ликургъ, и Спартанцы приняли его какъ друга боговъ и человѣковъ, котораго устами вѣщала истина и мудрость. Во время второй Мессенской войны повелѣвалъ Лакедемонцами Аѳинской Поэтъ Тиртей; онъ пѣлъ, игралъ на арфѣ, и воины его, какъ яростные вихри, стремились на брань и смерть: доказательство, что сердца ихъ отверзались *впечатлѣнiямъ изящнаго*, чувствовали въ истинѣ красоту и въ красотѣ истину! — У нихъ были и собственные свои Поэты, на прим. Алкманъ, которой „всю жизнь свою посвящалъ любви, и во всю жизнь свою воспѣвалъ любовь"; были музыканты и живописцы — первые гармонiею струнъ своихъ возбуждали въ нихъ ревность герой-

ства; кисть вторыхъ изображала *красоту* и *силу*, въ видѣ Аполлона и Марса, чтобы Спартанки, обращая на нихъ взоры свои, раждали Аполлоновъ и Марсовъ — были и Риторы, которые въ собраніяхъ народа, или на печальныхъ празднествахъ, учрежденныхъ въ память Павзанію и Леониду, убѣждали и трогали согражданъ своихъ — на прим. самые Аѳинцы удивлялись краснорѣчію Спартанца Бразида, и сравнивали его съ лучшими изъ Греческихъ Ораторовъ. Законы Лакедемонскіе не запрещали наслаждаться Изящными Искусствами, но не терпѣли ихъ злоупотребленія. Для сего-то Эфоры не позволяли гражданамъ своимъ читать соблазнительныхъ твореній Сатирика Архилоха; для сего-то велѣли они молчать лирѣ одного музыканта, которой нѣжною, томною игрою вливалъ ядъ сладострастія въ души воиновъ; для сего-то выгнали они

изъ Спарты того Ритора, которой хотѣлъ говорить о всѣхъ предметахъ съ равнымъ искусствомъ и жаромъ. Истинное краснорѣчіе, одушевленное правдою, на правдѣ основанное, было имъ любезно — ложное, софистическое, ненавистно. Теорія Морали ихъ поставлялась въ примѣръ ясной краткости, силы и убѣдительности, такъ что многіе Философы древности — на прим. Ѳалесъ, Питтакъ и другіе, заимствовали отъ нихъ методы своего нравственнаго ученія.

Во вторыхъ — точно ли Спартанцы были добродѣтельнѣе прочихъ Грековъ? Не думаю. Тамъ, гдѣ въ забаву убивали бѣдныхъ невольниковъ, какъ дикихъ звѣрей; гдѣ тирански умерщвляли слабыхъ младенцевъ, для того что Республика не могла надѣяться на силу руки ихъ — тамъ, слѣдуя общему человѣческому понятію, не льзя искать нравственнаго совершен-

ства. Естьли древніе говорили, что „самый Спартанскій воздухъ вселяетъ кажется *Аретинъ*“, то подъ симъ словомъ разумѣли они не то, что мы разумѣемъ нынѣ подъ именемъ *добродѣтели*, vertu, Tugend, а *мужество* или *храбрость* (*), которая только по своему употребленію бываетъ добродѣтелію. Спартанцы были всегда храбры, но не всегда добродѣтельны. Леонидъ и друзья его, которые принесли себя въ жертву отечеству, суть мои Герои, истинно-великіе мужи, полубоги; безъ слезъ не могу я думать о славной смерти ихъ при Термопилахъ — но когда питомцы Ликурговыхъ законовъ лили кровь человѣческую для того, чтобы умножить число своихъ невольниковъ и поработить слабѣйшія Греческія

(*) *Арети* происходитъ отъ *Арисъ*. Симъ именемъ, какъ извѣстно, называется по Гречески Марсъ.

области: тогда храбрость ихъ была злодѣйствомъ — и я радуюсь, что великой Эпаминондъ смирилъ гордость сихъ Республиканцевъ, и съ надменнаго чела ихъ сорвалъ лавръ побѣды.

Аѳины — просвѣщенныя Аѳины, гдѣ, такъ сказать, возрастали всѣ наши Искусства и Науки — Аѳины производили также своихъ Героевъ, которые въ великодушіи и храбрости не уступали Лакодемонскимъ. Ѳемистоклъ, Аристидъ, Фокіонъ! кто не удивляется вашему величію? Вы сіяете въ Исторіи человѣчества какъ благодѣтельныя свѣтила — и вѣчно сіять будете! — Самъ божественный Сократъ, первый изъ мудрецовъ древности, былъ храбрый воинъ; отъ высочайшихъ умозрѣній Философіи летѣлъ онъ на поле брани, умирать за любезныя Аѳины — и я не знаю, кто болѣе имѣетъ причинъ любить и защищать свое отечество, сынъ

Софронисковъ, или какой нибудь Абдеришъ: первый наслаждается въ немъ всѣми благами жизни, цвѣтами Природы, Искусства, самимъ собою, своимъ человѣчествомъ, силами и способностями души своей; а второй въ благословенной Абдерѣ — *живетъ*, и болѣе ничего. Для кого страшнѣе узы варваровъ? Сократъ, сражаясь за Аѳины, сражается за мѣсто своего щастія, своихъ удовольствій, которыя вкушалъ онъ въ садахъ Философскихъ, въ бесѣдѣ друзей и мудрецовъ — Абдеритъ и подъ игомъ Персидскимъ можетъ быть Абдеритомъ (*).

Что принадлежитъ до Рима, то Науки не могли быть причиною

(*) Говорятъ еще, что упражненіе въ Наукахъ или въ Искусствахъ разслабляетъ тѣлесныя силы, нужныя воину; но развѣ ученой или художникъ непремѣнно долженъ морить себя въ кабинетѣ? Соблюдая умѣрен-

его паденія, когда Сципіоны посвящали имъ всѣ свободные часы свои и были — Сципіонами; когда Катонъ, умирая вмѣстѣ съ Республикою, въ послѣднюю ночь жизни своей читалъ Платона; когда Цицеронъ, ученѣйшій Римлянинъ своего времени, презиралъ опасность и гремѣлъ противъ Катилины. Сіи Герои были питомцы Наукъ, и притомъ Герои; болѣе такихъ мужей, и Римъ безсмертенъ въ своемъ величіи!

Я согласенъ, что чрезмѣрная роскошь, которая царствовала наконецъ въ Римѣ, была пагубна для Республики; но какую связь имѣетъ роскошь съ Науками? Сія политическая и нравственная язва пере-

ность въ трудахъ своихъ, онъ можетъ служить отечеству рукою и грудью не хуже другихъ гражданъ. Впрочемъ не Атлетовы силы, но любовь къ отечеству дѣлаетъ воиновъ непобѣдимыми.

шла въ Римъ изъ странъ Азіатскихъ, вмѣстѣ съ великимъ богатствомъ, которое бываетъ ея источникомъ и пищею. Чѣмъ же обогатились потомки Ромуловы? Конечно не науками, но завоеваніями — и такимъ образомъ причина славы ихъ сдѣлалась наконецъ причиною ихъ погибели.

Успѣхъ самыхъ *пріятныхъ искусствъ* ни мало не зависитъ отъ богатства. Поэтъ, живописецъ, музыкантъ, имѣютъ ли нужду въ Моголовыхъ сокровищахъ, для того, чтобы сочинить безсмертную Поэму, написать изящную картину, очаровать слухъ нашъ сладкими звуками? Потребны ли сокровища и для того, чтобы наслаждаться великими произведеніями Искусствъ? Для перваго нужны таланты, для втораго потребенъ вкусъ: и то и другое есть особливой даръ Неба, которой не въ мрачныхъ нѣдрахъ земли хранится,

и не съ золотымъ пескомъ пріобрѣтается (*).

И кто имѣетъ болѣе алчности къ богатству, просвѣщенный человѣкъ или невѣжда? человѣкъ съ дарованіями или глупецъ? Философъ цѣнитъ умозрѣнія свои дороже золота. Архимедъ не взялъ бы миліоновъ за ту минуту, въ которую воскликнулъ онъ: *Эврика! нашелъ!*

(*) Но чѣмъ же въ бѣдной землѣ будетъ награжденъ писатель или художникъ? Похвалою, одобреніемъ, удовольствіемъ своихъ согражданъ: вотъ то, что истинному Артисту всего милѣе, всего дороже! — Музы не умѣютъ считать денегъ, и бѣгутъ отъ желѣзныхъ сундуковъ, на которыхъ гремятъ замки и запоры. Тамъ, гдѣ любятъ ихъ чистымъ сердцемъ; гдѣ умѣютъ чувствовать красоту ихъ — тамъ онѣ всемъ довольны, довольны бѣдною хижиною и ключевою водою. Въ другое мѣсто не заманишь ихъ и славнымъ бриліантомъ Португальской Королевы.

нашелъ! Камоэнсъ не думалъ о своемъ имѣніи, когда тонулъ корабль его; но, бросившись въ море, держалъ онъ въ правой рукѣ Лузіаду. Сіи отмѣнные люди находятъ въ самихъ себѣ источникъ живѣйшихъ удовольствій—и по тому самому богатство не можетъ быть ихъ идоломъ.

Но сколько заблужденій въ Наукахъ! Правда, для того, что онѣ несовершенны; но предметъ ихъ есть *истина.* Заблужденія въ наукахъ суть, такъ сказать, чуждые наросты, и рано или поздно исчезнутъ. Они подобны тѣмъ волнистымъ облакамъ, которыя въ часъ утра показываются на востокѣ, и бываютъ предтечами златаго солнца. Изъ темной сѣни невѣжества должно итти къ свѣтозарной истинѣ сумрачнымъ путемъ сомнѣнія, чаянія и заблужденія; но мы придемъ къ прелестной богинѣ, при-

демъ, не смотря на всѣ препоны, и въ ея эѳирныхъ объятіяхъ вкусимъ небесное блаженство. Высочайшая Премудрость не хотѣла насъ удалить отъ нее сими различными затрудненіями, ибо мы можемъ преодолѣть ихъ, и сражаясь съ оными, чувствуемъ нѣкоторую радость во глубинѣ сердецъ своихъ: вѣрный знакъ того, что дѣйствуемъ согласно съ нашимъ опредѣленіемъ (*)! Кажется, будто Натура, скрывая иногда истину — по словамъ Философа Демокрита — *на днѣ глубокаго кладезя*,

(*) Во всякомъ случаѣ, гдѣ мы удаляемся отъ мудраго плана Натуры, отъ ея цѣли, обыкновенно чувствуемъ въ душѣ своей нѣкоторую тоску, нѣкоторое неудовольствіе, нѣкоторую непріятность. Сіе противное чувство говоритъ намъ: „ты оставилъ путь, предписанный тебѣ Натурою: обратись на него!" Кто не повинуется сему гласу, тотъ вѣчно

хочетъ единственно того, чтобы мы долѣе наслаждались пріятнымъ исканіемъ, и тѣмъ живѣе чувствовали красоту ея. Такъ нѣжная Дафна бѣжитъ и скрывается отъ страстнаго Палемона, единственно для того, чтобы еще болѣе воспалить жаркую любовь его!

Науки съ Искусствами вредны и потому — продолжаетъ ихъ славной Антагонистъ — *что мы тратимъ на нихъ драгоцѣнное время*; но какъ же, уничтоживъ всѣ Науки и всѣ Искусства, будемъ употреб-

будетъ нещастливъ. — Напротивъ того всегда, когда дѣйствуемъ сообразно съ нашимъ опредѣленіемъ, или съ волею великаго Творца, чувствуемъ нѣкоторое тихое удовольствіе, тихую радость. Сіе чувство говоритъ намъ: „ты идешь путемъ, предписаннымъ тебѣ Натурою: не совращайся съ онаго!“

лять его? На земледѣліе, на скотоводство? Правда, что земледѣліе и скотоводство всего нужнѣе для нашего существованія; но можемъ ли занять ими всѣ часы свои? Что станемъ мы дѣлать въ тѣ мрачные дни, когда вся Природа сѣтуетъ и облекается въ траурѣ; когда сѣверные вѣтры обнажаютъ рощи, пушистые снѣга усыпаютъ желѣзную землю, и дыханіе хлада замыкаетъ двери жилищъ нашихъ; когда земледѣлецъ и пастухъ со вздохомъ оставляютъ поля, и заключаются въ своихъ хижинахъ? Тогда не будетъ уже книгъ, благословенныхъ книгъ, сихъ вѣрныхъ, милыхъ друзей, которые доселѣ услаждали для насъ печальную осень и скучную зиму, то обогащая душу великими истинами Философіи, то извлекая слезы чувствительности изъ глазъ нашихъ трогательными повѣствованіями. Священная небесная Ме-

ланхолія, мать всѣхъ безсмертныхъ произведеній ума человѣческаго! ты будешь чужда хладному нашему сердцу; оно забудетъ тогда всѣ благороднѣйшія свои движенія, и сіе пламя всемірной любви, которое развѣваютъ въ немъ творенія истинныхъ мудрецовъ и друзей человѣчества, подобно угасающей лампадѣ блеснетъ — и померкнетъ!.. Руссо! Руссо! память твоя теперь любезна человѣкамъ; ты умеръ, но духъ твой живетъ въ Эмилѣ, но сердце твое живетъ въ Элоизѣ — и ты возставалъ противъ Наукъ, противъ Словесности! и ты проповѣдывалъ щастіе невѣжества, славилъ безсмысліе, блаженство звѣрской жизни! ибо что иное какъ не звѣрь есть тотъ человѣкъ, которой живетъ только для удовлетворенія своимъ физическимъ потребностямъ? Не уже ли скажутъ намъ, что онъ, удовлетворяя симъ

потребностямъ, спокоенъ и щасливъ? Ахъ нѣтъ! на златомъ диванѣ и въ темной хижинѣ онъ бѣденъ и злополученъ; на златомъ диванѣ и въ темной хижинѣ чувствуетъ онъ вѣчной недостатокъ, вѣчную скуку. Одинъ, чтобы наполнить сію мучительную пустоту сердца, выдумываетъ тысячу мнимыхъ нуждъ, тысячу мнимыхъ потребностей жизни (*); другой, угнетаемый бременемъ мысленной силы своей, ищетъ облегченія въ совершенномъ забвеніи самого себя, или прибѣгаетъ къ ужасному распутству. — Такъ конечно! человѣкъ носитъ въ груди своей пламенную Этну: живое побужденіе дѣятельности, которое мучитъ празднаго — Искусства же и На-

(*) Вотъ главная причина роскоши! Слѣдственно Науки, будучи врагами праздности, суть враги и сей самой роскоши, которая питается праздностію.

уки суть благотворный источникъ, утоляющій сію душевную жажду.

Но развѣ добродѣтель не можетъ занять души твоей? возражаетъ Руссо. *Учись быть нѣжнымъ сыномъ, супругомъ, отцомъ, полезнымъ гражданиномъ, человѣкомъ, и ты не будешь празденъ!* Что же есть Мораль, изъ наукъ важнѣйшая, альфа и омега всѣхъ Наукъ и всѣхъ Искусствъ? Не она ли доказываетъ человѣку, что онъ для собственнаго своего щастія долженъ быть добрымъ? Не она ли представляетъ ему необходимость и пользу гражданскаго порядка? Не она ли соглашаетъ волю его съ законами, и дѣлаетъ его свободнымъ въ самыхъ узахъ? Не она ли сообщаетъ ему тѣ правила, которыя разрѣшаютъ его недоумѣнія во всякомъ затруднительномъ случаѣ, и вѣрною стезею ведетъ его къ добродѣтели? — Всѣ животныя, кромѣ человѣка, подвержены уста

ву необходимости: для нихъ нѣтъ выбора, нѣтъ ни добра ни зла; но мы не имѣемъ сего, такъ сказать, *деспотическаго чувства*, сего естественнаго побужденія, управляющаго ими; вмѣсто его данъ человѣку разумъ, которой долженъ *искать* истины и добра. Звѣрь видитъ и дѣйствуетъ; мы видимъ и разсуждаемъ, что есть сравниваемъ, разбираемъ, и по томъ уже дѣйствуемъ.

,,Отъ чего же тѣ люди, которые посвящаютъ жизнь свою Наукамъ, не рѣдко имѣютъ порочные нравы?" — Конечно не отъ того, что они въ Наукахъ упражняются, но совсѣмъ отъ другихъ причинъ: на прим. отъ дурнаго воспитанія, сего главнаго источника нравственныхъ золъ, и отъ дурныхъ навыковъ, глубоко вкоренившихся въ ихъ сердце. Любезныя Музы вра-

чуютъ всегда душевныя болѣзни. Хотя и бываютъ такіе злые недуги, которыхъ не могутъ онѣ излечить *совершенно;* но во всякомъ случаѣ дѣйствія ихъ благотворны —и человѣкъ, которой, не взирая на нѣжной союзъ съ ними, все еще предается порокамъ, во мракѣ невѣжества сдѣлался бы, можетъ быть, страшнымъ чудовищемъ, извергомъ творенія. Искусства и Науки, показывая намъ красоты величественной Натуры, возвышаютъ душу, дѣлаютъ ее чувствительнѣе и нѣжнѣе, обогащаютъ сердце наслажденіями, и возбуждаютъ въ немъ любовь къ порядку, любовь къ гармоніи, къ добру, слѣдственно ненависть къ безпорядку, разгласію и порокамъ, которые разстроиваютъ прекрасную связь общежитія. Кто чрезъ миріады блестящихъ сферъ, кружащихся въ голубомъ небесномъ пространствѣ, умѣетъ возноситься

духомъ своимъ къ престолу невидимаго Божества; кто внимаетъ гласу Его и въ громахъ и въ зефирахъ, въ шумѣ морей и — собственномъ сердцѣ своемъ; кто въ атомѣ видитъ міръ и въ мірѣ атомъ безпредѣльнаго творенія; кто въ каждомъ цвѣточкѣ, въ каждомъ движеніи и дѣйствіи Природы чувствуетъ дыханіе вышней Благости, и въ алыхъ небесныхъ молніяхъ лобызаетъ край Саваоѳовой ризы: тотъ не можетъ быть злодѣемъ. На мраморныхъ скрижаляхъ Исторіи, между именами извергов, покажутъ ли намъ имя Бакона, де-Карта, Галлера, Томсона, Геснера? . . . Наблюдатель человѣчества! будь вторымъ Говардомъ, и посѣти мрачныя обители, гдѣ ожесточенные преступники ждутъ себѣ праведнаго наказанія, — сіи нещастные, долженствующіе кровію своею примириться съ раздраженными законами; спроси

— естьли не онѣмѣютъ уста твои въ семъ жилищѣ страха и ужаса — спроси, кто они? и ты узнаешь, что просвѣщенie не было никогда ихъ долею; и что благодѣтельные лучи Наукъ никогда не озаряли хладныхъ и жестокихъ сердецъ ихъ. Ахъ! тогда повѣришь, что ночь и тьма есть жилище Грей, Горгонъ и Гарпiй; что все изящное, все доброе любитъ свѣтъ и солнце.

Такъ! просвѣщенie есть Палладiумъ благонравiя — и когда вы, вы, которымъ вышняя Власть поручила судьбу человѣковъ, желаете распространить на землѣ область добродѣтели, то любите Науки, и не думайте, чтобы онѣ могли быть вредны; чтобы какое нибудь состоянie въ гражданскомъ обществѣ долженствовало пресмыкаться въ грубомъ невѣжествѣ — Нѣтъ! сie златое солнце сiяетъ для всѣхъ на голубомъ сводѣ, и все живущее

согрѣвается его лучами; сей текущій кристаллъ утоляетъ жажду и властелина и невольника; сей столѣтній дубъ обширною своею тѣнію прохлаждаетъ и пастуха и Героя. Всѣ люди имѣютъ душу, имѣютъ сердце: слѣдственно всѣ могутъ наслаждаться плодами Искусства и Науки — и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ человѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ — спокойнѣйшимъ, говорю: ибо находя вездѣ и во всемъ тысячу удовольствій и пріятностей, не имѣетъ онъ причины роптать на Судьбу и жаловаться на свою участь. — Цвѣты Грацій украшаютъ всякое состояніе — и просвѣщенный земледѣлецъ, сидя послѣ трудовъ и работы на мягкой зелени съ нѣжною своею подругою, не позавидуетъ щастію роскошнѣйшаго Сатрапа.

Просвѣщенной земледѣлецъ! — Я слышу тысячу возраженій, но не

слышу ни одного справедливаго. Быть просвѣщеннымъ есть быть здравомыслящимъ, не ученымъ, не полиглотомъ, не педантомъ. Можно судить справедливо и по правиламъ строжайшей Логики, не читавъ никогда схоластическихъ бредней о сей Наукѣ; не думая о томъ, кто лучше опредѣляетъ ее: Томазій или Тширнгаузъ, Меланхтонъ или Рамусъ, Клерикусъ или Буддеусъ; не зная, что такое *эноимемата*, *борбара*, *целорентъ*, *ферїо*, и проч. Для сего конечно не достанетъ земледѣльцу времени, — ибо онъ долженъ обработывать поля свои; но для того, чтобы мыслить здраво, нужно только впечатлѣть въ душу нѣкоторыя правила, нѣкоторыя вѣчныя истины, которыя составляютъ основанiе и существо Логики — для сего же найдетъ онъ въ жизни своей довольно свободныхъ часовъ, равно какъ и для того, чтобы узнать

премудрость, благость и красоту Натуры, которая всегда предъ глазами его, — узнать, любить ее, и быть щастливѣе.

Я поставлю въ примѣръ многихъ Швейцарскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ поселянъ, которые пашутъ землю и собираютъ библіотеки; пашутъ землю и читаютъ Гомера, и живутъ такъ чисто, такъ хорошо, что Музамъ и Граціямъ не стыдно посѣщать ихъ. Кто не слыхалъ о славномъ Цирихскомъ крестьянинѣ Клейнъ-йокѣ, у котораго Философы могли учиться Философіи, съ которымъ Бодмеръ, Геснеръ, Лафатеръ, любили говорить о красотахъ Природы, о величествѣ Творца ея, о санѣ и должностяхъ человѣка? — Не далеко отъ Мангейма живетъ и теперь такой поселянинъ, которой читалъ всѣхъ лучшихъ Нѣмецкихъ, и даже иностранныхъ Авторовъ, и

самъ пишетъ прекрасные стихи(*). Сіи упражненія не мѣшаютъ ему быть трудолюбивѣйшимъ работникомъ въ своей деревнѣ и прославлять долю свою. „Всякой день, го„воритъ онъ (**), благодарю я Бо„га за то, что Онъ опредѣлилъ „мнѣ быть поселяниномъ, котора„го состояніе есть самое ближай„шее къ Натурѣ, и слѣдственно „самое щастливѣйшее.“

Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ — *просвѣщеніе!* Гласомъ онаго благотворнаго грома, которой не умерщвляетъ живущаго, а напаяетъ землю и воздухъ питательными и плодотворными силами, вѣщай человѣкамъ: *созерцайте Природу, и наслаждайтесь*

(*) Многіе изъ нихъ читалъ я въ Нѣмецкомъ Музеумѣ.

(**) Одинъ изъ моихъ знакомыхъ былъ у него въ гостяхъ.

ся красотами; познавайте свое сердце, свою душу; дѣиствуйте всѣми силами, Творческою рукою вамъ данными, — и вы будете любезнѣйшими чадами Неба!

Когда же свѣтъ ученія, свѣтъ истины озаритъ всю землю и проникнетъ въ самыя темнѣйшія пещеры невѣжества: тогда, можетъ быть, исчезнутъ всѣ нравственныя Гарпіи, доселѣ оскверняющія человѣчество, — исчезнутъ, подобно какъ привидѣнія ночи на разсвѣтѣ дня исчезаютъ; тогда, можетъ быть, настанетъ златый вѣкъ Поэтовъ, вѣкъ благонравія — и тамъ, гдѣ возвышаются теперь кровавые эшафоты, тамъ сядетъ добродѣтель на свѣтломъ тронѣ. —

Между тѣмъ вы составляете мое утѣшеніе, вы нѣжныя чада ума, чувства и воображенія! Съ вами я богатъ безъ богатства, съ вами я не одинъ въ уединеніи, съ вами не знаю ни скуки, ни тяж-

кой праздности. Хотя живу на краю сѣвера, въ отечествѣ грозныхъ Аквилоновъ, но съ вами, любезныя Музы! съ вами вездѣ долина Темпейская — коснетесь рукою, и печальная сосна въ лавръ Аполлоновъ превращается; дохнете божественными устами, и на желтыхъ хладныхъ пескахъ цвѣты Олимпійскіе разцвѣтаютъ. Осыпанный вашими благами, дерзаю презирать блескъ тщеславія и суетности. Вы и Природа, Природа и любовь добрыхъ душъ — вотъ мое щастіе, моя отрада въ горестяхъ! . . . Ахъ! я иногда проливаю слезы, и не стыжусь ихъ!

Меня не будетъ — но память моя не совсѣмъ охладѣетъ въ мірѣ; любезный, нѣжно-образованный юноша, читая нѣкоторыя мысли, нѣкоторыя чувства мои, скажетъ: *онъ имѣлъ душу, имѣлъ сердце!*

НѢЖНОСТЬ ДРУЖБЫ ВЪ НИЗКОМЪ СОСТОЯНIИ.

Госпожа М*, возвращаясь изъ деревни въ Москву, остановилась ночевать въ городкѣ О* на постоялом̃ дворѣ. Въ избѣ все было чисто и порядочно. Три прекрасные мальчика, какими пишутся Купидоны, играли между собою безъ всякой робости, подбѣгали къ гостьѣ, смотрѣли на ея часы, табакерку, муфту, — смѣялись и прыгали. Госпожа М* хвалила, ласкала ихъ, и примѣтила радость на лицѣ молодой женщины, которая стояла у печи. — „Конечно ты мать ихъ?" спросила она съ улыбкою. „Нѣтъ, сударыня! отвѣчала женщина: это дѣти покойнаго брата моего. Мать ихъ пошла за водою."

— И такъ не ты хозяйка въ домѣ? — „Все одно, сударыня! Мы обѣ хозяйки." — Видно, что ты любишь своихъ племянниковъ? — „Какъ не любить, сударыня! Вы сами ихъ хвалите." — Тутъ мальчики подбѣжали къ теткѣ, схватили ее за руки, и подняли вверьхъ головенки свои; она съ нѣжностію всѣхъ перецѣловала. — Скоро пришла мать, женщина лѣтъ въ тридцать, миловидная лицемъ. „Бѣдная! какъ ты озябла!" сказала золовка, взявъ ее за руку: „поди скорѣе на печь; я буду служить барынѣ."

Между тѣмъ Госпожа М* отужинала, и всѣ люди ушли спать, кромѣ ее и двухъ хозяекъ, которыя просили, чтобы она дозволила имъ работать подлѣ свѣчи. Онѣ стали шить и разговаривать между собою, но очень тихо, боясь обезпокоить свою гостью.

Госпожа М.* Говорите! говори-

те! Я не хочу спать; вы мнѣ не помѣшаете.

Золовка. Да вамъ скучно будетъ насъ слушать, сударыня. Мы не умѣемъ хорошо говорить. Маша, невѣстка моя, не глупа, очень не глупа; только робка и боится чужихъ людей—а я никогда не умѣю сказать того, что думаю.

Маша взглянула на нее, разсмѣялась и покачала головою. Она хотѣла сказать: *не правда; ты хорошо говоришь.*

Госпожа М.* Мнѣ кажется, что вы живете согласно.

Золовка. Да, сударыня! Мы, слава Богу! никогда не ссоримся. Маша моя такъ смирна, какъ овечка; а я люблю ее больше сестры родной: какъ же намъ жить не согласно?

Маша. Анюта любитъ ребятишекъ моихъ какъ дѣтей своихъ, сударыня; а дѣти мои любятъ ее какъ мать родную.

*Госпожа М**. Вамъ должно быть очень весело, друзья мои?

Анюта. Какъ не весело, сударыня! Мы рады всегда бѣлому свѣту; встаемъ, молимся Богу, цѣлуемся, работаемъ съ охотой, шутимъ, смѣемся, говоримъ почти безъ умолку; а когда сказать не чего, такъ взглядываемъ другъ на друга. Послѣ работы отдыхаемъ, играемъ съ дѣтьми, и не видимъ, какъ проходитъ день.

*Госпожа М**. Давно ли живете вы въ одномъ домѣ?

Анюта. Болѣе десяти лѣтъ, сударыня.

*Госпожа М**. И никогда не разставались?

Анюта. Только одинъ разъ — правда, что надолго.

*Госпожа М**. Вѣрно вы тогда не были еще такъ дружны?

Анюта. Нѣтъ, сударыня! Маша и тогда была мнѣ всего на свѣтѣ милѣе. Мы съ самаго ребячества

любили другъ друга — и я отслужила въ церкви большой молебенъ, когда братъ мой помолвилъ на ней жениться.

*Госпожа М**. Жаль, что они не долго жили вмѣстѣ. Братъ твой, думаю, очень любилъ ее?

Маша взглянула на своего друга, и опустила глаза въ землю. Анюта задумалась, сняла со свѣчи, и сказала со вздохомъ: „Братъ мой, сударыня — братъ мой умеръ. Суди Богъ тѣхъ людей, которые сбивали его съ пути и научали худому!"

Тутъ Маша опять посмотрѣла на друга своего; въ глазахъ ея блистали слезы.

Анюта. Я поклялась, сударыня, никогда не выходить за мужъ. Мы женщины право лучше мущинъ; они не умѣютъ любить насъ, и слезы наши имъ ничего.

*Госпожа М** (*съ улыбкою*). Хорошо, что ты говоришь не съ мущиною.

Маша. Онъ, право, былъ доброй человѣкъ, Анюта!

Анюта. Богъ съ нимъ! — Перестанемъ объ этомъ говорить.

Госпожа М.* Когда же ты разлучалась съ другомъ своимъ?

Анюта. Вотъ видите, сударыня — братъ мой не оставилъ намъ ничего, кромѣ худой избы и — троихъ дѣтей, которыя требовали хлѣба. Чѣмъ жить? чѣмъ кормиться? Я вздумала ѣхать въ Москву, къ теткѣ своей башмашницѣ, чтобы выучиться мастерству ея. Маша плакала, не хотѣла отпустить меня; я крѣпилась, уговаривала ее; продала лишнее свое платье, оставила ей рублей пять денегъ, залилась слезами и поѣхала въ Москву.

Маша. Я не могу объ этомъ вспомнить!

Анюта. Тетка взялась учить меня съ охотою, и хотѣла, чтобы я всегда жила у нее; только мнѣ

было скучно и грустно. Днемъ думала я о Машѣ, ночью думала о Машѣ, ходила по праздникамъ въ церковь, и молилась о Машѣ. Однажды, мѣсяца черезъ три, сдѣлалось мнѣ такъ тошно, что работа выпала у меня изъ рукъ, и я хотѣла броситься на колѣни передъ Образомъ — тутъ вдругъ отворилась дверь, и Маша кинулась мнѣ на шею. Котомка висѣла у нее за плечами; а въ рукахъ былъ посохъ. Бѣдная пришла пѣшкомъ.

Маша. Ахъ, сударыня! всякой кусокъ хлѣба казался мнѣ безъ нее горекъ; и дѣти перестали веселить меня. Пришла весна, красные дни; ласточка свила гнѣздо подъ нашею кровлею — Анюты не было! Я просиживала у воротъ до самой ночи, и глядѣла на большую дорогу.

Анюта. Дурочка стосковалась по мнѣ, и передъ Троицынымъ днемъ вздумала сама итти въ Мо·

:кву, оставила дѣтей у нашего дяди, и пошла.

*Госпожа М**. Какъ вы, думаю, обрадовались другъ другу!

Анюта. Такъ обрадовались, сударыня, что — не умѣю сказать вамъ. — Тетка моя, смотря на насъ, плакала; она доброй человѣкъ, сударыня; у нее жалостливое сердце. — „Мнѣ хотѣлось взглянуть на тебя," говорила Маша: „слава Богу, что ты жива, — что ты здорова, — что ты меня любишь! Теперь мнѣ можно возвратиться къ моимъ ребятишкамъ." — Нѣтъ Маша! сказала я: нѣтъ, ты пойдешь домой не одна. Мнѣ было безъ тебя очень тошно; я пойду съ тобою. Богъ насъ прокормитъ.

Анюта отерла слезы свои, и продолжала: „На другой день, въ праздникъ Троицы, повела я Машу свою въ городъ, на красную площадь, въ Соборы. Ей все казалось чудно; однакожь я тихонько гово-

рила ей, чтобы она ни на что не заглядывалась, и не очень дивилась" ——

*Госпожа М**. Для чего же?

Анюта. Для того, сударыня, чтобы люди не назвали ее деревенскою, такъ какъ меня, когда я въ первой разъ увидѣла высокія каменныя башни, большой колоколъ и страшную пушку. — Когда заблаговѣстили въ Соборѣ, Маша вынула изъ кармана два пучечка цвѣтовъ — „одинъ для тебя, Анюта (сказала она), а другой для меня; будемъ стоять съ ними у обѣдни."

Маша. Подходя къ Москвѣ, сударыня, я нарвала въ лѣсу душистыхъ травокъ и цвѣточковъ, и связала изъ нихъ два пучечка. Мнѣ хотѣлось что нибудь принести Анютѣ для Троицына дня.

Анюта. Обѣдню слушали мы въ Архангельскомъ Соборѣ. Мнѣ было очень весело; только я плакала — и Маша плакала — наши цвѣточ-

ки взмокли отъ слезъ; однакожь не завяли. Вышедши изъ церкви, мы ими помѣнялись; и теперь, сударыня, лежатъ они у насъ за Образомъ.

Маша. Я часто смотрю на нихъ; стебельки и листочки высохли, а все еще хорошо пахнутъ.

Анюта. Въ тотъ же день простились мы съ тешкою, которая дала мнѣ двадцать рублей денегъ; я сказала вамъ, сударыня, что она доброй человѣкъ. — Время было лѣтнее; мы пошли пѣшкомъ; ночевали всегда въ полѣ, на бережку чистенькихъ ручейковъ, и спали подъ кусточками.

Маша. Соловьи пѣли тогда очень хорошо.

Анюта. Соловьи и жаворонки. Какъ весело было намъ слушать ихъ! — Благополучно пришли мы домой, взяли своихъ малюток, наняли себѣ эту избу, и стали держать постоялой дворъ.— Богъ къ

намъ милостивъ, сударыня; дѣти наши не терпятъ нужды.

*Госпожа М**. И такъ вы совершенно довольны своимъ состоянiемъ, друзья мои?

Анюта. Конечно, сударыня!

*Госпожа М**. И ничего больше не желаете?

Анюта. Кромѣ того, чтобы Маша моя была жива и здорова. Ахъ, сударыня! она часто неможетъ!.. Вотъ одно мое горе!

Маша. Не бойся, Анюта! Богъ помилуетъ меня для тебя. Я не говорю о дѣтяхъ — у нихъ и безъ меня будетъ мать. Ты мнѣ жалка — я не хочу умереть!

Анюта. Сохрани Боже! Никогда не могу я видѣть въ лѣсу одной горлицы, чтобы не залиться горькими слезами. Дай Господи намъ жить и умереть вмѣстѣ — умереть, когда Ему угодно, только вмѣстѣ, въ одно время, чтобы и въ могилѣ лежали мы другъ подлѣ друга!

Маша. Чтобы и на томъ свѣтѣ были мы другъ подлѣ друга!

Анюта. Я не могу жить безъ Маши.

Маша. Я не могу жить безъ Анюты.

Анюта. Маша!

Маша. Анюта!

Тутъ обнялись онѣ въ восторгѣ, въ жаркомъ изліяніи сердецъ своихъ, забывъ все; слезы ихъ лились градомъ; онѣ рыдали. . . .

Читатель! это не выдумка. Сіи нѣжныя друзья живутъ и нынѣ въ городкѣ О* *. Госпожа М* всегда къ нимъ заѣзжаетъ, и никогда безъ чувства съ ними не разстается. Такія души, такая дружба, и въ такомъ состояніи!—Мизантропъ! . .

АѲИНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Греки, Греки! кто васъ не любитъ? Кто съ холоднымъ сердцемъ можетъ вообразить себѣ прекрасную картину древнихъ Аѳинъ? Кто не скажетъ иногда со вздохомъ: „для чего я не современникъ Платоновъ?“

Нашъ вѣкъ имѣетъ свои преимущества — знаю — и великія преимущества. Однако жь — — —

Сказать ли вамъ, государи мои, что мнѣ кажется? — Мы *ученѣе* Грековъ, а Греки были — умнѣе насъ, такъ какъ дѣти, бѣгающіе по весеннему лугу за пестрою бабочкою, умнѣе взрослыхъ людей, плывущихъ въ Америку или въ Индію за пряными кореньями.

Тамъ, въ отечествѣ Сократовъ,

болѣе нежели гдѣ нибудь, болѣе нежели когда нибудь занимались люди важнымъ искусствомъ щастія. Наслажденіе было цѣлію ихъ философіи, экономіи, народныхъ собраній, празднествъ, спектаклей, трудовъ и работъ. Вездѣ и во всемъ искали они — наслажденія; искали съ жаромъ страсти, съ живѣйшимъ чувствомъ потребности, какъ любовникъ ищетъ свою любовницу — и жизнь ихъ была, такъ сказать, самою цвѣтущею Поэзіею.

Смѣйтесь, друзья мои! но я отдалъ бы съ радостію свой любимой темной фракъ за какой нибудь Греческой *хитонъ* (*) — и въ минуты пріятныхъ мыслей отдаю его — завертываюсь въ пурпуровую мантію (разумѣется, въ воображеніи) — покрываю голову большою, распущенною шляпою, и выступ-

(*) Родъ полукафтанья, которое носили Греки подъ мантіею.

паю, въ Альцибіадскихъ башмакахъ, ровнымъ шагомъ, съ философскою важностію — на древнюю Аѳинскую площадь. Тутъ многочисленной народъ волнуется; тутъ знакомые и незнакомые составляютъ одно шумное семейство, привѣтствуютъ и забавляютъ другъ друга, разсказываютъ новыя происшествія свѣта, Греціи, своего отечества, домашніе анекдоты, трогательные и веселые, — шутятъ другъ надъ другомъ съ тою пріятною и нѣжною остротою, которая отъ Аѳинъ получила свое названіе, и смѣшила людей безъ обиды и оскорбленія. Тутъ Риторы и стихотворцы читаютъ наизусть свои сочиненія, и собираютъ достойныя похвалы: ибо всякой гражданинъ есть знающій критикъ, умной судья всего умнаго; тутъ живописецъ показываетъ свою картину, ваятель статую; слушаетъ мнѣнія зрителей, и поправляетъ

ея недостатки. Тутъ Философы и Софисты спорятъ объ отвлеченныхъ истинахъ, о самыхъ важнѣйшихъ предметахъ Метафизики и Морали, и народъ одобряетъ плесками того, кто побѣждаетъ своихъ противниковъ силою краснорѣчія и доказательствъ. Тутъ ученикъ Гераклитовъ представляетъ Натуру страшнымъ чудовищемъ, безжалостною тиранкою, которая производитъ чувствительныхъ тварей единственно для того, чтобы онѣ терзались и мучились. Тутъ пріятель Абдерскаго мудреца (*) живыми красками описываетъ благость самой сей Натуры, и вездѣ видитъ безконечную жизнь и радость. Другой соединяетъ противоположныя системы, и находитъ въ необозримыхъ областяхъ творенія зло и добро, разрушеніе и новое бытіе, вѣчную

(*) Демокрита.

комедію и вѣчную трагедію. Третій весь міръ и все сущее въ немъ называетъ ничтожнымъ привидѣніемъ, всѣ знанія невѣжествомъ, всѣ истины ложью, и человѣка — нещастною жертвою вѣчныхъ обмановъ. Наконецъ, утомленный шумомъ и множествомъ любопытныхъ предметовъ, наполнившихъ, такъ сказать, всю мѣру души моей, я удаляюсь — ищу тишины, пріятнаго уединенія, — и древнія алеи, осѣняющія берегъ свѣтлаго Илисса, влекутъ меня въ прохладную тѣнь свою. Чувства мои нѣмѣютъ — подобно эху, вдали умирающему — подобно звуку, исчезающему въ воздушномъ пространствѣ. . . . я теряюсь въ сладостномъ забвеніи.

Аристенъ, доброй юноша, приближается ко мнѣ съ дружелюбною улыбкою — беретъ меня за руку — и мы, вдоль по теченію свѣтлаго Илисса, выходимъ на об-

ширныя равнины и тучныя поля, гдѣ зрѣлые колосы какъ златое море волнуются отъ вѣтра. Вездѣ приносятся благодарныя жертвы богинѣ Церерѣ; сельскіе олтари украшаются первенцами благословенной жатвы, и жнецы поютъ радостныя пѣсни:

Весело въ полѣ работать;
Будьте прилѣжны, друзья!
Класы златые сѣкайте
Махомъ блестящей косы!

Солнце сіяетъ надъ нами;
Птицы въ кусточкахъ поютъ.
Весело въ полѣ работать;
Будьте прилѣжны, друзья!

Чувствуйте милость Цереры,
Доброй богини плодовъ!
Жителямъ неба любезенъ
Гласъ благодарныхъ сердецъ.

Скоро настанетъ и вечеръ;
Вечеръ для отдыха данъ.
Пользуйтесь часомъ работы,
Пользуйтесь временемъ дня!

Мы мѣшаемся съ веселыми толпами, и вмѣстѣ со всѣми поемъ:

Весело въ полѣ работать;
Будьте прилѣжны, друзья!
Класы златые сѣкайте
Махомъ блестящей косы!

Звѣри работы не знаютъ,
Птицы живутъ безъ труда;
Люди не звѣри, не птицы —
Люди работой живутъ.

Между сими жнецами вижу я пурпуровыя мантіи; вижу Архонтовъ, Сенаторовъ, Полководцевъ. Собираніе земныхъ плодовъ, непосредственнаго дара богини Цереры, есть для Грековъ нѣчто священное, — есть часть ихъ Богослуженія. Тамъ, за зеленою решеткою густыхъ вѣтвей, пылаетъ и развѣвается розовое пламя; тамъ обѣдъ для жнецовъ готовится. Здѣсь сельскія красавицы изъ блестящихъ источниковъ черпаютъ свѣжую воду для прохлажденія

жаждущихъ работниковъ; тутъ сѣдые старцы сидятъ въ тѣни померанцевыхъ деревъ, смотрятъ на трудящихся юношей, и съ удовольствіемъ воспоминаютъ о лѣтахъ своей младости.—

Мы возвращаемся въ городъ, и видимъ передъ собою храмъ Музъ, окруженный густыми, крытыми алеями — тутъ шумятъ водопады; тутъ шумятъ древніе яворы; тутъ мудрый Платонъ бесѣдуетъ съ друзьями и учениками своими. Приближаемся — глубокое молчаніе царствуетъ. Всѣ взоры устремлены на божественнаго мудреца; его взоръ устремленъ на небо; глубокія чувства изображаются на лицѣ его; слезы, священныя слезы, блистаютъ въ его очахъ. Платонъ говорилъ о своемъ незабвенномъ учителѣ: ахъ! могъ ли онъ говорить объ немъ безъ сердечнаго умиленія? „Такъ, друзья мои (продолжаетъ чувствительный Фило-

софъ) такъ! Сократъ былъ величайшій изъ божественныхъ смертныхъ; былъ славою не однихъ Аѳинъ, но всего человѣчества; былъ живымъ образомъ безсмертныхъ. Щастливъ, кто зналъ его! Щастливъ, кто любилъ его! Щастливъ, кто объ немъ слезы проливаетъ! . . . Сіи слезы будутъ всегда сладостною пищею моего сердца." — Платонъ съ блестящимъ и разительнымъ краснорѣчіемъ описываетъ всю жизнь великаго Сократа, жизнь, единой добродѣтели и мудрости посвященную; описываетъ чистоту и стройность его души, гармонію всѣхъ ея склонностей и побужденій; великія идеи его о Божествѣ и Натурѣ; пламенную любовь къ ближнимъ; ревность къ истребленію всѣхъ предразсудковъ, унижающихъ достоинство человѣка; усердіе къ распространенію всѣхъ благихъ истинъ, имѣющихъ вліяніе на судьбу зем-

народныхъ; всегдашнюю дѣятельность, постоянство, неутомимость; тихую скромность, которая обнаруживалась во всѣхъ его дѣлахъ, во всѣхъ бесѣдахъ и умствованіяхъ; его страсть ко всему изящному, которое почиталъ онъ зерцаломъ внутренней доброты; его нѣжность къ друзьямъ, ученикамъ и ко всѣмъ искреннимъ любителямъ мудрости. — „И такой „человѣкъ имѣлъ враговъ, враговъ „злобныхъ и непримиримыхъ? Но „враги добродѣтели были его врагами! — И такой человѣкъ из„верженъ изъ гражданскаго обще„ства рукою правосудія? Но право„судіе людей не есть Небесное „правосудіе! . . . О человѣчество! я „оплакиваю твое ослѣпленіе! О че„ловѣчество! я стенаю о твоихъ за„блужденіяхъ! Ослѣпленіе не мо„жетъ быть вѣчно; заблужденія „исчезаютъ отъ свѣта истины — „но ахъ! благодѣтели твои лежатъ

,,уже во прахѣ, умерщвленные,
,,растерзанные, бездушные! Ты
,,проливаешь слезы.... слезы не
,,оживятъ ихъ,— и Муза Исторіи
,,изобразитъ на мраморѣ вѣчный
,,стыдъ твой! — Но смерть была
,,Сократу торжествомъ и славою.
,,Невиненъ въ своемъ сердцѣ, онъ
,,безстрашно простиралъ къ ней
,,руки свои. Невиненъ въ своемъ
,,сердцѣ, онъ не хотѣлъ прибѣг-
,,нуть къ силѣ краснорѣчія для сво-
,,его оправданія. *Изслѣдуйте всю*
,,*жизнь мою*, говорилъ мудрый: *ей*
,,*должно меня оправдывать.* —Съ
,,какою горестію, съ какимъ слад-
,,кимъ душевнымъ умиленіемъ мы
,,внимали ему въ послѣдніе часы его!
,,Онъ говорилъ о жизни, о добрѣ и
,,злѣ ея; говорилъ такъ, какъ плава-
,,тель, достигшій брега, говоритъ
,,о путяхъ моря. Онъ говорилъ о
,,безсмертіи — и лучь душевнаго
,,веселія, подобно кроткому свѣту
,,Авроры, озарялъ лице его; и жи-

„вое предчувствіе вѣчности, из-
„ливаясь изъ его сердца, прони-
„цало въ наше. Онъ говорилъ о сво-
„ихъ непріятеляхъ. . . . Нѣтъ! про-
„сти мнѣ, безсмертный духъ без-
„смертнаго мужа! Нѣтъ! ты не
„хотѣлъ именовать ихъ своими
„непріятелями! Ты вѣрилъ Про-
„видѣнію, зрѣлъ во всемъ руку
„Его, и съ мирною, сердечною ти-
„шиною покорялся Небесному уста-
„ву. —*Обвинители мои торжеству-*
„*ютъ*, вѣщалъ мудрый: *они не зна-*
„*ютъ, что добродѣтельный остает-*
„*ся всегда побѣдителемъ!* —— Мы
„проливали слезы. . . . ахъ! болѣе о
„жалкой своей участи, нежели о
„его судьбѣ! Мы оставались сирота-
„ми! . . Онъ утѣшалъ насъ, словами,
„взорами, объятіями. Уже смерто-
„носная чаша была въ рукѣ его(*). . .

(*) Платонъ, за болѣзнію, не былъ свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ Сократовой жизни; онъ говоритъ здѣсь

„Критонъ, любезнѣйшій ему уче-
„никъ, блѣдный Критонъ цѣловалъ
„его руку. Юный, чувствитель-
„ный Аполлодоръ рыдалъ безпре-
„станно. Другіе закрылись ман-
„тіями. . . *Ахъ! кто будетъ Геніемъ хранителемъ нашимъ?* воскликнулъ Антистенъ. *Добродѣтель,*
„отвѣтствовалъ святый другъ
„нашъ — и выпилъ чашу смерти.
„Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса. . . Со-
„кратъ въ послѣдній разъ воззрѣлъ
„на друзей своихъ — и еще любовь
„сіяла въ очахъ его! . . . въ послѣд-
„ній разъ! . . Уже ядъ свирѣпство-
„валъ въ его сердцѣ. . . . пламя жи-
„зни угасало. . . угасло! . . Міръ ли-
„шился вѣнца своего! . . . Критонъ
„закрылъ глаза добродѣтельнаго!“
—— Платонъ преклонилъ голо-
ву — всѣ слушатели рыдали —
мы тихими шагами удалились отъ

то, что слышалъ отъ соучениковъ
и друзей своихъ.

храма Музъ, съ полными, отягченными сердцами. —

Аристенъ ведетъ меня въ Театръ, огромное зданіе, которому небо служитъ кровомъ. Съ одной стороны возвышается сцена съ блестящими украшеніями, на другой — величественный амфитеатръ съ безчисленными уступами, гдѣ тысячи зрителей сидятъ въ глубокомъ молчаніи. Представляютъ Софоклова Эдипа. Является нещастный старецъ, жертва судьбы, преступникъ невинный въ душѣ своей, изгнанный изъ отечества, лишенный зрѣнія, оставленный людьми и богами. Исмена и Антигона, дочери и единственные друзья сердца его, раздѣляютъ съ нимъ всѣ бѣдствія. Оракулъ предсказалъ ему близкой конецъ; небо покрывается черными тучами; страшная гроза свирѣпствуетъ. Старецъ чувствуетъ хладную ру-

ку смерти и обнимаетъ своихъ любезныхъ. . . .

Гремитъ ужасный громъ, небесный сводъ пылаетъ —
О боги! часъ насталъ погибели моей!
Эдипъ, Эдипъ сей міръ навѣки оставляетъ
И сердца своего любезнѣйшихъ друзей! . .
Простите! . . . громъ гремитъ!

Хоръ.

Громъ гремитъ
И разитъ! . . .
Мы сердцами
И слезами
Молимъ васъ,
Боги гнѣва
И Эрева,
Въ страшный часъ!
Ахъ! пошлите
Солнца лучь!
Разгоните
Мраки тучь! . . .
Нѣтъ спасенья,
Избавленья
Намъ въ бѣдахъ! . . .

Погибаемъ! . . .
Ощущаемъ
Смерть въ сердцахъ!

Эдипъ лишается жизни. Ужасъ на всѣхъ лицахъ — въ душѣ сладкое удовольствіе. О чудо искусства! кто изъяснитъ твои мистеріи? — О Софоклъ! —— Трагедія кончилась. Я вижу на сценѣ олтарь и сѣдовласыхъ Архонтовъ, приносящихъ жертву изліянія богу Вакху. Такъ Греки освящаютъ забавы свои, и тѣмъ болѣе наслаждаются!

Солнце позлащаетъ уже послѣдними лучами своими великолѣпный храмъ Минервинъ. Мы идемъ по Гермесовой улицѣ, и высокой, огромной домъ представляется глазамъ нашимъ, съ надписью: *жилище Гиппія, сына Хабріева; храмъ удовольствій и щастія, отверстый для всѣхъ мудрыхъ любителей наслажденія.* „Мы можемъ войти въ него", говоритъ мнѣ Арисменъ: „юный

Гиппій угощаетъ нынѣ друзей своихъ". — Подъ аркадами встрѣчаютъ насъ богато-одѣтые невольники, и ведутъ въ прекрасную купальню, гдѣ свѣтлая ключевая вода блистаетъ въ бѣлыхъ мраморныхъ бассейнахъ (*). Мы освѣжаемся въ прохладной влагѣ, натираемъ себя драгоцѣнными ароматами, отдыхаемъ на шелковыхъ Вавилонскихъ коврахъ, и спѣшимъ къ любезному хозяину, которой, съ ласковою улыбкою, принимаетъ насъ въ великолѣпной галлереѣ, украшенной золотомъ и слоновою костью. — Многочисленное собраніе друзей окружаетъ Гиппія, собраніе Философовъ, Ораторовъ, Поэтовъ, художниковъ и веселыхъ юношей. Тутъ Синопской Діогенъ забавляетъ гостей своимъ остроуміемъ; издѣвается надъ Платономъ; назы-

(*) Греки всегда купались или мылись передъ ужиномъ.

ваетъ его мудрецомъ *ощипанныхъ пѣтуховъ* (*); слушаетъ съ нетерпѣніемъ Оратора Анаксимена, важно читающаго свое новое произведеніе, —— ищетъ глазами конца рукописи — восклицаетъ: *берегъ, берегъ, друзья мои!* и заставляетъ всѣхъ смѣяться. Тутъ нѣжный Ксанѳосъ съ жаромъ описываетъ Аѳинскихъ красавицъ, сравниваетъ Лаису съ Кипридою, Дорису съ Діаною, Эвхарису съ Юноною, и заключаетъ со вздохомъ: *но Левкиппа всѣхъ прекраснѣе, Левкиппа всѣхъ милѣе!* „Левкиппа его любовница" говорятъ юноши съ усмѣшкою, и не хотятъ ему про-

(*) Платонъ, говоря однажды о человѣкѣ, сказалъ, что онъ есть *двуножное животное безъ перьевъ*. Діогенъ, желая доказать несправедливость сего опредѣленія, принесъ въ Академію ощипаннаго пѣтуха, бросилъ его на землю и закричалъ: *друзья, смотрите: вотъ человѣкъ Платоновъ!*

тиворѣчить. — Тутъ Ликосъ, недавно бывшій въ Спартѣ, превозноситъ до небесъ Лакедемонцевъ, ихъ простоту, трезвость, мужество и добродѣтели. Ѳеагенъ доказываетъ, что въ Спартѣ учатъ людей *презирать жизнь*, а въ Аѳинахъ *его пользоваться* — и всѣ мы громкимъ рукоплесканіемъ изъявляемъ согласіе свое съ Ѳеагеномъ. — Стихотворецъ Гиппархъ краснорѣчиво изображаетъ намъ различныя достоинства Аѳинскихъ Трагиковъ; сравниваетъ Эсхила съ шумною рѣкою, которая стремится между дикихъ, грозныхъ утесовъ; Софокла съ прозрачнымъ каналомъ, орошающимъ сады и миртовыя рощи; Эврипида съ быстрымъ ручьемъ, который вокругъ зеленыхъ луговъ извивается.

Ужинъ готовъ — ужинъ, какъ будто бы самою богинею сластолюбія приготовленный. Видъ каждаго блюда даетъ уже предчув-

ствовать амброзическій вкусъ онаго. Рыбы Сиціонскія, рыбы Беотійскаго озера лежатъ въ серебряныхъ сосудахъ вмѣстѣ съ разными птицами, которыми островъ Мелосъ надѣляетъ Аѳины; вмѣстѣ съ лучшими плодами садовъ и лѣсовъ. — Въ углахъ комнаты курятся ѳиміамъ и благовонныя масти.

Приносятъ златую чашу, обвитую розами и наполненную виномъ Гераклейскимъ. Гиппій изливаетъ на Діанинъ жертвенникъ нѣсколько капель сего драгоцѣннаго, ароматическаго нектара, и всѣ гости пьютъ изъ чаши, въ знакъ общаго, искренняго дружества. Прекрасные мальчики, подобные Эротамъ, увѣнчеваютъ насъ цвѣтами, и подаютъ каждому миртовую вѣтьвь, сплетенную съ лаврами. Веселіе сіяетъ на всѣхъ лицахъ, веселіе, не помраченное ни малѣйшимъ облакомъ заботы. Вина Коркирскія и Лезбійскія пѣнятся въ фіалахъ, ко-

Пойте Вакха, пойте радость;
Пойте щастье, пойте младость—
Вакхъ прекрасный вѣчно юнъ,
Вакхъ, любитель звонкихъ струнъ.

Впредь что будетъ, мы не знаемъ—
Что прошло, позабываемъ:
Настоящее для насъ.
Презримъ суетность земную,
Важность скучную, пустую;
Часъ веселья сладкой часъ.

Пойте Вакха, пойте радость:
Пойте щастье, пойте младость—
Вакхъ прекрасный вѣчно юнъ,
Вакхъ, любитель звонкихъ струнъ.

Вдругъ передъ глазами нашими поднимается занавѣсъ, и мы видимъ на сценѣ девять Музъ (*), которыя ведутъ за руку Амура и привязываютъ его цвѣтами къ миртовому дереву. Тщетно умоляетъ

(*) Богачи Греческіе не рѣдко забавляли пріятелей своихъ, за ужиномъ, такими представленіями.

ихъ маленькой богъ: нѣтъ прощенія! Онъ хочетъ плакать, но слезы изъ глазъ его не льются — довольная и коварная улыбка играетъ на розовыхъ устахъ прелестнаго Амура! Въ сію минуту является Венера; сходитъ съ колесницы своей, и проситъ Музъ сжалиться надъ божественнымъ малюткою, и возвратить ему свободу; но хитрый Купидонъ смѣется, ласкаетъ Парнасскихъ богинь, и не хочетъ свободы. Хоръ поетъ:

Я неволенъ,
Но доволенъ,
И желаю плѣннымъ быть.

Милы узы
Ваши, Музы;
Ихъ не тягостно носить.

Что мнѣ въ волѣ?
Я въ неволѣ
Веселъ, щастливъ и блаженъ.

Наслаждаюсь,
Восхищаюсь
И любовью упоенъ.

Музы обнимаютъ, цѣлуютъ милаго своего плѣнника — и густое облако скрываетъ ихъ. — Скоро видимъ мы другое явленіе. Вдали синѣется и шумитъ море; дикая скала возвышается надъ онымъ. Блѣдная женщина, съ распущенными волосами, съ открытою грудью, съ пламеннымъ взоромъ, приближается къ намъ медленными, тихими шагами. Златострунная лира въ рукахъ ея. Все умолкаетъ — мы внимаемъ — она играетъ и поетъ:

Почто, о богъ любви коварный!
Ты грудь мою стрѣлой пронзилъ?
Почто Фаонъ неблагодарный
Меня красой своей плѣнилъ?

Почто? — Фаонъ не знаетъ страсти,
Фаонъ не вѣдаетъ любви,
Ея надъ сердцемъ лютой власти,
Огня, волненія въ крови!

Когда на юношу взираю,
Мрачится свѣтъ въ моихъ глазахъ —

Дрожу, томлюся, умираю
Въ восторгѣ, въ пламенныхъ слезахъ (*).

Мнѣ все противно, все постыло,
Когда сокроется Фаонъ;
Брожу въ лѣсахъ, брожу уныло, —
Зрю тьму вездѣ и слышу стонъ.

Жестокій Сафою скучаетъ:
Ему несносенъ взоръ ея;
Жестокій Сафы убѣгаетъ:
Ему несносна жизнь моя!

На что же мнѣ вздыхать, томиться?
Любовь злощастная есть адъ.
Иду отъ страсти исцѣлиться
Въ твоихъ пучинахъ, о Левкадъ (**)!

(*) Читатель вспомнитъ послѣднюю строфу извѣстной Сафиной оды.

(**) Древніе Греки думали, что нещастные любовники, бросаясь въ море съ Левкадской скалы, излечаются отъ своей страсти; многіе бросались и — погибали.

Пусть жизнь съ любовью прекратит-
ся
Въ шумящихъ пѣнистыхъ волнахъ:
Рѣка забвенія струится
Въ блаженныхъ Орковыхъ стра-
нахъ (*).

Ея питательныя воды
Жаръ груди, сердца прохладятъ,
И щастье мирныя свободы
Невинной Сафѣ возвратятъ.

Я тамъ жестокаго забуду,
Какъ утромъ забываютъ сонъ. . .
О радость! . . . я любить не буду
Тебя, безжалостный Фаонъ!

Она спѣшитъ на дикую скалу, и низвергается въ морскую пучину. Тихій и печальный хоръ поетъ:

(*) Миѳологія говоритъ, что въ странахъ Орковыхъ, то есть въ жилищѣ мертвыхъ, течетъ Лета, *рѣка забвенія*. Души умершихъ прежде всего къ ней провождаются — пьютъ съ жадностію воду ея, и забываютъ всѣ горести земной жизни. Прекрасная выдумка! и много такихъ найдемъ мы въ Греческой Миѳологіи.

Погибаетъ! . . погибаетъ! . .
Бездна Сафу поглощаетъ!
Лира Сафина въ волнахъ —
Нѣтъ души въ ея струнахъ! . . .
Жертва страсти, не порока!
Жертва бѣдственнаго рока!
Даръ небесный, сладкій гласъ,
Отъ судьбы тебя не спасъ!

Раздается ударъ грома — и сцена перемѣняется. Мы видимъ Ѳракійскія долины и берегъ дикаго Стримона; мы слышимъ шумъ рѣки — но шумъ рѣки умолкаетъ — Орфей, сидя въ уныніи среди печальныхъ кипарисовъ, играетъ на своей лирѣ. Лавровый вѣнокъ увялъ на головѣ пѣснопѣвца. Орфей поетъ:

„Могу ли надѣяться, боги мрачнаго Оркуса, могу ли надѣяться, „что нѣжная лира моя тронетъ еще „ваше хладное сердце; что вы, без„смертныя Силы, вторично воз„вратите мнѣ Эвридику, милую „Эвридику?"

„Ядовитое жало змѣи прекра-

,,тило юную, весеннюю жизнь ея.
,,Нещастный Орфей лилъ слезы
,,день и ночь, скитался въ лѣсахъ
,,и пустыняхъ, одинъ съ своею го-
,,рестію, одинъ съ своею лирою,
,,томною и печальною. Ея унылые
,,звуки были отзывомъ моего уны-
,,лаго сердца."

,,Но скорбь моя не облегчалась;
,,время не могло утолить ее. Го-
,,нимый тоскою, я нисшелъ въ
,,мрачное царство грознаго Плуто-
,,на; прошелъ густые, темные лѣ-
,,са, гдѣ вѣчный ужасъ обитаетъ;
,,приближился къ вратамъ ада, къ
,,жилищу оныхъ страшныхъ боговъ,
,,которыхъ никогда моленіе смерт-
,,ныхъ не смягчало... Звуки лиры
,,моей раздались въ глубочайшихъ
,,пещерахъ Тартара, и блѣдныя
,,тѣни изумились. Зміевласыя Фу-
,,ріи внимали, и чувствовали сла-
,,дость гармоніи; умолкъ трезѣв-
,,ный Церберъ, и колесо Иксіоново
,,остановилось."

,,Смягчилися жестокіе владыки
,,ада, и возвратили мнѣ любезную.
,,О восторгъ! о блаженство! тор-
,,жество любви и гармоніи! — Но
,,гласъ Судьбы изрекъ: *страшись*
,,*въ предѣлахъ Тартара воззрѣть на*
,,*прекрасную; ты снова лишишься*
,,*ее, и навѣки!* — Уже приближа-
,,лись мы къ странамъ свѣта, къ
,,обителямъ земнородныхъ; уже
,,грозный лай адскаго стража едва,
,,едва достигалъ изъ отдаленія до
,,нашего слуха. . . о боги! внезапное
,,движеніе сердца возмутило кровь
,,мою — изреченіе Судьбы затьми-
,,лось въ умѣ моемъ — я обратилъ
,,взоръ на Эвридику! . . . увы! . . .
,,Эвридика исчезла, подобно легко-
,,му, воздушному метеору! . . Тще-
,,тно я стремился за нею, тщетно
,,призывалъ любезнѣйшую! Она
,,скрылась, съ блестящею слезою,
,,съ умильнымъ взглядомъ — уста
,,ея не произнесли ни упрека, ни
,,жалобы на ея злощастнаго убій-

„цу! . . Ахъ! любовь, любовь была
„моимъ преступленіемъ! — Верея
„ада страшно заскрыпѣли, и вра-
„та желѣзныя затворились.“

„Могу ли надѣяться, боги мрач-
„наго Оркуса, могу ли надѣяться,
„что нѣжная лира моя тронетъ
„еще ваше хладное сердце; что
„вы, безсмертныя Силы, вторич-
„но возвратите мнѣ Эвридику,
„милую Эвридику?“

„Нѣтъ! законъ Судьбы вѣченъ;
„завѣтъ Тартара подобенъ діаман-
„ту нетлѣнному; уставъ вышнихъ
„Силъ не премѣняется! — Я воз-
„вратился на печальную землю;
„тоскую непрестанно! Уже слезы
„изъ глазъ моихъ не льются; лира
„не услаждаетъ сердца. Нѣтъ для
„меня радостей въ жизни! Имя
„любви ужасно моему слуху! —
„Боги, адскіе боги! во мракѣ Тар-
„тара соедините Орфея съ Эври-
„дикою!“

Гласъ пѣвца перерываетсся. Мы

слышимъ опять шумъ рѣки — и нестройные звуки мусикійскихъ орудій. Изступленныя жрицы Вакховы какъ Фуріи стремятся къ Орфею, съ *тирсами* (*) и съ пламенниками, и восклицая: *эвое! эвое* (**)! окружаютъ печальнаго. Тщетно думаетъ онъ спастись отъ ихъ свирѣпыхъ восторговъ! злобныя мучатъ, терзаютъ его, и наконецъ увлекаютъ съ собою (***). Невидимый хоръ поетъ.

(*) Копья Вакханокъ.

(**) Обыкновенныя восклицанія Вакховыхъ жрицъ.

(***) Ѳракійскія женщины, какъ повѣствуютъ Миѳологисты, растерзали Орфея за то, что онъ, соблюдая вѣрность къ незабвенной Эвридикѣ своей, былъ нечувствителенъ къ любви, и не хотѣлъ удовлетворять ихъ сладострастнымъ вожделѣніямъ. — Платонъ говоритъ не то, по ненависти своей къ Поэтамъ; но мы не хотимъ вѣрить Платону.

Нимфы, плачьте! нѣтъ Орфея! . .
Вѣтръ унылый, тихо вѣя,
Намъ вѣщаетъ: *нѣтъ его!*
Ярость Фурій изступленныхъ,
Гнусной страстью воспаленныхъ,
Прекратила жизнь того,
Кто плѣнялъ своей игрою
Кровожаждущихъ звѣрей,
Гармонической струною
Трогалъ сердце лютыхъ Грей,
И для нѣжной Эвридики
Въ Тартаръ мрачный нисходилъ.
Ахъ стенайте! — Берегъ дикій
Прахъ его въ себя вмѣстилъ.
Сиротѣющая лира
Отъ дыханія зефира
Звукъ печальный издаетъ:
Нѣтъ Пѣвца! Орфея нѣтъ!
Эхо повторяетъ: *нѣтъ!*
Надъ могилою священной,
Мягкимъ дерномъ покровенной,
Филомела слезы льетъ. —

Легкое облако задумчивости осѣнило пирующихъ. Чаши, розами оплетенныя, стояли передъ нами неподвижно. Молчаніе царствовало. Наконецъ кроткій Филоклесъ пере

рвалъ оное: „Что есть жизнь на-
„ша?“ сказалъ юноша съ тихимъ
вздохомъ: „*мечта тѣни*, какъ гово-
„ритъ Пиндаръ; темное, печаль-
„ное сновидѣніе, которое, исчезая
„въ пространствахъ ничтожества,
„оставляетъ горестную слезу въ
„окѣ спящаго.“ — „Нѣтъ, будемъ
„чувствительны, но будемъ и бла-
„годарны!“ отвѣчаетъ ему мудрый
Аристъ: „жизнь есть благій даръ
„боговъ, милостивыхъ и любез-
„ныхъ. Горесть соединена съ нею,
„но горесть имѣетъ свою отраду.
„Сія отрада, кроткій свѣтъ души,
„бываетъ мила сердцу. Не всегда
„лучезарный Фебъ сіяетъ на небѣ;
„но и тихая, ночная лампада имѣ-
„етъ красоту свою. Горесть сое-
„динена съ жизнію; но самая го-
„ресть приготовляетъ сердце на-
„ше къ нѣжному чувству удоволь-
„ствій. Печаленъ видъ Природы,
„когда гремятъ громы и шумный
„дождь ліется изъ облаковъ рѣка-

,,ми; но подъ кровомъ сей глубокой
,,тьмы оживляются въ земныхъ
,,нѣдрахъ сѣмена плодотворности.
,,Мракъ исчезнетъ: фіалка и лилія
,,расцвѣтутъ на зеленыхъ лугахъ
,,благословенной Аттики. . . . Ча-
,,сто лучь веселія меркнетъ въ
,,душѣ смертнаго: страшная ночь
,,осѣняетъ ее; слабый унываетъ;
,,сердце его тоскуетъ. . . Утѣшь-
,,ся, страдалецъ! Обрати взоръ
,,свой на восточное небо: тамъ бѣ-
,,лѣется уже юный день, тамъ
,,скоро новый лучь возсіяетъ, и
,,утреній пѣвецъ воспаритъ къ не-
,,бесамъ надъ тобою! — Друзья!
,,будемъ чувствительны, но будемъ
,,и благодарны! Всемогущіе боги
,,вліяли много радостей въ чашу
,,жизни нашей. Кто безъ душев-
,,наго веселія можетъ взирать на
,,сапфиръ неба, гдѣ пылаетъ вели-
,,колѣпное солнце, гдѣ сверкаютъ
,,милліоны звѣздъ блестящихъ, гдѣ
,,ясная луна смиренно красуется

,,въ тихомъ своемъ течeніи? Кто
,,безъ сладкаго чувства можетъ
,,вступить во святилище пальмо-
,,вой рощи, чтобы, подъ шумящими
,,листьями укрываясь отъ зноя,
,,на мягкой муравѣ ожидать къ се-
,,бѣ любезнаго Агатона или пре-
,,лестной Лидіи, и бесѣдовать съ
,,ними о милыхъ сокровенностяхъ
,,сердца, или предаваться востор-
,,гамъ нѣжной страсти? Когда же
,,на розмаринной вѣтьви, въ мину-
,,ты вечернія, поетъ соловей; ко-
,,гда невидимыя Нимфы по лугамъ
,,гуляютъ, и нѣжными руками сво-
,,ими обновляютъ на нихъ красо-
,,ты цвѣтовъ и травокъ, поблек-
,,шихъ отъ дневнаго жара; когда
,,въ сладостномъ вѣяніи зефира вся
,,Природа обьявляетъ намъ, кажет-
,,ся, любовь свою и призываетъ къ
,,сердечному наслажденію — ахъ!
,,можетъ ли человѣкъ жаловаться
,,тогда на участь свою? — Филок-
,,лесъ! я понимаю томный взглядъ

,,твой. Критонъ! я разумѣю крот-
,,кій вздохъ твоего сердца. Меандръ!
,,блестящая слеза твоя не скры-
,,лась отъ глазъ моихъ. Вы вкуси-
,,ли горесть жизни. Филоклесъ!
,,ты лишился своего Агатона, не-
,,забвеннаго, добродѣтельнаго. Кри-
,,тонъ! ты потерялъ свою Лидію,
,,прекрасную, чувствительную.
,,Слезы ваши орошаютъ кипарисъ
,,и хладную гробницу; но — самыя
,,слезы служатъ вамъ утѣшеніемъ.
,,Мысль о любезныхъ питаетъ ду-
,,шу; память любви ихъ есть цѣ-
,,лебный бальзамъ для вашего сер-
,,дца. Тамъ, гдѣ стенаетъ горлица;
,,тамъ, гдѣ сѣтуетъ филомела;
,,гдѣ анемонъ съ гіацинтомъ напо-
,,минаютъ намъ безвременное увя-
,,даніе цвѣтущей юности — тамъ
,,духъ вашъ сладостно погрузится
,,въ самого себя, и нѣжно обнимет-
,,ся съ милою тѣнію. — Меандръ!
,,ты любилъ; но любовь твою пре-
,,зирала жестокая!... Ободрись, юно-

„ша! Время, разсудокъ, философія,
„тебя успокоятъ. Священная друж-
„ба согрѣетъ твое сердце. Ты
„можешь еще пользоваться жиз-
„нію, и благословлять ея пріятно-
„сти."

„Друзья сограждане! мы весело
„провели сей вечеръ; мы были ща-
„стливы. Да будетъ таковъ вечеръ
„жизни нашей — и съ тихою улыб-
„кою подадимъ руку Маиину сыну,
„провождающему смертныхъ въ
„свѣтлыя поля Елисейскія!"

Электрической огнь любви разли-
вается въ сердцахъ нашихъ. Мы
всѣ клянемся жить и умереть дру-
зьями боговъ и человѣковъ.

Тутъ спѣшатъ къ намъ хорово-
ды юныхъ красвицъ: однѣ играютъ
на флейтахъ; другія, наученныя
терпсихорою, прельщаютъ глаза
искусными тѣлодвиженіями и при-
зываютъ насъ къ пляскѣ. Кроткая
радость уступаетъ мѣсто шум-
ной. Нимфы приводятъ въ волне-

ніе кровь нашу своими взглядами... О чудо! я вижу суроваго Діогена, вертящагося съ рѣзвою Дафною, и важнаго Ликоса, хвалителя строгихъ Ликурговыхъ законовъ, вижу — у ногъ смѣющейся Θеаны! — Но мнѣ ли открывать таинства Элевзинскія? Угрюмый Гарпократъ кладетъ палецъ на уста мои — и темная ночь одѣваетъ насъ покровомъ своимъ.

О друзья! все проходитъ, все исчезаетъ! Гдѣ Аθины? Гдѣ жилище Гиппіево? Гдѣ храмъ наслажденія? Гдѣ моя Греческая мантія? — Мечта! мечта! Я сижу одинъ въ сельскомъ кабинетѣ своемъ, въ худомъ шлафрокѣ, и не вижу передъ собою ничего, кромѣ догарающей свѣчки, измараннаго листа бумаги и Гамбургскихъ газетъ, которыя завтра поутру (а не пре-

жде: ибо я хочу спать нынѣшнюю ночь покойнымъ сномъ) извѣстять меня объ ужасномъ безумствѣ нашихъ просвѣщенныхъ современниковъ.

МЕЛОДОРЪ къ ФИЛАЛЕТУ.

Гдѣ ты, любезный Филалетъ? Въ какомъ уединеніи скрываешься? Какіепредметы занимаютъ душу твою? Чѣмъ питается твое сердце? Что дѣлаетъ тебѣ жизнь пріятною? — И думаешь ли нынѣ о своемъ Мелодорѣ?

Ахъ! гдѣ ты? Сердце мое тебя проситъ, требуетъ. Оно помнитъ любезные твои взоры, сладкой голосъ, и нѣжныя, чувствомъ согрѣваемыя объятія, въ которыхъ жизнь бывала ему вдвое милѣе — помнитъ, и велитъ глазамъ моимъ искать тебя — велитъ рукамъ моимъ къ тебѣ простираться!

Океанъ шумѣлъ между нами: теперь мы въ одной землѣ — и не вмѣстѣ! — Скажи слово, и Мело-

доръ летитъ къ тебѣ! — Въ ожиданіи сей минуты буду хотя писать къ любезнѣйшему изъ друзей моихъ.

Пять лѣтъ мы не видались: сколько времени? Сколько перемѣнъ въ свѣтѣ — и въ сердцахъ нашихъ?... Тысячи мыслей волнуются въ душѣ моей. Я хотѣлъ бы вдругъ перелить ихъ въ *твою* душу, безъ помощи словъ, которыхъ искать надобно; хотѣлъ бы открыть тебѣ грудь мою, чтобы ты собственными глазами могъ читать въ ней сокровенную исторію друга твоего, и видѣть — прости мнѣ смѣлое выраженіе — видѣть всѣ развалины надеждъ и плановъ, надъ которыми въ тихіе часы ночи сѣтуетъ нынѣ духъ мой, подобно страннику, воздыхающему на развалинахъ Иліона, стовратныхъ Ѳивъ или великолѣпнаго Греческаго храма, когда блѣдный свѣтъ луны освѣщаетъ ихъ!

Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда разсуждали о нравственомъ мірѣ, ловили въ Исторіи всѣ благородныя черты души человѣческой, питали въ груди своей эѳирное пламя любви, котораго вѣяніе возносило насъ къ небесамъ, и проливая сладкія слезы, восклицали: *человѣкъ великъ духомъ своимъ! Божество обитаетъ въ его сердцѣ!* Помнишь, какъ мы, сличая разныя времена, древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что *родъ человѣческой возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству.* Ахъ! съ какою нѣжностію обнимали мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣтей небеснаго Отца! — Радость сіяла на лицахъ нашихъ — и свѣтлой ручеекъ, и зеленая травка, и алой цвѣточикъ, и поющая птичка, все, все насъ веселило! Природа каза-

лась намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зрѣетъ божественность человѣчества.

Кто болѣе нашего славилъ преимущества осьмагонадесять вѣка: свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства, размноженіе жизненныхъ удовольствій, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, крѣпость Правленій, и проч. и проч.? — Хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ человѣчества; но свѣтлый лучь надежды златилъ уже края оныхъ предъ нашимъ взоромъ — надежды: „все изчезнетъ, „и царство общей мудрости настанетъ, рано или поздно настанетъ „— и блаженъ тотъ изъ смертныхъ, кто въ краткое время жизни своей успѣлъ разсѣять хотя „одно мрачное заблужденіе ума „человѣческаго, успѣлъ хотя од-

,,нимъ шагомъ приближитъ людей къ
,,источнику всѣхъ истинъ, успѣлъ
,,хотя единое плодоносное зер-
,,но добродѣтели вложить рукою
,,любви въ сердце чувствитель-
,,ныхъ, и такимъ образомъ ускорилъ
,,ходъ всемірнаго совершенія!"

Конецъ нашего вѣка почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества, и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностію; что люди, увѣрясь моральнымъ образомъ въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности, и подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія, насладятся истинными благами жизни.

О Филалетъ! гдѣ теперь сія утѣшительная система?... Она разрушилась въ своемъ основаніи!

Осьмойнадесять вѣкъ кончается: что же видишь ты на сценѣ

міра? — Осьмойнадесять вѣкъ кончается, и нещастный филантропъ (*) мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза навѣки!

Кто могъ думать, ожидать, предчувствовать? . . . Мы надѣялись скоро видѣть человѣчество на горней степени величія, въ вѣнцѣ славы, въ лучезарномъ сіяніи, подобно Ангелу Божію, когда онъ, по священнымъ сказаніямъ, является очамъ добрыхъ, — съ небесною улыбкою, съ мирнымъ благовѣстіемъ! — Но вмѣсто сего восхитительнаго явленія видимъ. . . Фурій съ грозными пламенниками!

Гдѣ люди, которыхъ мы любили? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Гдѣ возвышеніе кроткихъ, нравственныхъ существъ, сотворенныхъ для щастія? — Вѣкъ просвѣщенія! я

(*) То есть, другъ людей.

не узнаю тебя — въ крови и пламени не узнаю тебя — среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя! . . Небесная красота прельщала взоръ мой, воспаляла мое сердце нѣжнѣйшею любовію; въ сладкомъ упоеніи стремился духъ мой къ божественной Нимфѣ; но — небесная красота исчезла — змѣи шипятъ на ея мѣстѣ! — Какое превращеніе!

Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу искусствъ и наукъ, хранилище всѣхъ драгоцѣнностей ума человѣческаго; драгоцѣнностей, собранныхъ вѣками; драгоцѣнностей, на которыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ! — И не только милліоны погибаютъ; не только города и села исчезаютъ въ пламени; не только благословенныя, цвѣтущія страны (гдѣ щедрая Натура отъ начала міра изливала изъ полной чаши лучшіе дары свои) въ горестныя пу-

стыни превращаются — сего не удовольно: я вижу еще другое, ужаснѣйшее зло для бѣднаго человѣчества.

Мизософы (*) торжествуютъ. „Вотъ плоды вашего просвѣщенія! говорятъ они: вотъ плоды вашихъ наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылалъ огнь раздора, мятежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? и за что..? И откуда взялись сіи пагубныя идеи?.. Да погибнетъ же ваша философія!" — И бѣдный, лишенный отечества, и бѣдный, лишенный крова, и бѣдный лишенный отца, или сына, или друга, повторяетъ: *да погибнетъ!* И доброе сердце, раздираемое зрѣлищемъ лютыхъ бѣдствій, въ горести своей повторяетъ: *да погибнетъ!* — А сіи восклицанія могутъ составить наконецъ *общее мнѣніе:* вообрази же слѣдствія!

(*) Ненавистники наукъ.

Кровопролитіе не можетъ быть вѣчно; я увѣренъ. Рука, сѣкущая мечемъ, утомится; сѣра и селитра истощатся въ нѣдрахъ земли, и громы умолкнутъ; тишина рано или поздно настанетъ — но какова будетъ тишина сія? Естьли мертвая, хладная, мрачная?

Такъ, мой другъ, паденіе наукъ кажется мнѣ не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ; не только вѣроятнымъ, но даже неминуемымъ, даже близкимъ. Когда же падутъ онѣ... когда ихъ великолѣпное зданіе разрушится, благодѣтельныя лампады угаснутъ — что будетъ? Я ужасаюсь, и чувствую трепетъ въ сердцѣ! — Положимъ, что нѣкоторыя искры и спасутся подъ пепломъ; положимъ, что нѣкоторые люди и найдутъ ихъ, и освѣтятъ ими тихія, уединенныя свои хижины: но что же будетъ съ міромъ, съ *цѣлымъ* человѣческимъ родомъ? Ахъ, мой

другъ! для добрыхъ сердецъ нѣтъ щастія, когда они не могутъ дѣлить его съ другими. Истинный мудрецъ благословляетъ мудрость свою для того, что можетъ сообщать оную ближнимъ; иначе — смѣю сказать — будетъ она бременемъ для его человѣколюбивой души. Александръ не принялъ сосуда съ водою, и не хотѣлъ утолять жажды своей тогда, когда все воинство его томилось; въ сію минуту былъ онъ подлинно Великимъ Александромъ! Такія движенія неизвѣстны эгоистамъ; за то первой врагъ истинной философіи есть эгоизмъ.

Сверхъ того внимательный наблюдатель видитъ теперь повсюду отверстые гробы для *нѣжной нравственности*. Сердца ожесточаются ужасными происшествіями, и привыкая къ феноменамъ злодѣяній, теряютъ чувствительность. Я закрываю лице свое!

Ахъ, другъ мой! уже ли родъ человѣческой доходилъ въ наше время до крайней степени возможнаго просвѣщенія, и долженъ, дѣйствіемъ какого нибудь чуднаго и тайнаго закона, ниспадать съ сей высоты, чтобы снова погрузиться въ варварство и снова, мало по малу, выходить изъ онаго, подобно Сизифову камню, которой, будучи взнесенъ на верьхъ горы, собственною своею тяжестію скатывается внизъ, и опять рукою вѣчнаго труженика на гору возносится? — Горестная мысль! печальный образъ!

Теперь мнѣ кажется, будто самыя лѣтописи доказываютъ *вѣроятность* сего мнѣнія. Намъ едва извѣстны имена древнихъ Азіатскихъ народовъ и царствъ; но по нѣкоторымъ историческимъ отрывкамъ, до насъ дошедшимъ, можно думать, что сіи народы были не варвары; что они имѣли свои

искусства, свои науки: кто знаетъ тогдашніе успѣхи разума человѣческаго? Царства разрушались, народы исчезали; изъ праха ихъ, подобно какъ изъ праха фениксова, раждались новыя племена, раждались въ сумракѣ, въ мерцаніи, младенчествовали, учились и — славились. Можетъ быть эоны погрузились въ вѣчность и нѣсколько разъ сіялъ день въ умахъ людей, и нѣсколько разъ ночь темнила души, прежде нежели возсіялъ Египетъ, съ котораго начинается полная исторія. Библіотека Озимандіасова была конечно не первая въ мірѣ; была вѣрно ничто иное, какъ спасенный остатокъ древнѣйшихъ библіотекъ.

Египетское просвѣщеніе соединяется съ Греческимъ: первое оставило намъ однѣ развалины, но великолѣпныя, краснорѣчивыя развалины; картина Греціи жива передъ нами. Тамъ все прельщаетъ

зрѣніе, душу, сердце; тамъ красуются Ликурги и Солоны, Кодры и Леониды, Сократы и Платоны, Гомеры и Софоклы, Фидіи и Зевксисы — однимъ словомъ, тамъ должно дивиться утонченнымъ дѣйствіямъ разума и нравственности. Римляне учились въ сей великой школѣ, и были достойны своихъ учителей.

Что жь послѣдовало за сею блестящею эпохою человѣчества? Варварство многихъ вѣковъ, варварство ума и нравовъ — эпоха мрачная — сцена, покрытая чернымъ флеромъ для глазъ чувствительнаго философа!

Медленно рѣдѣла, медленно прояснялась сія густая тьма. Наконецъ солнце наукъ возсіяло, и философія изумила насъ быстрыми своими успѣхами. Добрые, легковѣрные человѣколюбцы заключали отъ успѣховъ къ успѣхамъ; исчисляли, измѣряли путь духа; напря-

гали взоръ свой — видѣли близкую цѣль совершенства, и въ радостномъ упоеніи восклицали: *берегъ!* ... Но вдругъ небо дымится, и судьба человѣчества скрывается въ грозныхъ тучахъ! — О потомство! какая участь ожидаетъ тебя?

Естьли опять возвратится на землю третій-и четвертыйнадесять вѣкъ? ... Мы конечно не доживемъ до сего; но можемъ ли умирать покойно? И что надпишемъ надъ гробами своими? Развѣ скажемъ съ Сарданапаломъ: *Прохожій! услаждай свои чувства; все прочее ничто* (*)? — О мой другъ!

Печальныя сомнѣнія волнуютъ мою душу, и шумной городъ, въ которомъ живу, кажется мнѣ пустынею. Вижу людей; но взоръ мой не находитъ сердца въ нихъ

(*) Квинтъ-Курцій пишетъ, что Александръ Великій нашелъ гробъ Сарданапаловъ съ сею надписью.

взорахъ. Слышу разсужденія, и опускаю глаза въ землю. — Говорю, но вѣтеръ разноситъ слова мои.... мертвое эхо повторяетъ ихъ!

Иногда несносная грусть тѣснитъ мое сердце; иногда упадаю на колѣни, и простираю руки свои — къ Невидимому.... Нѣтъ отвѣта! — Голова моя клонится къ сердцу.

Самая Природа не веселитъ меня. Она лишилась вѣнца своего въ глазахъ моихъ, съ того времени, какъ не могу уже въ ея объятіяхъ мечтать о близкомъ щастіи людей; съ того времени, какъ удалилась отъ меня радостная мысль о ихъ совершенствѣ, о царствѣ истины и добродѣтели; съ того времени, какъ я не знаю, что мнѣ думать о феноменахъ нравственнаго міра, чего ожидать и надѣяться!

Вѣчное движеніе въ одномъ кругу; вѣчное повтореніе, вѣчная смѣ-

на дня съ ночью и ночи со днемъ; вѣчное смѣшеніе истинъ съ заблужденіями, и добродѣтелей съ пороками; капля радостныхъ и море горестныхъ слезъ . . . . . мой другъ! начто жить мнѣ, тебѣ и всѣмъ? Начто жили предки наши? Начто будетъ жить потомство?

Суди о хаосѣ души моей, которой представляетъ мнѣ все твореніе въ безпорядкѣ! Смотрю на восходящее солнце, и спрашиваю: почто ты восходишь? Стою подъ сѣнію шумящаго дуба, и спрашиваю: почто шумишь?—Теперь все существуетъ для меня безъ цѣли.

Вообрази себѣ человѣка, заснувшаго сладкимъ сномъ въ тихомъ своемъ кабинетѣ, подлѣ нѣжной супруги, среди милыхъ дѣтей, и вдругъ, очарованіемъ какихъ нибудь злыхъ волшебниковъ, пренесеннаго на степь Африканскую — удары грома пробуждаютъ его — нещастный открываетъ глаза, видитъ

ночь и пустыню вокругъ себя —
изумляется — думаетъ, и не понимаетъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ
случилось — слышитъ вездѣ ревъ
звѣрей, и не знаетъ, куда итти...
Гдѣ мирное жилище его? гдѣ нѣжная супруга? гдѣ милыя дѣти?...
Нѣтъ пути! нѣтъ спасенія! . . .
Онъ терзается, проливаетъ слезы,
и устремляетъ взоръ на небо; но
небо покрыто тьмою, небо грозно!
— Состояніе сего человѣка нѣкоторымъ образомъ подобно моему.

Дружба, священная, любезная
дружба! въ твои объятія изливаетъ
сердце мое — сердце, жестоко уязвленное — горестныя свои чувства.
Оживи его благотворнымъ своимъ
бальзамомъ; услади нѣжнымъ состраданіемъ!

Филалетъ! ты вмѣстѣ со мною
веселился нѣкогда жизнію, Природою, человѣчествомъ; теперь скорби со мною, или утѣшь меня!

Духъ мой унылъ, слабъ и печа-

ленъ; но я достоинъ еще дружбы твоей, ибо я — люблю еще добродѣтель! — Вотъ черта, по которой ты всегда узнаешь Мелодора; узнаешь и въ бурю и въ грозу, и на краю могилы!

ФИЛАЛЕТЪ къ МЕЛОДОРУ.

Мелодоръ! слезы катились изъ глазъ моихъ, когда я читалъ любезное письмо твое. Давно уже такія сладкія чувства не посѣщали моего сердца. Благодарю тебя! Самая неразрывная дружба есть та, которая начинается въ юности — неразрывная и пріятнѣйшая. Она сливается въ чувствительной системѣ нашей со всѣми плѣнительными воспоминаніями весеннихъ лѣтъ, сего краснаго утра жизни, лучшей эпохи нравственнаго бытія. Два добрыя сердца, привыкшія любить другъ друга, находятъ въ сей любви источникъ нѣжнѣйшихъ удовольствій и добродѣтельнѣйшихъ радостей. Ахъ, мой другъ! можешь ли сомнѣваться въ постоянствѣ

своего Филалета? Вездѣ, гдѣ ни былъ я, — и въ жаркихъ и въ холодныхъ зонахъ — вездѣ образъ твой путешествовалъ со мною, освѣжалъ томнаго странника подъ огненнымъ небомъ Линіи, и согрѣвалъ его въ предѣлахъ льдистаго полюса. Наконецъ я въ отечествѣ, и не съ тобою? Но мнѣ сказали, что ты уѣхалъ въ чужія земли. Къ щастію сіе извѣстіе, огорчившее меня, было несправедливо. Мелодоръ въ одной странѣ съ Филалетомъ! . . . Спѣши, спѣши къ своему другу! Въ сельскихъ кущахъ ожидаю тебя— тамъ, гдѣ нѣкогда съ улыбкою встрѣчали мы весну, съ грустію провожали лѣто; гдѣ заключился навѣки союзъ душъ нашихъ.

Мой другъ! письмо твое ознаменовано печатію меланхоліи. Ты безпокоенъ, ты печаленъ; сердце твое страдаетъ, милыя надежды твои изчезли; ты ищешь на сце-

нѣ міра — и не находишь тѣхъ благородныхъ существъ, тѣхъ людей, которыхъ нѣкогда любили мы съ такимъ жаромъ. Однимъ словомъ, новыя ужасныя происшествія Европы разрушили всю прежнюю утѣшительную систему твою, разрушили, и повергнули тебя въ море неизвѣстности и недоумѣній: мучительное состояніе для умовъ дѣятельныхъ!

Мелодоръ! я не надѣюсь утѣшить тебя совершенно, не надѣюсь сказать тебѣ ничего новаго; но любовь имѣетъ особливую силу, и всякой даръ любви, и всякое слово любви производитъ благое дѣйствіе. Часто самая простая мысль, согрѣтая огнемъ дружбы, бываетъ яркимъ лучемъ свѣта, разсѣвающимъ густую, хладную тьму сердца нашего.

Подобно тебѣ смотрю я внимательнымъ окомъ на всѣ явленія въ мірѣ; вздыхаю, подобно тебѣ, о

бѣдствіяхъ человѣчества, и признаюсь искренно, что грозныя бури нашихъ временъ могутъ поколебать систему всякаго добродушнаго философа.

Но не уже ли, другъ мой, не найдемъ мы никакого успокоенія во глубинѣ сердецъ нашихъ? Уже ли, въ отчаяніи горести, будемъ проклинать міръ, Природу и человѣчество? Уже ли откажемся навѣки отъ своего разума, и погрузимся во тьму унынія и душевнаго бездѣйствія? — Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны. Сердце мое отвергаетъ ихъ, и, сквозь густоту ночи, стремится къ благотворному свѣту, подобно мореплавателю, который въ гибельный часъ кораблекрушенія — въ часъ, когда всѣ стихіи угрожаютъ ему смертію — не теряетъ надежды, сражается съ волнами, и хватается рукою за плывущую доску.

Такъ, Мелодоръ! я хочу спастись

отъ кораблекрушенія съ моимъ добрымъ мнѣніемъ о Провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемъ, которое составляетъ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемъ основаніи: я съ улыбкою паду подъ смертоносными громами, и улыбка моя, среди всеобщихъ ужасовъ, скажетъ Небу: *Ты благо и премудро; благо твореніе руки Твоей, благо сердце человѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви Божественной!*

Уничтожься навѣки мысленная и чувствительная сила моя, прежде нежели повѣрю, что сей міръ есть пещера разбойниковъ и злодѣевъ, добродѣтель — чуждое растѣніе на земномъ шарѣ, просвѣщеніе — острый кинжалъ въ рукахъ убійцы! Нѣтъ, мой другъ! пусть докажутъ мнѣ напередъ, что Богъ не существуетъ; что Провидѣніе есть одно слово безъ значенія; что мы дѣти случая,

слѣпленіе атомовъ, и болѣе ничего! Но гдѣ же тотъ безумный извергъ, который захотѣлъ бы увѣрить меня въ сихъ страшныхъ нелѣпостяхъ? Я взгляну на сафирное небо, взгляну на цвѣтущую землю, положу руку на сердце, и скажу атеисту: ты безумецъ!

Не уже ли, видя Бога въ естественномъ мірѣ, видя руку Его въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обители, будемъ мы отрицать Его содѣйствіе въ одномъ нравственномъ мірѣ, который по существу своему долженъ быть, естьли смѣю сказать, ближе перваго къ сердцу великаго Божества? Соглашаюсь, что порядокъ моральный не столь явственъ для насъ, какъ порядокъ физическій; но сіе затрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума? Можетъ быть единственно отъ

того мы и не постигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая гармонія. Дай несвѣдущему творенія Локковы: что онъ скажетъ объ нихъ? Дай ему сказку Кребильйонову: онъ восхитится ею. Послѣдняя хороша въ своемъ родѣ; но въ ней ли наиболѣе удивляетъ насъ умъ человѣческой?—Можетъ быть то, что кажется смертному великимъ неустройствомъ, есть чудесное согласіе для Ангеловъ; можетъ быть то, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое, совершеннѣйшее бытіе. Сіи мысли ведутъ меня ко святилищу Божественной премудрости, густымъ мракомъ окруженному; духъ мой, бренною плотію одѣянный, не можетъ проникнуть въ оное; я упадаю во прахъ своего ничтожества, и въ младенческомъ сердцѣ обожаю Всетворящаго.

Скажи, мой другъ, скажи, чего бы не льзя было ожидать отъ Всевышняго и тогда, когда бъ рука Его возжгла только единое солнце на голубомъ небесномъ сводѣ? Но тамъ горятъ ихъ билліоны. Тотъ, Кто великолѣпно прославилъ Себя въ Натурѣ, великолѣпно прославитъ Себя и въ человѣчествѣ. — Не будемъ требовать отъ вѣчной Премудрости отчета въ темныхъ путяхъ Ея; не будемъ требовать того для собственнаго нашего спокойствія! — Знаешь ли, что всего болѣе плѣняетъ меня въ дружбѣ? Довѣренность, которую два сердца имѣютъ одно къ другому. Пусть гнусное злословіе всѣми стрѣлами своими язвитъ отдаленнаго Питіаса: Дамонъ внимаетъ клеветѣ и съ презрѣніемъ отвергаетъ ее (*). *Нѣтъ! я знаю моего*

(*) Дамонъ и Питіасъ — славные друзья въ древности.

друга; гдѣ бы онъ ни былъ, добродѣтель вездѣ съ нимъ; что бы онъ ни сдѣлалъ, дѣло его не преступленіе. Мелодоръ! для чего къ Провидѣнію не имѣть намъ той довѣренности, которую два человѣка могутъ имѣть одинъ къ другому? Богъ вложилъ чувство въ наше сердце; Богъ вселилъ въ мою и въ твою душу ненависть ко злобѣ, любовь къ добродѣтели: сей Богъ конечно обратитъ все къ цѣли общаго блага.

Сія драгоцѣнная вѣра можетъ чудеснымъ образомъ успокоить доброе сердце, возмущенное страшными феноменами на театрѣ міра. Вкуси сладость ея, мой любезный другъ, и лучь утѣшенія кротко озаритъ мракъ души твоей! — Горе той философіи, которая все рѣшить хочетъ! Теряясь въ лабиринтѣ неизъяснимыхъ затрудненій, она можетъ довести насъ до отчаянія, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ есте-

ственно-доброе сердце наше. Иногда, признаюсь тебѣ, я самъ бываю слабъ и печаленъ; отвращаюсь отъ свѣта, отъ людей, и говорю съ Грессетомъ:

Je suis mal où je suis, & je veux être bien;

душа моя стремится во мракъ какихъ нибудь неизвѣстныхъ лѣсовъ, во мракъ — самаго ничтожества; но я стараюсь уменьшать число такихъ минутъ въ жизни моей, оживляя въ душѣ мысль о всетворящемъ Божествѣ, Которое не есть Божество Лукреціево, не есть Божество Эпикурово. „Развѣ Оно не любитъ человѣка?" думаю самъ въ себѣ: „развѣ Оно не печется о судьбѣ людей? Развѣ міръ нашъ не въ Его рукѣ вмѣстѣ съ милліонами другихъ міровъ?" ... Думаю, взираю на сводъ лазоревый; возношусь духомъ выше, выше — и взоръ мой

проясняется; отираю слезы — и мирюсь съ судьбою, мирюсь съ человѣческимъ родомъ. Иду въ тихій кабинетъ свой, читаю добрыхъ философовъ, утѣшителей; размышляю — и сравниваю жестокія потрясенія въ нравственномъ мірѣ съ Лиссабонскимъ или Мессинскимъ землетрясеніемъ, которое свирѣпствовало, разрушало и наконецъ утихло; на берегахъ Тага снова возвышается великолѣпный городъ — и обитатели Мессины снова наслаждаются мирною жизнію.

Будемъ, мой другъ, будемъ и нынѣ утѣшаться мыслію, что жребій рода человѣческаго не есть вѣчное заблужденіе, и что люди когда нибудь перестанутъ мучить самихъ себя и другъ друга. Сѣмя добра есть въ человѣческомъ сердцѣ, и не исчезнетъ вовѣки; рука Провидѣнія хранитъ его отъ хлада и бурь. Теперь свирѣпствуютъ Аквилоны; но рано или поздно наста-

нетъ благодѣтельная весна, и сѣмя распустится отъ животворнаго дыханія зефировъ.

Вѣрю, и всегда буду вѣрить, что добродѣтель свойственна человѣку, и что онъ сотворенъ для добродѣтели. Кто не плѣняется описаніемъ златаго вѣка, вѣка невинности? Кто не проливаетъ слезъ умиленія, внимая повѣствованію о дѣлахъ великодушія и геройства? Кто не любитъ воображать себя добрымъ, благодѣтельнымъ существомъ? Мой другъ! я былъ среди такъ называемыхъ просвѣщенныхъ народовъ, былъ среди народовъ дикихъ, и видѣлъ, что вездѣ, во всѣхъ странахъ, человѣкъ дѣлаетъ зло съ пасмурнымъ лицемъ, а добро съ пріятною улыбкою! . : . Сія черта нравственности любезна философу.

Соглашаюсь съ тобою, что мы нѣкогда излишно величали осьмойнадесять вѣкъ, и слишкомъ много

ожидали отъ него. Происшествія доказали, какимъ ужаснымъ заблужденіямъ подверженъ еще разумъ нашихъ современниковъ! Но я надѣюсь, что впереди ожидаютъ насъ лучшія времена; что природа человѣческая болѣе усовершенствуется — на примѣръ, въ девятомнадесять вѣкѣ — нравственность болѣе исправится, — разумъ, оставивъ всѣ химерическія предпріятія, обратится на устроеніе мирнаго блага жизни, и зло настоящее послужитъ къ добру будущему.

Что принадлежитъ до мизософовъ, мой другъ, тоони никогда, никогда торжествовать не будутъ. Знаю, что распространеніе нѣкоторыхъ ложныхъ идей надѣлало много зла въ наше время; но развѣ просвѣщеніе тому виною? Развѣ науки не служатъ напротивъ того средствомъ къ открытію истины и къ разсѣянію заблужденій, пагубныхъ для нашего спокойствія?

Развѣ не истина, развѣ ложь есть существо наукъ? — Разогнемъ книгу Исторіи: за что не лилась кровь человѣческая? На примѣръ, расприсуевѣрія вооружали сына противъ отца, брата противъ брата; но какой безумецъ вздумаетъ обвинять тѣмъ самую Религію? Напротивъ того не она ли обезоружила наконецъ сихъ фанатиковъ, озаривъ свѣтомъ своимъ, свѣтомъ любви и кротости, ихъ пагубныя заблужденія? Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! я имѣю довѣренность къ мудрости Властителей, и спокоенъ; я имѣю довѣренность къ благости Всевышняго, и спокоенъ. Нѣтъ! свѣтильникъ наукъ не угаснетъ на земномъ шарѣ. Ахъ! развѣ не онѣ служатъ намъ отрадою въ горестяхъ? Развѣ не въ ихъ мирномъ святилищѣ укрываемся мы отъ всѣхъ бурь житейскихъ? Нѣтъ, Всемогущій не лишитъ насъ сего драгоцѣннаго утѣшенія добрыхъ, чувствительныхъ,

печальныхъ. Просвѣщеніе всегда благотворно; просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели, доказывая намъ тѣсный союзъ частнаго блага съ общимъ, и открывая неизсякаемый источникъ блаженства въ собственной груди нашей; просвѣщеніе есть лекарство для испорченнаго сердца и разума; одно просвѣщеніе живодѣтельною теплотою своею можетъ изсушить сію тину нравственности, которая ядовитыми парами своими мертвитъ все изящное, все доброе въ мірѣ; въ одномъ просвѣщеніи найдемъ мы спасительный антидотъ для всѣхъ бѣдствій человѣчества! — Кто скажетъ мнѣ: *науки вредны, ибо осьмойнадесять вѣкъ, ими гордившійся, ознаменуется въ книгѣ бытія кровію и слезами;* тому скажу я: ,,осьмойнадесять вѣкъ не могъ имѣть себя со всѣхъ сторонъ просвѣщеннымъ, когда онъ въ книгѣ бытія ознаменуется кровію и слезами.

Мысли твои о вѣчномъ возвышенiи и паденiи разума человѣческаго кажутся мнѣ — - извини искренность дружбы — воздушнымъ замкомъ; я не вижу ихъ основанiя. Положимъ, что въ древней Азiи были многочисленные народы; но гдѣ же слѣды ихъ просвѣщенiя? Исторiя застала людей во младенчествѣ, въ начальной простотѣ, которая не совмѣстна съ великими успѣхами наукъ. Даже и въ Египтѣ видимъ мы только первыя дѣйствiя ума, -первые магазины знанiй, въ которыхъ легкiя истины были перемѣшаны съ безчисленными заблужденiями. Самые Греки — я люблю ихъ, мой другъ; но они были ничто иное, какъ — милыя дѣти! Мы удивляемся ихъ разуму, ихъ чувству, ихъ талантамъ; но такъ, какъ взрослый человѣкъ удивляется иногда разуму, чувству и талантамъ юнаго отрока. Читай вмѣстѣ Платона и Боннета, Ари-

стотеля и Локка — я не говорю о Кантѣ — и по томъ скажи мнѣ, что была Греческая Философія въ сравненіи съ нашею? —

Для чего и теперь не думать намъ, что вѣки служатъ разуму лѣствицею, по которой возвышается онъ къ своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно?

Ты указываешь мнѣ на варварство среднихъ вѣковъ, наступившее послѣ Греческаго и Римскаго просвѣщенія; но самое сіе, такъ называемое варварство (въ которомъ однако жь, отъ времени до времени, сверкали блестящія, зрѣлыя идеи ума) не послужило ли *въ цѣломъ* къ дальнѣйшему распространенію свѣта наукъ? Солнце, разсѣявъ облака, сіяетъ тѣмъ лучезарнѣе, и тѣмъ благотворнѣе дѣйствуетъ на землю. Дикіе народы сѣвера, которые въ грозномъ своемъ нашествіи гасили, подобно шумному дыханію Борея, свѣтиль-

ники разума въ Европѣ, наконецъ сами просвѣтились, и новый ѳиміамъ воскурился Музамъ на земномъ шарѣ. —

Нѣтъ, нѣтъ! Сизифъ съ камнемъ не можетъ быть образомъ человѣчества, которое безпрестанно идетъ своимъ путемъ, и безпрестанно измѣняется. Прохладимъ, успокоимъ наше воображеніе, и мы не найдемъ въ Исторіи никакихъ повтореній. Всякой вѣкъ имѣетъ свой особливый нравственный характеръ, — погружается въ нѣдра вѣчности, и никогда уже не является на землѣ въ другой разъ.

Мой другъ! мы должны смотрѣть на міръ какъ на великое позорище, гдѣ добро со зломъ, гдѣ истина съ заблужденіемъ ведетъ кровавую брань. Терпѣніе и надежда! Все неправедное, все ложное гибнетъ, рано или поздно гибнетъ; одна истина не страшится времени; одна истина пребываетъ вовѣки! —

Природа уже не веселитъ тебя?.. тебя, моего добраго, моего любезнаго Мелодора? Нѣтъ! пока чувствительное сердце бьется въ груди твоей, люби Природу; утѣшайся ею; ищи радости въ ея объятіяхъ! Люди, по нещастному заблужденію, могутъ быть злы: Природа никогда! Нѣтъ, Мелодоръ! будемъ всегда нѣжными чадами нѣжной матери; будемъ наслаждаться ея благостію и безчисленными красотами! Иногда жаркая слеза выкатится изъ глазъ нашихъ: кроткій зефиръ осушитъ ее.

Въ отвѣтъ на горестное заключеніе письма твоего скажу: — „естьли ужасное пробужденіе описаннаго тобою нещастливца было ничто иное — какъ новый *сонъ*; естьли онъ вторично откроетъ глаза; естьли всѣ ужасы вокругъ его исчезнутъ; естьли Морфей унесетъ ихъ съ собою въ царство ничтожества и тѣней....?“

Мелодоръ! намъ не вѣкъ жить въ семъ мірѣ. Ударитъ часъ, и все перемѣнится! Съ сею любовію къ добродѣтели, которая была, есть и будетъ вѣчнымъ характеромъ души твоей, падемъ въ могилу и закроемся тихою землею! . . .

Тамъ, тамъ, за синимъ океаномъ,

Вдали, въ мерцаніи багряномъ,

тамъ вѣнецъ безсмертія и радости ожидаетъ земныхъ тружениковъ!

ДЕРЕВНЯ.

Благословляю васъ, мирныя сельскія тѣни, густыя, кудрявыя рощи, душистые луга, и поля, златыми класами покрытыя! Благословляю тебя, кроткая рѣчка, и васъ, журчащіе ручейки, въ нее текущіе! Я пришелъ къ вамъ искать отдохновенія.

Давно уже душа моя не наслаждалась такою тишиною, такимъ совершеннымъ уединеніемъ, такою совершенною свободою. Я одинъ — одинъ съ своими мыслями — одинъ съ Натурою.

Какъ мила Природа въ деревенской одеждѣ своей! Ахъ! она воспоминаетъ мнѣ лѣта моего младенчества, — лѣта, проведенныя мною въ тишинѣ сельской, на краю

Европы, среди народовъ варварскихъ. Тамъ воспитывался духъ мой въ простотѣ естественной; великіе феномены Натуры были первымъ предметомъ его вниманія. Ударъ грома, скатившійся надъ моею головою съ небеснаго свода, сообщилъ мнѣ первое понятіе о величествѣ Міроправителя; и сей ударъ былъ основаніемъ моей Религіи. — —

Вижу садъ, алеи, цвѣтники — иду мимо ихъ — осиновая роща для меня привлекательнѣе. Въ деревнѣ всякое искусство противно. Луга, лѣсъ, рѣка, буеракъ, холмъ, лучше Французскихъ и Англійскихъ садовъ. Всѣ сіи маленькія дорожки, пескомъ усыпанныя, обсаженныя березками и липками, производятъ во мнѣ какое-то противное чувство. Гдѣ видны трудъ и работа, тамъ нѣтъ для меня удовольствія. Дерево пересаженное, обрѣзанное, подобно невольнику съ золотою цѣпью. Мнѣ кажется, что оно не

такъ и зеленѣетъ, не такъ и шумитъ въ вѣяніи вѣтра, какъ лѣсное. Я сравниваю его съ такимъ человѣкомъ, которой смѣется безъ радости, плачетъ безъ печали, ласкаетъ безъ любви. Натура лучше нашего знаетъ, гдѣ расти дубу, вязу, липѣ; человѣкъ мудритъ и портитъ.

Нѣтъ, нѣтъ! я никогда не буду украшать Природы. Деревня моя должна быть деревнею — пустынею. Дикость для меня священна; она возвеличиваетъ духъ мой. Рощи мои будутъ цѣлы — пусть зарастаютъ онѣ высокою травою! Пастушка пойдетъ искать заблуждшейся овцы своей, и проложитъ мнѣ тропинку. Къ тому же я люблю преодолѣвать затрудненія — люблю продираться сквозь чащу кустарника и раздѣлять сросшіяся вѣтьви. Ядовитая змѣя услышитъ шорохъ и удалится отъ ноги моей. Листья, къ которымъ дыха-

ніе человѣческое рѣдко прикасается, свѣжѣе и бальзамичнѣе.

Не хочу я имѣть въ деревнѣ большаго, высокаго дому; всякая огромность противна сельской простотѣ. Домикъ какъ хижина, низенькой, со всѣхъ сторонъ осѣняемый деревами — жилище прохлады и свѣжести — вотъ чего желаю! Не будетъ виду изъ оконъ — правда — но его и не надобно. Есть-ли я, сидя въ своей комнатѣ, вижу прелестные ландшафты, то мнѣ не такъ скоро захочется итти гулять. Нѣтъ, гораздо лучше смотрѣть на нихъ съ какого нибудь холма. Да и какъ улыбнутся передо мною долины и пригорки, когда я взгляну на нихъ, вышедши изъ моего сумрачнаго жилища! Въ комнатѣ надобно только отдыхать или работать, а наслаждаться въ полѣ.

День мой.

И человѣкъ просыпаетъ сіи тор-

жественные часы утра, когда бѣлыя облака на позлащенныхъ хребтахъ своихъ выносятъ изъ безднъ океана свѣтозарнаго жениха Натуры, привѣтствуемаго громкими хорами живаго творенія! — Молчу, и покланяюсь! —- Удивительно ли, что младенцы человѣчества, чада дикой Природы, простодушные народы древности обожали сіе великолѣпное свѣтило, на все жизнь и свѣтъ изливающее? Оно есть покровъ и одежда невидимаго Божества.

Какая свѣжесть въ воздухѣ! Моря благоуханій волнуются между небомъ и землею, какъ между двумя берегами, раздѣленными великимъ пространствомъ.

Уже стада разсыпаются вокругъ холмовъ; уже блистаютъ косы на лугахъ зеленыхъ, поющій жаворонокъ вьется надъ трудящимся поселяниномъ — и нѣжная Лавинія

приготовляетъ завтракъ своему Палемону.

Гуляю среди полей разноцвѣтныхъ. Здѣсь сребрится растѣніе Азіи; тамъ желтѣетъ колосистая рожь; тутъ зеленѣетъ ячмень съ острыми иглами своими. Живописецъ! кисть твоя никогда не изобразитъ всѣхъ оттѣнокъ сей прекрасной картины!

Возвращаюсь въ свое тихое жилище. Стаканъ густыхъ, желтыхъ сливокъ ожидаетъ меня: какъ они пріятны послѣ утренней прогулки! — Теперь перебираю книги свои; нахожу Томсона — иду съ нимъ въ рощу, и читаю — кладу книгу подлѣ малиноваго кусточка, смотрю на высокія дерева, на густую зелень вѣтьвей, которая, при мерцающемъ свѣтѣ солнца, изъ тѣни въ тѣнь переливается; слушаю разногласный шумъ листьевъ, столь отличный отъ городскаго, Парижскаго, Лондонскаго

шуму — погружаюсь въ задумчивость, и по томъ снова берусь за книгу.

Время летитъ, и часы мои показываютъ полдень. Выхожу изъ рощи — солнце льетъ на меня пламя — вѣтерокъ не дышетъ — сребрящіеся листочки осинника не колеблются, легкое перо лежитъ на муравѣ неподвижно — василекъ повѣсилъ свою головку: пестрая Сильфида отдыхаетъ на немъ. Все молчитъ, кромѣ стрекозы, сидящей подъ томною травкою — пчела съ сладкимъ запасомъ своимъ сокрылась въ улей — селянинъ покоится на бальзамической травѣ, имъ скошенной. Рѣчка журчитъ и манитъ меня къ берегамъ своимъ — подхожу — ея струи прельщаютъ, влекутъ меня — не могу противиться сему влеченію, и бросаюсь въ текущій кристаллъ. Двѣ ивы сплетаютъ надо мною зеленую бесѣдку — лучь солнечный едва, едва

проницаетъ сквозь кровъ ея, и пестритъ осѣненную воду. Прохлада освѣжаетъ мое сердце.... Ахъ! тотъ не знаетъ одного изъ живѣйшихъ чувственныхъ удовольствій, кто въ жаркое время никогда въ рѣкѣ не купался!

Обѣдъ мой готовъ — два блюда, самыя простыя, составляютъ его.— Сажусь подъ тѣнію вяза, распущаго противъ самыхъ оконъ моихъ; читаю ла-Фонтена, Грессета — книга изъ рукъ моихъ выпадаетъ, и тонкая дремота на нѣсколько минутъ покрываетъ глаза мои флеромъ — зефиръ свѣваетъ его — пробуждаюсь, и чувствую легкой жаръ въ моей внутренности — услужливой садовникъ приноситъ мнѣ корзинку съ благовонною малиною... Какъ пріятны, освѣжительны сіи сочные плоды щедрой Натуры! Ахъ! можно ли не любить ее за все то, чѣмъ она тѣшитъ и нѣжитъ человѣка!

Жаръ проходитъ — иду на лугъ ботанизировать, какъ маленькой Коммерсонъ — любуюсь травками и цвѣточками — разсматриваю ихъ тонкія жилочки, зубчатые краешки, пестренькіе листочки, будто бы изъ тончайшаго шелка сотканные, то гладкіе, то пушистые — удивляюсь разнодушистымъ испареніямъ, разносвойственнымъ сокамъ, варимымъ въ цвѣточныхъ чашечкахъ искусною Природою — удивляюсь тонкимъ сосудамъ, въ которыхъ сіи питательные соки обращаются, и которые втягиваютъ во внутренность растѣнія живительный воздухъ. Срываю — и каждую травку, каждый цвѣточикъ бережно завертываю въ особливую бумажку. Возвратясь въ свою комнату, разбираю, кладу ихъ на солнце, и не будучи многоученымъ Ботанистомъ, на каждое растѣніе пишу краткія примѣчанія. Наприм. „Сіи бѣлые цвѣточки съ желтою

„оттѣнкою, на гладкомъ, темно-
„зеленомъ, сочномъ стеблѣ, прі-
„ятны для глазъ, но еще пріятнѣе
„для обонянія. Когда сокроется
„дневное свѣтило и вечерній мракъ
„сгустится въ пространствѣ воз-
„духа, поди въ темную рощу: тамъ
„нервы твои затрепещутъ отъ
„небеснаго благоуханія, и ты въ
„сладостномъ упоеніи чувствъ вос-
„кликнешь: *Ангелъ на крылахъ но-*
„*чи спустился въ рощу!* Нѣтъ! сіе
„благоуханіе изливается изъ коло-
„кольчиковъ, которые бѣлѣются
„въ густой травѣ, и по спра-
„ведливости называются *красо-*
„*тою ночи.*“

Я слышу свирѣль пастуха — стадо возвращается въ деревню, и каждая овечка находитъ дворъ свой; но селянинъ еще не возвратился съ поля. — Какъ пріятенъ чай на чистомъ воздухѣ! Вечерніе ароматы льются ко мнѣ въ чашку. Но я спѣшу видѣть конецъ луче-

зарнаго дня — спѣшу на высокой песчаной берегъ излучистой рѣчки. Тамъ обширной гладкой лугъ представляется глазамъ моимъ — и за симъ лугомъ, по свѣтлому небу, катится вечернее солнце, въ тихомъ велелѣпіи и въ кроткомъ величествѣ. Уже достигаетъ оно до вратъ запада — мерцаетъ за тонкимъ, златоволнующимся облакомъ — растопляетъ его лучами своими — является снова во всей полнотѣ своей — бросаетъ на землю блескъ и сіяніе — и скрывается. Вечерняя заря алѣетъ теперь на западѣ. — Такъ мудрый и добродѣтельный мужъ, котораго жизнь была благотворнымъ свѣтиломъ для нравственныхъ существъ, собратій его, тихо и великолѣпно приближается къ цѣли своего теченія. Пылкое воображеніе съ лѣтами прохлаждается, но разумъ не темнѣетъ и на западѣ жизни; спокойное величество блистаетъ на

челѣ мудраго и въ самое то время, когда мрачная могила передъ нимъ разверзается; послѣдній ясный взоръ его есть послѣднее благодѣяніе для человѣчества. Онъ скрывается, но память его сіяетъ въ мірѣ какъ заря вечерняя.— Я преклоняю колѣна. Всемогущій! сердце мое Тебѣ открыто: исполни его желаніе, достойное человѣка!

Величественная ночь несется на черныхъ орлахъ своихъ; ея темная мантія развѣвается по воздуху, и все на землѣ засыпаетъ.

Я одинъ иду по тихой равнинѣ, въ молчаніи, въ глубокой задумчивости. Но вдругъ душа моя содрогается отъ внезапнаго блеска огненныхъ лучей. Смотрю на восточное небо — тамъ въ сизыхъ тучахъ блистаетъ молнія, и освѣщаетъ передо мною развалины старой церкви и густою травою заросшія могилы. Съ другой стороны восходитъ свѣтлая луна; не-

бо вокругъ ее чисто.—Такъ мракъ и свѣтъ, порокъ и добродѣтель, буря и спокойствіе, скорбь и радость, совокупно владычествуютъ въ нашемъ мірѣ!

О ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ И НАРОДНОЙ ГОРДОСТИ.

Любовь къ отечеству можетъ быть *физическая, моральная и политическая.*

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ; есть дѣло Природы, и должна быть названа *физическою.* Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое щастіе — а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то

особенную прелесть. Такъ нѣжные любовники и друзья освящаютъ въ памяти первый день любви и дружбы своей. Лапланецъ, рожденный почти въ гробѣ Природы, не смотря на то любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ щастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество! — Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ Медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію; а возвращаясь въ дикой Унтервальденъ, въ суровой Гларисъ, ожи-

ваетъ. Всякое растѣніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ Природы и для человѣка не измѣняется. — Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя Природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству: ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы расли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ *сообразуется* съ нашею; дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ; служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ моральныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы расли, воспитывались и живемъ, есть вторая или

моральная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ

колецъ или звеньевъ. — На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой Напурѣ, случилось мнѣ встрѣтить Голландскаго Патріота, который, по ненависти къ Штатгальтеру и Оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасной домикъ, физической Кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою великолѣпнѣйшую картину Природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ, и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ Голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: „Никто не „можетъ быть щастливъ внѣ сво-„его отечества, гдѣ сердце его „выучилось разумѣть людей, и об-„разовало свои любимыя привычки. „Никакимъ народомъ не льзя замѣ-„нить согражданъ. Я живу не съ

„тѣми, съ кѣмъ жилъ 40 лѣтъ, и
„живу не такъ, какъ жилъ 40 лѣтъ:
„трудно пріучать себя къ ново-
„стямъ, и мнѣ скучно!“

Но физическая и моральная при-
вязанность къ отечеству, дѣйствіе
Натуры и свойствъ человѣка, не
составляютъ еще той великой доб-
родѣтели, которою славились Гре-
ки и Римляне. Патріотизмъ есть
любовь ко благу и славѣ отече-
ства, и желаніе способствовать
имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ
требуетъ разсужденія — и по то-
му не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая Философія есть
та, которая основываетъ должно-
сти человѣка на его щастіи. Она
скажетъ намъ, что мы должны
любить пользу отечества, ибо съ
нею неразрывна наша собственная;
что его просвѣщеніе окружаетъ
насъ самихъ многими удовольствi-
ями въ жизни; что его тишина и
добродѣтели служатъ щитомъ се-

мейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и есть-ли оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою Патріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся Патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было не много Патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишно *смиренны* въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ — а смиреніе въ Политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, то-

го безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ.

Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Руской долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обстоятельства были для нихъ щастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія Судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго; станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое и повторимъ его съ благородною гордостію.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе; слава была колыбелію народа Рускаго, а побѣда вѣстницею бытія его. Римская Имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки Ви-

зантійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться, и которые отличались отъ другихъ Сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра: имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ Царей Греческихъ. Въ первомъ-надесять вѣкѣ Рускіе, всегда превосходные храбростію, не уступали другимъ Европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по Религіи тѣсную связь съ Царемъ-градомъ, который дѣлился съ нами плодами учености; и во время Ярослава были переведены на Славянской языкъ многія Греческія книги. Къ чести твердаго Рускаго характера служитъ то, что Константинополь никогда не могъ при-

своить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ и знаніе Грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости.

Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе Князей приготовили торжество Ченгисъ-Хановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ нещастіи являютъ свое величіе. Такъ Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства. Жители Владимира, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости, и тѣмъ спасли имя Рускихъ отъ поношенія. Историкъ, утомленный сими нещастными временами, какъ ужасною безплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ, и находитъ от-

раду въ томъ, чтобы оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? Который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашали востокъ и западъ. Тамерланъ, сидя на тронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи? такъ славно отмстилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому Государю: народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе.

Время Самозванцевъ представляетъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламѣняетъ сердца — граждане, земледѣльцы требуютъ

военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служитъ примѣромъ; и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ. . . Древняя и новая Исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе сего общаго, геройскаго Патріотизма. Въ царствованіе АЛЕКСАНДРА позволено желать Рускому сердцу, чтобы какой нибудь достойный монументъ, сооруженный въ Нижнемъ Новѣгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ отечеству), обновилъ въ нашей памяти славную эпоху Руской Исторіи. Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный Монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ *ЕГО щастливое* время.

ПЕТРЪ Великій, *соединивъ* насъ

съ Европою, и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость Рускихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва Великій Государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою Европейскою арміею. Явились Генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ; мы показали, какъ бьютъ Шведовъ, Турковъ — и наконецъ Французовъ. Сіи славные Республиканцы, которые еще лучше говорятъ, н е ж е л и сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ ужасныхъ штыкахъ, бѣжали въ Италіи отъ перваго взмаха штыковъ Рускихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть

великое свойство души; народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

Въ военномъ искусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того, что имъ болѣе занимались какъ нужнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего; однакожь не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудростію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людскость, тонъ общества, вкусъ въ жизни, удивляютъ иностранцевъ, пріѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмагонадесять вѣка считался варварскимъ.

Завистники Рускихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ вышней степени *переимчивость;* но развѣ она не есть знакъ превосходнаго

образованія души? Сказываютъ, что учители Лейбница находили въ немъ также одну *переимчивость*.

Въ Наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того — и для того единственно, что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое состояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, на примѣръ, въ Германіи, Англіи, и проч. Естьли бы наши молодые дворяне *учась могли доучиватся* и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннетовъ. Успѣхи Литтературы нашей (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя Науки) доказываютъ великую способность Рускихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У Французовъ еще въ ше-

стомъ-надесять вѣкѣ философствовалъ и писалъ Монтань: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять на ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живости мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога? Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою: Французскіе, Англійскіе Авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Рускимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе Рускихъ. Расположеніе души моей, слава Богу! совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше Парижскихъ жителей всѣ произведенія Французской Литтературы, не хотятъ и взглянуть на

Рускую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о Рускихъ талантахъ? Пусть же читаютъ Французскіе и Нѣмецкіе критическіе Журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ (*). Кому не будетъ обидно походить на Даламбертову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умной человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ Рускаго языка: это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ Дамамъ утверждать, что Руской языкъ грубъ и не пріятенъ; что charmant и séduisant, expansion и vapeurs не

(*) Такимъ образомъ самой худой Французской переводъ Ломоносова Одъ и разныхъ мѣстъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ Журналистовъ.

могутъ быть на немъ выражены; и что, однимъ словомъ, не стоитъ труда знать его. Кто смѣетъ доказывать Дамамъ, что онѣ ошибаются? Но мущины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной Поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею, нежели Французской; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представляетъ болѣе *аналогическихъ* словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-Французски, и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранной

Министръ сказалъ при мнѣ, что „языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо Руские, говоря имъ, по его замѣчанію не разумѣютъ другъ друга, и тотчасъ должны прибѣгать къ Французскому." Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? — Языкъ важенъ для Патріота; и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хотятъ *свистать* и *шипѣть* по-Англійски съ самыми нѣжными любовницами своими, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть *самъ собою,* чтобы сказать: *я существую морально!* Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что моглибы жить, не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ? что тамъ носятъ, въ чемъ

ѣздятъ, и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!

До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ моральномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ — и мы еще въ срединѣ нашего славнаго теченія! Наблюдатель вездѣ видитъ новыя *отрасли* и *развитія*; видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символъ нашъ есть пылкій юноша: сердце его, полное жизни, любитъ дѣятельность; девизъ его есть: *труды и надежда!* — Побѣды очистили намъ путь ко благоденствію; слава есть право на щастіе.

ИЛЬЯ МУРОМЕЦЪ.

Богатырская сказка (*).

Le monde est vieux, dit-on : je le crois; cependant
Il le faut amuser encore comme un enfant.

Le Fontaine.

Часть I.

Не хочу съ Поэтомъ Грецiи
звучнымъ гласомъ Калліопинымъ

(*) Вотъ начало бездѣлки, которая занимала нынѣшнимъ лѣтомъ уединенные часы мои. Продолженіе остается до другаго времени; конца еще нѣтъ,—можетъ быть и не будетъ.— Въ разсужденіи мѣры скажу, что она совершенно Руская. Почти всѣ наши старинныя пѣсни сочинены такими стихами.

пѣть вражды Агамемноновой
съ храбрымъ правнукомъ Юпитера;
или, слѣдуя Виргилію,
плыть отъ Трои разоренныя
съ хитрымъ сыномъ Афродитинымъ
къ злачнымъ берегамъ Италіи.
Не желаю въ Миѳологіи
черпать дивныхъ, странныхъ вымысловъ.
Мы не Греки и не Римляне;
мы не вѣримъ ихъ преданіямъ;
мы не вѣримъ, чтобы богъ Сатурнъ
могъ любезнаго родителя
превратить въ урода жалкаго;
чтобы Леды были — курицы,
и несли весною яица;
чтобы Поллуксы съ Эленами
родились отъ бѣлыхъ лебедей.
Намъ другія сказки надобны;
мы другія сказки слышали
отъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
Я намѣренъ слогомъ древности
разсказать теперь одну изъ нихъ
вамъ, любезные читатели,
естьли вы въ часы свободные

удовольствіе находите
въ Рускихъ басняхъ, въ Рускихъ повѣстяхъ,
въ смѣси былей съ небылицами,
въ сихъ игрушкахъ мирной праздности,
въ сихъ мечтахъ воображенія.
Ахъ! не все намъ горькой истиной
мучить томныя сердца свои!
ахъ! не все намъ рѣки слезныя
лить о бѣдствіяхъ существенныхъ!
На минуту позабудемся
въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!

Не хочу я на Парнасъ итти;
нѣтъ! Парнасъ гора высокая,
и дорога къ ней не гладкая.
Я видалъ, какъ наши витязи,
наши стихо-риѳмо-дѣтели,
упиваясь одопѣніемъ,
лѣзутъ на вершину Пиндову,
обступаются и внизъ летятъ,
не съ вѣнцами и не съ лаврами,
но съ ушами (ахъ!) ослиными,

для позорища насмѣшникамъ!
Нѣтъ, любезные читатели!
я прошу васъ не туда съ собой.
Близь моей смиренной хижины,
на брегу рѣки прозрачныя,
роща древняя, дубовая,
насъ укроетъ отъ лучей дневныхъ.
Тамъ мой дѣдушка на старости
въ жаркой полдень отдыхалъ всегда
на колѣняхъ милой бабушки;
тамъ виситъ его пернатый шлемъ;
тамъ виситъ его булатный мечь,
коимъ онъ враговъ отечества
за гордыню ихъ наказывалъ —
(кровь Турецкая и Шведская
и теперь еще видна на немъ).
Тамъ я сяду на брегу рѣки,
и подъ тѣнью древъ развѣсистыхъ
буду повѣсть вамъ разсказывать.
Тамъ вы можете тихохонько,
естьли скучно вамъ покажется,
раза два зѣвнувъ, сомкнуть глаза.

Ты, которая въ подсолнечной
всюду видима и слышима;

ты, которая какъ богъ Протей
всякой образъ на себя берешь,
всякимъ голосомъ умѣешь пѣть,
удивляешь, забавляешь насъ, —
все вѣщаешь, кромѣ - - - истины;
объявляешь съ газетирами
сокровенности политики;
сочиняешь съ стихотворцами
знатнымъ похвалы прекрасныя,
величаешь Пантомороса (*)
славнымъ, безпримѣрнымъ автором;
съ Алхимистомъ открываешь намъ
тайну камня философскаго;
изъясняешь съ систематикомъ
связь души съ тѣлесной сущностью
и свободы человѣческой
съ непремѣнными законами; —
ты, которая съ Людмилою
нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ
мнѣ сказала: *я люблю тебя!*
о богиня свѣта бѣлаго —
ложь, неправда, призракъ истины!

(*) То есть обер-дурака.

будь теперь моей богинею,
и цвѣтами луга Рускаго
убери героя древности,
величайшаго изъ витязей,
чудодѣя *Илью Муромца!*
Я объ немъ хочу бесѣдовать, —
объ его безсмертныхъ подвигахъ.
Ложь! съ тобою не учиться мнѣ
небылицы выдавать за быль.

Солнце красное явилося
на лазури неба чистаго,
и лучами злата яркаго
освѣтило рощу тихую,
холмъ зеленый и цвѣтущій долъ.
Улыбнулось все твореніе;
воды съ блескомъ заструилися;
травки, ночью освѣженныя,
и цвѣточки благовонные
растворили воздухъ утренній
сладкимъ духомъ, ароматами.
Всѣ кусточки оживилися,
и пернатыя малюточки,
коноплянoчка съ малиновкой,
въ нѣжныхъ пѣсняхъ славить начали

день, безпечность и спокойствіе.
Никогда въ Россійской области
не бывало утро лѣтнее
веселѣе и прекраснѣе.

Кто жь симъ утромъ наслаждается?
Кто на статномъ соловомъ конѣ,
черный щитъ держа въ одной рукѣ,
а въ другой копье булатное,
ѣдетъ по лугу какъ грозный царь?
На главѣ его пернатый шлемъ
съ золотою, свѣтлой бляхою;
на бедрѣ его тяжелый мечь;
латы, солнцемъ освѣщенныя,
сыплютъ искры и огнемъ горятъ.
Кто сей витязь, богатырь младой?
Онъ подобенъ Маю красному:
розы алыя съ лилеями
расцвѣтаютъ на лицѣ его.
Онъ подобенъ мирту нѣжному:
тонокъ, прямъ и величавъ собой.
Взоръ его быстрѣй орлинаго,
и свѣтлѣе ясна мѣсяца.
Кто сей рыцарь?—-Илья Муромецъ.
Онъ проѣхалъ дикой темной лѣсъ,

и глазамъ его является
поле гладкое, обширное,
гдѣ Природою разсыпаны
въ изобиліи дары земли.
Витязь Геснера не читывалъ;
но имѣя сердце нѣжное,
любовался красотою дня;
тихимъ шагомъ ѣхалъ по лугу,
и въ душѣ своей чувствительной
жертву утреннюю, чистую,
приносилъ Царю небесному.
„Ты, Которой украшаешь все,
„Руской Богъ и Богъ вселенныя!
„Ты, Которой надѣляешь насъ
„всѣми благами щедротъ Своихъ!
„будь всегда моимъ помощникомъ!
„Я клянуся вѣчно слѣдовать
„богатырскимъ предписаніямъ
„и уставамъ добродѣтели,
„быть защитникомъ невинности,
„бѣдныхъ, сирыхъ и нещастныхъ
вдовъ,
„и наказывать мечемъ своимъ
„злыхъ тирановъ и волшебниковъ,
„устрашающихъ сердца людей!“—

Такъ герой нашъ размышлялъ въ себѣ,
и повсюду обращая взоръ,
за кустами, впереди себя,
надъ струями рѣчки быстрыя,
видитъ свѣтло-голубой шатеръ,
видитъ ставку богатырскую,
съ золотою круглой маковкой.
Онъ къ кусточкамъ приближается,
и стучитъ копьемъ въ желѣзный щитъ;
но отвѣту богатырскаго
нѣтъ на стукъ его оружія.
Бѣлый конь гуляетъ по лугу,
не осѣдланный, не взнузданный,—
щиплетъ травку ароматную,
и слѣды подковъ серебряныхъ
оставляетъ на росѣ цвѣтовъ.
Не выходитъ витязь къ витязю
поклониться, ознакомиться.

Удивляется нашъ Муромецъ;
смотритъ на небо и думаетъ:
„солнце выше горъ лазоревыхъ,
„а Россійской богатырь въ шатрѣ

„не уже ль еще покоится?" —
Онъ пускаетъ на зеленой лугъ
своего коня надежнаго,
и вступаетъ смѣлой поступью
въ ставку съ золотою маковкой.

Для чего Природа дивная
не дала мнѣ дара чуднаго
нѣжной кистію прельщать глаза,
и писать живыми красками
съ Тиціаномъ и Корреджіемъ?
Ахъ! тогда бы я представилъ вамъ,
что увидѣлъ витязь Муромецъ
въ ставкѣ съ золотою маковкой.
Вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли —
безпримѣрную красавицу,
всѣхъ любезностей собраніе,
рѣдкость милыхъ женскихъ прелестей;
вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли,
какъ она пріятнымъ, тихимъ сномъ
наслаждалась въ голубомъ шатрѣ,
разметавшись на цвѣтной травѣ:
какъ ея густые волосы,
свѣтлорусые, волнистые,

осѣняли бѣлизну лица,
шеи, груди алебастровой,
и свиваясь, развиваяся,
упадали на колѣна къ ней;
какъ ея рука лилейная,
гдѣ всѣ жилки васильковыя
были съ нѣжностью означены,
ея голову покоила;
какъ одежда снѣго-бѣлая,
полотняная, тончайшая,
отъ дыханья груди полныя
трепетала тихимъ трепетомъ.
Но не можно въ сказкѣ выразить,
и не можно написать перомъ,
чѣмъ глаза Героя нашего
услаждались на ея челѣ,
на ея устахъ малиновыхъ
на ея бровяхъ возвышенныхъ,
и на всемъ лицѣ красавицы.—
Латы съ золотой насѣчкою,
шлемъ съ перомъ заморской *жаръ-птицы*
мечь съ топазной рукояткою,
копіе съ булатнымъ остріемъ,
щитъ изъ стали вороненыя

и сѣдло съ блестящей осыпью
на травѣ лежали вкругъ ее.

Сердце твердое, геройское,
твердо въ битвахъ и сраженіяхъ
со врагами добродѣтели —
твердо въ бѣдствіяхъ, опасностяхъ;
но не твердо противъ женскихъ
стрѣлъ,
мягче воску бѣлояраго
противъ нѣжныхъ, милыхъ прелестей.
Витязь зналъ красавицъ множество
въ безпредѣльной Руской области,
но такой еще не видывалъ.
Взоръ его не отвращается
отъ румянаго лица ея.
Онъ боится разбудить ее;
онъ досадуетъ, что сердце въ немъ
бьется съ частымъ, сильнымъ трепетомъ;
онъ дыханіе въ груди своей
останавливать старается,
чтобы долѣе красавицу
безпрепятственно разсматривать

Но ему опять желается,
чтобъ красавица очнулась вдругъ;
ему хочется глаза ея —
вѣрно свѣтлые, любезные —
видѣть подъ бровями черными;
ему хочется внимать ея
гласу тихому, пріятному;
ему хочется узнать ея
любопытную исторію,
и откуда, и куда она,
и зачѣмъ дѣвица красная
(витязь думалъ и угадывалъ,
что она была дѣвицею)
ѣздитъ по свѣту геройствовать,
подвергается опасностямъ
жизни трудной, жизни рыцарской,
не щадя весеннихъ прелестей,
не боясь жара, холода.
„Руки слабой, тлѣнной женщины
могутъ шить сребромъ и золотомъ
въ красномъ и покойномъ теремѣ, —
не мечемъ и не копьемъ владѣть;
могутъ друга, сердцу милаго,
жать съ любовью къ сердцу нѣж-
ному, —

не гигантовъ на поляхъ разить.
Естьли кто изъ злыхъ волшеб-
никовъ
въ плѣнъ возьметъ дѣвицу юную:
ахъ! чего злодѣй безчувственной
съ нею въ ярости не сдѣлаетъ?" —
Такъ Илья съ собой бесѣдуетъ,
и взираетъ на прекрасную.

Время быстрою стрѣлой летитъ;
часъ проходитъ за минутами,
и за утромъ полдень слѣдуетъ —
незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Солнце къ западу склоняется,
и съ зефирною прохладою
вечеръ сходитъ съ неба яснаго
на луга и поле чистое —
незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Ночь на облакѣ спускается,
и густыя тьмы покровами
одѣваетъ землю тихую;
слышно ручейковъ журчаніе,
слышно эхо отдаленное,

и въ кусточкахъ соловей поетъ —
незнакомка спитъ глубокимъ сномъ.

Тщетно витязь дожидается,
чтобы грудь ея высокая
вздохомъ нѣжнымъ всколебалася;
чтобъ она рукою бѣлою
хотя разъ тихонько тронулась,
и открыла очи ясныя!
Незнакомка спитъ по прежнему.

Онъ садится въ голубомъ шатрѣ,
и взирая на прекрасную,
видитъ въ самой темнотѣ ночной
красоту ея небесную,
видитъ — въ тронутой душѣ своей,
и въ своемъ воображеніи;
чувствуетъ ея дыханіе,
и не мыслитъ успокоиться
въ часъ глубокія полуночи.

Ночь проходитъ, наступаетъ день;
день проходитъ, наступаетъ ночь —
незнакомка спитъ по прежнему.

Рыцарь нашъ сидитъ какъ вкопаной;
забываетъ пищу, нужный сонъ.
Всякой часъ, минуту каждую
онъ находитъ нѣчто новое
въ милыхъ прелестяхъ красавицы;
и—недѣли цѣлой нѣтъ въ году!

Здѣсь, любезные читатели,
должно будетъ изъясниться намъ,
уничтожить возраженія
строгихъ, блѣднолицыхъ критиковъ:
„какъ Илья, хотя и Муромецъ,
хоть и витязь Руси древнія,
могъ сидѣть недѣлю цѣлую,
не вставая, на одномъ мѣстѣ;
могъ ни маковыя росинки
въ ротъ не брать, дремы не чувствовать?"
Вы слыхали, какъ монахъ святой,
наслаждаясь дивнымъ пѣніемъ
райской пестрой коноплянки,
могъ безъ пищи и безъ сна пробыть
не недѣлю, но столѣтіе.

Развѣ прелести красавицы
не имѣютъ чародѣйствія
райской пестрой конопляночки?
О друзья мои любезные!
естьли бъ знали вы, что женщины
могутъ дѣлать съ нами бѣдными!..
Ахъ! спросите стариковъ сѣдыхъ;
ахъ! спросите самого меня...
и краснѣя, вамъ признаюся,
что волшебный видъ прелестницы—
не хочу теперь назвать ее!—
былъ мнѣ пищею небесною,
Олимпійскою амброзіей;
что я радъ былъ цѣлый вѣкъ не
спать,
лишь бы видѣть могъ жестокую!..
Но боюся говорить объ ней,
и къ Герою возвращаюся.

„Что за чудо! рыцарь думаетъ:
я слыхалъ о богатырскомъ снѣ;
иногда онъ продолжается
три дни съ часомъ, но не болѣе;
а красавица любезная..."
Тутъ онъ видитъ муху черную

на ея устахъ малиновыхъ;
забываетъ разсужденія,
и рукою богатырскою
гонитъ злаго насѣкомаго;
машетъ пальцемъ указательнымъ,
(гдѣ сіялъ большой златой перстень,
съ талисманомъ *Велеславичьымъ*) —
машетъ, тихо прикасается
къ алымъ розамъ бѣлолицыя —
и красавица любезная
растворяетъ очи ясныя!

Кто опишетъ милый взоръ ея,
кто улыбку пробужденія,
ту любезность несказанную,
съ коей, вставъ, она привѣтствуетъ
незнакомаго ей рыцаря?
„Долго бъ спать мнѣ непрерыв-
ным снoмъ,
юный рыцарь! (говоритъ она),
естьли бъ ты не разбудилъ меня.
Сонъ мой былъ очарованіемъ
злаго, хитраго волшебника,
Чернομора ненавистника.
Вижу перстень на рукѣ твоей,

перстень добрыя волшебницы,
Всеславы благодѣтельной:
онъ своею тайной силою,
прикоснувшись къ моему лицу,
уничтожилъ заклинаніе
Черномора ненавистника."
Витязь снялъ съ себя пернатый
шлемъ:
чернобархатные волосы
по плечамъ его разсыпались.
Какъ заря алѣетъ на небѣ,
разливаясь въ морѣ розовомъ
предъ восходомъ солнца краснаго:
такъ румянецъ на щекахъ его
разливался въ аломъ пламени.
Какъ роса сіяетъ на полѣ,
осребренная свѣтиломъ дня,
такъ сердечная чувствительность
въ маслѣ глазъ его свѣтилася.
Стоя съ видомъ милой скромности
предъ любезной незнакомкою,
тихимъ и дрожащимъ голосомъ
онъ красавицѣ отвѣтствуетъ:
„даръ волшебницы любезныя
милъ и дорогъ моему сердцу;

я ему обязанъ щастіемъ
видѣть ясный свѣтъ очей твоихъ".—
Взоромъ нѣжнымъ, выразительнымъ
онъ сказалъ гораздо болѣе.

Тутъ красавица примѣтила,
что одежда полотняная
не темница для красотъ ея;
что любезный рыцарь-юноша
догадаться могъ легохонько,
гдѣ подъ нею что таилося ‥‥
такъ сѣдый туманъ, волнуяся
надъ долиною зеленою,
не совсѣмъ скрываетъ холмики,
посреди ея цвѣтущіе;
глазъ внимательнаго странника
сквозь волненіе туманное
видитъ ихъ вершинки круглыя.

Незнакомка взоръ потупила —
закраснѣлася какъ маковъ цвѣтъ,
и взялась рукою бѣлою
за доспѣхи богатырскіе.
Рыцарь понялъ, что красавицѣ

безъ свидѣтелей желается
нарядиться юнымъ витяземъ.
Онъ изъ ставки вышелъ бережно —
посмотрѣлъ на небо синее —
прислонился къ вязу гибкому —
бросилъ шлемъ пернатый на землю,
и рукою подперъ голову.
Что онъ думалъ, — мы не скажемъ
вдругъ;
но въ глазахъ его задумчивость
точно такъ изображалася,
какъ въ ручьѣ густое облако;
томный вздохъ изъ сердца вылетѣлъ.
Конь его, товарищъ вѣрный другъ,
видя рыцаря, бѣжитъ къ нему;
ржетъ и прыгаетъ вокругъ Ильи,
поднимая гриву бѣлую,
извивая хвостъ изгибистый.
Но Герой нашъ нечувствителенъ
къ ласкамъ, къ радости товарища,
своего коня надежнаго;
онъ стоитъ, молчитъ и думаетъ.
Долго ль, долго ль думать Муромцу?

Нѣтъ, не долго: — раскрываются
полы свѣтлоголубой ставки,
и глазамъ его является
незнакомка въ видѣ рыцаря.
Шлемъ пернатый развѣвается
надъ ея челомъ возвышеннымъ.
Героиня подпирается
копіемъ съ булатнымъ остріемъ;
мечь блистаетъ на бедрѣ ея. —
Въ ту минуту солнце красное
возсіяло ярче прежняго,
и лучи его съ любовію
пролилися на красавицу.

Съ кроткой, нѣжною улыбкою
смотритъ милая на витязя,
и движеньемъ глазъ лазоревыхъ
говоритъ ему: — ,,мы можемъ сѣсть
,,на травѣ благоухающей
,,подъ сѣнистыми кусточками." —
Рыцарь скоро приближается,
и садится съ Героинею
на травѣ благоухающей
подъ сѣнистыми кусточками.

Двѣ минуты продолжается
ихъ глубокое молчаніе;
въ третью чудо совершается...

(*Продолженіе впредь*).

РАЗГОВОРЪ о ЩАСТІИ.

ФИЛАЛЕТЪ и МЕЛОДОРЪ.

ФИЛАЛЕТЪ.

Нѣсколько минутъ смотрю на тебя, и жалѣю, что я не живописецъ: не льзя найти лучшей модели для изображенія бога задумчивости.

МЕЛОДОРЪ.

Ахъ! извини меня. Я въ самомъ дѣлѣ забылся, и не видалъ, какъ ты вошелъ. — (*Подаетъ ему руку*).

ФИЛАЛЕТЪ.

Что, естьли смѣю спросить, занимаетъ твое глубокомысліе? Философскій камень, безпрестанное движеніе, связь души съ тѣ-

ломъ, средство сдѣлать безумцевъ умными: не правда ли?

МЕЛОДОРЪ.

Ты почти угадалъ. Я думалъ... о средствѣ быть щастливымъ въ жизни. Это стоитъ Философскаго камня.

ФИЛАЛЕТЪ.

Съ нѣкоторой стороны.

МЕЛОДОРЪ.

Въ самомъ дѣлѣ, любезной другъ, на что мы трудимся, учимся, читаемъ, пишемъ, споримъ — и Богъ знаетъ, чего не дѣлаемъ — когда не умѣемъ найти благополучія въ жизни? Я представляю себѣ здѣшній свѣтъ великолѣпнымъ храмомъ: на портикахъ, на перистилѣ, на колоннахъ, вездѣ сіяетъ надпись: *Щастію!* Вхожу во внутренность: гремятъ хоры — *Щастію!* Вижу безчисленное множество людей: спѣшатъ, тѣснятся, простираютъ руки — ко *Щастію*, единственному божеству храма; но божество... невидимо!

Молятся съ усердіемъ, зовутъ его: оно не является! Герой манитъ его къ себѣ окровавленнымъ мечемъ, любовникъ миртовою вѣтьвію, роскошной блескомъ сокровищъ своихъ : оно не является! Здѣсь проливаютъ слезы, тамъ другихъ заставляютъ плакать — все для щастія; но оно глухо, слѣпо — не слушаетъ моленій, не смотритъ на жертвы — и вѣчно, вѣчно невидимо!

ФИЛАЛЕТЪ.

Довольно Поэзіи, но мало утѣшенія!

МЕЛОДОРЪ.

Утѣшенія! гдѣ найти его въ этомъ хаосѣ заблужденій, обмановъ и безчисленныхъ золъ всякаго рода? Я смотрѣлъ, мыслилъ, говорилъ съ Философами, съ сердцемъ своимъ — и готовъ спрыгнуть съ земнаго шара.

ФИЛАЛЕТЪ.

Друзья схватятъ тебя за руку,

будутъ просить, кланяться — и нѣжной, снисходительной Мелодоръ останется съ ними.

МЕЛОДОРЪ.

Развѣ только для нихъ; а мнѣ право уже наскучило быть Донъ-Кишотомъ, гоняться за воображаемою Дульцинеею, за пустою мечтою, и смѣшить холодныхъ людей моими пламенными вздохами.

ФИЛАЛЕТЪ.

Участь всѣхъ рыцарей въ наше время!

МЕЛОДОРЪ.

Кто же не рыцарь щастія? Но оставимъ шутку, и поговоримъ съ важностію о такомъ предметѣ, которой всего милѣе для нашего сердца. Все велитъ мнѣ разстаться съ прелестною надеждою; но я хочу знать твои мысли, и сравниваю себя съ такимъ любовникомъ, которой видѣлъ, видѣлъ собственными глазами измѣну любовницы своей, но все еще *хотѣлъ бы* сомнѣ-

ваться; ненавидитЪ свое увѣреніе, и говоря ей: *не оправдывайся!* слушаетЪ . . . ея оправданіе.

ФИЛАЛЕТЪ.

Я помню слова одного Философа. „Есть ли щастье?“ спросилЪ у него любопытный человѣкЪ. — Люди сначала міра ищутЪ его, и по сіе время не нашли, отвѣчалЪ онЪ: слѣдственно. . . „Слѣдственно его „нѣтЪ?“ сказалЪ любопытный. — Однакожь, продолжалЪ мудрецЪ, естьли бы оно было ничто иное, какЪ пустой фантомЪ, то люди давно бы уже перестали искать его; но какЪ они все упорствуютЪ вЪ своихЪ мысляхЪ, и все ищутЪ, то надобно . . . . „ЧтобЪ оно существовало? Два противныя слѣдствія: которое же справедливо?“ спросилЪ опять любопытный. — Рѣши самЪ! отвѣчалЪ ФилософЪ; завернулся вЪ свою мантію и замолчалЪ.

МЕЛОДОРЪ.

Надѣюсь, что ты будешь снисходительнѣе этова Философа, и скажешь мнѣ, есть ли, по твоему мнѣнію, истинное щастье въ мірѣ? можетъ ли человѣкъ найти его?

ФИЛАЛЕТЪ.

Нѣтъ и есть! не можетъ и можетъ!

МЕЛОДОРЪ.

Прекрасной отвѣтъ! онъ напоминаетъ мнѣ Аполлонову Пиѳію, которая всегда говорила: *да и нѣтъ! нѣтъ и да!* или Шекспировыхъ вѣдьмъ, увѣрявшихъ Дунканова Генерала, что онъ будетъ меньше и больше, ниже и выше Макбета.

ФИЛАЛЕТЪ.

Естьли мы разумѣемъ подъ щастьемъ такое состояніе души, въ которомъ бы она могла безпрестанно наслаждаться живыми удовольствіями. . .

МЕЛОДОРЪ.

Потерявъ всѣ чувства недостат-

ка, сливаясь, такъ сказать, со внѣшними предметами, какъ тоны сливаются между собою въ гармоническомъ строѣ, и находя въ одномъ наслажденіи чувство бытія своего...

ФИЛАЛЕТЪ.

То оно невозможно по образованію души нашей. Напрасно человѣкъ думаетъ найти его въ исполненіи всѣхъ желаній: одно раждаетъ другое, и цѣпь безконечна. Но положимъ и то, чтобы всѣ они исполнились; на примѣръ: молодой Эрастъ, общій нашъ знакомецъ, страстно влюбленъ въ Плѣниру; ея сердце, ея рука, сдѣлаютъ его, какъ онъ говоритъ, совершенно блаженнымъ. Пусть рокъ соединитъ ихъ: Эрастъ, по обыкновенію всѣхъ щастливыхъ любовниковъ, скоро увидитъ ошибку свою; увидитъ, что Плѣнира хотя мила, очень мила, однакожь не мѣшаетъ желать еще другихъ пріятностей въ жизни. Вообразимъ, что я Эра-

стовъ благодѣтельный и всемогущій Геній: чего онъ желаетъ, то въ минуту исполняю.

МЕЛОДОРЪ.

Ты берешь на себя много работы. Онъ желаетъ, на примѣръ, богатства.

ФИЛАЛЕТЪ.

И богатство течетъ къ нему рѣкою, льется на него золотымъ дождемъ.

МЕЛОДОРЪ.

Онъ любитъ обходиться съ просвѣщенными, знающими, остроумными людьми —

ФИЛАЛЕТЪ.

Предупреждаю его желаніе: всѣ Нѣмецкіе Профессоры, всѣ Французскіе *остроумцы* скачутъ къ нему на почтовыхъ.

МЕЛОДОРЪ.

Онъ самъ захочетъ быть первымъ умникомъ въ свѣтѣ.

ФИЛАЛЕТЪ.

Даю ему разумъ Фонтенеля, Вольтера, Руссо.

МЕЛОДОРЪ.

Захочетъ славы Героя —

ФИЛАЛЕТЪ.

Лавровые вѣнки летятъ къ нему на голову.

МЕЛОДОРЪ.

Пожелаетъ —

ФИЛАЛЕТЪ.

Конечно не того, чтобы два и два составили пять: все прочее дѣлаю; онъ дошелъ до послѣдней границы возможностей; осыпанъ всѣми дарами Природы и фортуны; всѣ нервы его трепещутъ въ живѣйшемъ восторгѣ . . . Но что же? Восторгу его, по свойству, образованію души человѣческой, минута отъ минуты должно *ослабѣвать*; каждая секунда уноситъ съ собою нѣкорую часть его *способности наслаждатися*; каждое мгновеніе умираетъ, такъ сказать, его щастіе. Нѣтъ предметовъ для желаній, нѣтъ предметовъ для надежды!

Эрастъ все имѣетъ, кромѣ . . . блаженства.

МЕЛОДОРЪ.

Но онъ можетъ еще желать, чтобы душа его, наслаждаясь, не тупѣла въ своихъ чувствахъ.

ФИЛАЛЕТЪ.

Въ такомъ случаѣ онъ пожелалъ бы, чтобы два и два составили пять: по крайней мѣрѣ физической невозможности. Первое впечатлѣніе предмета въ нашихъ чувствахъ бываетъ всегда самое живѣйшее; всякое повтореніе дѣйствуетъ слабѣе — и потому человѣкъ въ 30 лѣтъ, при всемъ совершенствѣ органовъ своихъ, радуется уже менѣе тѣми предметами, которыми восхищался онъ въ 25 лѣтъ.

МЕЛОДОРЪ.

Слѣдствіе. . .

ФИЛАЛЕТЪ.

Слѣдствіе то, что Богу не угодно было даровать человѣку совер-

шеннаго блаженства въ здѣшней жизни; *оно невозможно по образованію души нашей.* Но....

МЕЛОДОРЪ.

Посмотримъ, что скажешь намъ въ утѣшеніе!

ФИЛАЛЕТЪ.

Но естьли щастье состоитъ въ томъ, чтобы находить въ жизни многія истинныя пріятности, не скучать ею, не роптать на судьбу, быть довольнымъ: то оно возможно и дано человѣку.

МЕЛОДОРЪ.

Какъ же я буду доволенъ, когда....

ФИЛАЛЕТЪ.

Будешь, повинуясь сердцу и разсудку. Первое велитъ искать удовольствій, а послѣдній однихъ невинныхъ удовольствій, согласныхъ съ законами Природы и мудрости. Сердце есть младенецъ, которой бросается на все сладкое; но въ сладкомъ бываетъ иногда ядовитое.

Разсудокъ долженъ говорить ему: *это вредно — оставь! это не вредно — наслаждайся!*

МЕЛОДОРЪ.

Но естьли последняго такъ мало, что бѣдное сердце безпрестанно должно себѣ отказывать; естьли почти всѣ удовольствія стоятъ намъ слишкомъ дорого; естьли на каждую пріятность можно считать по сту непріятностей; естьли всѣ страсти пагубны, какъ утверждали Стоики; естьли вѣчное сраженіе съ чувствами есть для насъ законъ мудрости: въ такомъ случаѣ, какъ бѣдно твое возможное щастье! и начто родиться человѣку?

ФИЛАЛЕТЪ.

Нѣтъ, я не люблю Стоиковъ, которые черными сукномъ одѣваютъ всю Природу, и заранѣе кладутъ сердце въ холодную могилу. Нѣтъ, нѣтъ! Природа любитъ одѣваться зеленью и цвѣтами; она

дала намъ чувства для того, чтобы услаждать ихъ; дала намъ разсудокъ для того, чтобы выбирать лучшія наслажденія; дала страсти для того, что онѣ нужны, необходимы для дѣятельности въ физическомъ и моральномъ мірѣ.

МЕЛОДОРЪ.

Ты хочешь быть Панегиристомъ страстей: но я укажу тебѣ на мысъ Левкадской, на пепелъ городовъ, на высокіе бугры, составленные изъ костей человѣческихъ; на Африканскіе берега, гдѣ люди продаютъ людей въ рабство — и скажу: *вотъ дѣйствіе страстей!*

ФИЛАЛЕТЪ.

Дѣйствіе ихъ заблужденія. Страсти въ своихъ границахъ благодѣтельны, внѣ границъ пагубны.

МЕЛОДОРЪ.

Кому же назначать предѣлы?

ФИЛАЛЕТЪ.

Я сказалъ: разсудку. Страсть для сердца есть ничто иное, какъ

живое чувство удовольствія; но разсудокъ находитъ, что удовольствіе есть только *приманка;* что Натура скрываетъ подъ нимъ нѣчто важнѣйшее: пользу. Тутъ ставитъ онъ пограничной столпъ, и говоритъ сердцу: *не далѣе!* Когда чувствительной пастухъ видитъ и любитъ милую пастушку; вздыхаетъ, краснѣется передъ нею; ласкаетъ ея овечекъ; усыпаетъ цвѣтами тропинку, по которой она часто ходитъ; играетъ на свирѣли нѣжную пѣсню, между тѣмъ какъ пастушка сидитъ на бережку ручейка, и задумчиво смотрится въ зеркало воды кристальной: тогда я вижу намѣреніе Природы — она говоритъ въ его сердцѣ; она хочетъ, чтобы пастухи любились, и чтобы нѣжные плоды взаимной склонности играли на колѣняхъ пастушекъ. Для того рука ея украсила розами любовь Аркадскую. Но можетъ ли Природа хотѣть,

чтобы Сафы падали на землю отъ звуковъ Фаонова голоса, трепетали всегда, какъ вдохновенные Квакеры, и наконецъ . . . утопали въ пучинѣ Левкадской? Тутъ нѣтъ никакой цѣли: одно разрушеніе, противное намѣренію любви, которой поручено, такъ сказать, храненіе человѣческаго рода. Лезбійская Героиня служитъ неестественнымъ примѣромъ заблужденія въ естественной и самой щастливой склонности.

МЕЛОДОРЪ.

Но развѣ пастушокъ твой не можетъ быть нещастливъ въ любовной своей Идилліи? На примѣръ, онъ вздыхаетъ, краснѣется, а его не примѣчаютъ; гладитъ любимыхъ пастушкиныхъ овечекъ, а его не благодарятъ взоромъ; усыпаетъ тропинки цвѣтами, играетъ на свирѣли, а его . . . не любятъ! Что, естьли нашъ Дафнисъ, потерявъ надежду, вздумаетъ грустить, то-

сковать, не глядѣть на свѣтъ Божій? Жестокой человѣкъ! можешь ли ты не пожалѣть объ немъ? Можешь ли не осудить Природы, которая говорила въ его сердцѣ для того, чтобы сказать ему: *будь нещастливъ!*

ФИЛАЛЕТЪ.

Нѣтъ, я не позволяю тосковать пастушку моему. Пусть онъ вздохнетъ два, три раза — не больше — и пойдетъ искать другой, благосклоннѣйшей красавицы.

МЕЛОДОРЪ.

Прекрасно, но возможно ли, когда страсть завладѣла всѣмъ сердцемъ, всею душею?

ФИЛАЛЕТЪ.

Натура того не хочетъ, и предостерегаетъ насъ отъ излишностей чувствомъ страданія. Разсудокъ велитъ *умѣрять* любовь, когда она *мучитъ* сердце и можетъ погубить его.

МЕЛОДОРЪ.

Голосъ разсудка въ такомъ случаѣ не подобенъ ли крику ворона, которой предвѣщаетъ намъ бурю, но не можетъ отвратить ее?

ФИЛАЛЕТЪ.

Всегда можетъ, *пока* говоритъ; человѣку остается покорить ему волю свою, принять его совѣты. На примѣръ: мнѣ очень нравится женщина; я чувствую, что могу полюбить ее страстно. Что совѣтуетъ благоразуміе? Увѣриться въ ея взаимной любви, или . . . удалиться отъ опасной Цирцеи. Благодѣтельная Природа образовала наше сердце такъ, что мы не можемъ сильно любить безъ надежды и взаимности. Надежда часто обманываетъ: но отъ чего же? Отъ безумнаго, вѣтренаго самолюбія, которое толкуетъ въ свою пользу всякой взоръ, всякое слово, и слышитъ *да!* гдѣ говорятъ *нѣтъ!* или ничего не говорятъ. Заблу-

жденіе открывается : что дѣлать? Проклинать судьбу, боговъ и чувствительность!

МЕЛОДОРЪ.

А непостоянство, измѣна—

ФИЛАЛЕТЪ.

Бываютъ только въ слабыхъ, или, лучше сказать, въ мнимыхъ привязанностяхъ; но два сердца, образованныя для истинной, взаимной любви, никогда не могутъ разстаться въ жизни; всякой день утверждаетъ связь ихъ, наслажденіемъ, воспоминаніемъ, чувствомъ благодарности, разсужденіемъ, и наконецъ золотою цѣпью привычки. Непостоянный есть такой человѣкъ, которой никогда не любилъ и никогда (что все одно) не былъ любимъ.

МЕЛОДОРЪ.

Однакожь N., мой пріятель, оставленный своею красавицею, былъ въ отчаяніи и хотѣлъ застрѣлиться.

ФИЛАЛЕТЪ.

Не сердце, а гордость его была въ отчаяніи, которое и продолжалось, кажется, не болѣе семи дней. Онъ терзался мыслію, что красавица предпочла ему другова. Ахъ! я увѣренъ, что и нѣжная, пламенная Сафо не бросилась бы съ Левкадскаго мыса безъ помощи раздраженнаго самолюбія, а можетъ быть и суетнаго желанія, еще болѣе прославить себя въ Исторіи такимъ героическимъ дѣломъ. — Однимъ словомъ, съ осторожностію, съ благоразуміемъ, любовь дѣлаетъ насъ только щастливыми. — То же можно сказать о другихъ природныхъ страстяхъ: онѣ нужны и пріятны въ чистотѣ своей, подъ руководствомъ ума. На примѣръ —

МЕЛОДОРЪ.

Имѣй сердце похвалить корыстолюбіе!

ФИЛАЛЕТЪ.

Да, и корыстолюбіе хорошо въ

своемъ источникѣ, когда оно есть ничто иное, какъ предвидѣніе муравьевъ, готовящихъ запасъ на зимнее время. Природа хотѣла, чтобы мы не терпѣли недостатка въ нужномъ и для того собирали: вотъ что естественно въ корыстолюбіи и согласно съ умомъ!

МЕЛОДОРЪ.

Но естьли оно заставитъ меня присвоивать себѣ чужое, мучить людей для умноженія моихъ сокровищъ?...

ФИЛАЛЕТЪ.

Тогда Природа и разсудокъ отступятся отъ Мелодора. Первая говоритъ: *собирай*; а второй договариваетъ: „хорошими средствами, „для собственной твоей пользы. „Какъ поступаешь въ отношеніи „къ другимъ, такъ другіе имѣютъ „право поступить въ отношеніи „къ тебѣ. Возьмешь чужое, возь„мутъ твое — и вмѣсто того,

„чтобы обезопасить жизнь свою,
„будешь всегда въ опасности.“

МЕЛОДОРЪ.

Я угадываю, что ты скажешь о честолюбіи.

ФИЛАЛЕТЪ.

То, что оно есть самая благороднѣйшая нравственная страсть, собственно человѣку данная; другія животныя, по грубому образованію души ихъ, не знаютъ ея прекрасныхъ движеній. Не говори мнѣ о Герострапахъ, Александрахъ, Аттилахъ: они служатъ только примѣромъ развращеннаго честолюбія; но истинное, природное, есть ничто иное, какъ желаніе нравиться подобнымъ себѣ нравственнымъ существамъ, заслужить ихъ доброе мнѣніе, почтеніе, любовь. Эта страсть болѣе всего привязываетъ насъ къ общежитію, единственной сценѣ ея; она источникъ многихъ добрыхъ дѣлъ — и Натура, вселивъ ее въ наше сердце, утвер-

ждаетъ связи гражданской жизни, возвышаетъ человѣчество, заставляетъ насъ быть благодѣтельными, —-такъ какъ нѣтъ инова надежнѣйшаго средства заслужить добрую славу.

МЕЛОДОРЪ.

Вотъ хорошая сторона страстей! Соглашаюсь. Но для чего же, любезной другъ, для чего Природа оставила намъ возможность развращать ихъ движенія? Для чего позволяетъ человѣку засорять ихъ свѣтлой источникъ, и вмѣсто добра, вмѣсто пріятностей, изливать на міръ столько зла и горя?

ФИЛАЛЕТЪ.

Спроси, для чего она дала намъ свободу; для чего произвела насъ не машинами? Но спроси же у своего сердца, какъ оно бываетъ довольно въ ту минуту, когда приноситъ жертву разсудку на счетъ своихъ слабостей! Кто имѣетъ столько твердости и силы, чтобы

повиноваться закону мудрости, закону ума, тотъ благодаритъ Природу за данную намъ волю слѣдовать ему или не слѣдовать. Натура употребила съ своей стороны всѣ средства удержать наши страсти въ естественномъ или (что все одно) въ благомъ ихъ теченіи, соединивъ съ истиннымъ путемъ живое удовольствіе, а съ заблужденіемъ горе и страданіе. Кто забываетъ цѣль врожденныхъ склонностей, которая въ житейскомъ мореплаваніи должна всегда, какъ Фаросъ, сіять передъ нами; кто выходитъ изъ черты, обводимой разсудкомъ вокругъ природнаго дѣйствія страстей; кто искусственно растравляетъ въ себѣ ихъ чувство, безумно предается ихъ бурному стремленію, и хочетъ, такъ сказать, цѣлой міръ потопить въ своихъ живыхъ удовольствіяхъ: тотъ, гоняясь за призракомъ блаженства, бываетъ гонимъ

существенною тоскою, пьетъ соленую воду для утоленія жажды, и за минутные восторги платитъ долговременною мукою—восторги, которые дѣлаются рѣже и рѣже, болѣе и болѣе изнуряютъ душу, и усиливая въ ней *алчность къ наслажденіямъ*, ослабляютъ ея *способность наслаждаться*. Нещастной Танталъ есть образъ человѣка, которой служитъ такъ называемымъ *сильнымъ страстямъ*, искуственнымъ фантомамъ нашего воображенія; которой, на примѣръ, какъ Сафо хочетъ любить съ изступленіемъ, не для природной цѣли любви, не для того, чтобы найти вѣрную, кроткую сопутницу въ жизни, но для безпрестанныхъ восторговъ; которой, притупивъ чувства свои однимъ предметомъ, спѣшитъ оживить ихъ другимъ; или которой, имѣя ненасытное честолюбіе Александра, летитъ за лаврами на край свѣта, черезъ

кровавыя рѣки, черезъ трупы людей, вмѣсто того, чтобы заслужить истинную, надежную славу благодѣяніями, добродѣтельною жизнію, тамъ, гдѣ Судьба произвела его на свѣтъ; или которой собираетъ не для того, чтобы жить, но живетъ для того, чтобы собирать; отказывается отъ настоящихъ удовольствій для будущихъ, отъ вѣрныхъ для невѣрныхъ, и долженствуя пріобрѣтеніемъ обезпечить жизнь свою, наполняетъ ее заботами для пріобрѣтеній. — Нѣтъ, нѣтъ! Природа не виновата, естьли мы нещастливы, и врожденныя склонности, источникъ вѣрныхъ благъ, превращаемъ въ источникъ золъ, вопреки ея доброму намѣренію. „Человѣкъ „долженъ быть творцомъ своего „благополучія, приводя страсти „въ щастливое равновѣсіе, и обра„зуя вкусъ для истинныхъ насла„жденій.“

МЕЛОДОРЪ.

Но естьли я не нахожу для себя *хорошей пищи*, то съ самымъ *прекраснымъ вкусомъ* могу ли наслаждаться? Признайся, что кресть-янинъ, живущій въ своей темной, смрадной избѣ, или Камчадалъ, которой вокругъ себя не видитъ ничего, кромѣ снѣжныхъ равнинъ и холмовъ, и въ низкой хижинѣ своей задыхается отъ дыму, не можетъ найти много удовольствій въ жизни.

ФИЛАЛЕТЪ.

Однакожь находитъ ихъ. Крестьянинъ любитъ свою жену, своихъ дѣтей; радуется, когда идетъ дождь во-время, радуется благополучному ведру, полнотѣ житницъ своихъ и щедрой наградѣ за труды его. У Камчадала также есть сердце, которому извѣстны пріятныя движенія чувствительности; онъ любитъ своихъ домашнихъ, любитъ звѣриную ловлю, и съ удовольстві-

ёмъ катится домой на обледенѣлыхъ лыжахъ своихъ, воображая тепло, отдыхъ, поцѣлуй жены и . . . рыбій жиръ на столѣ. — Истинныя удовольствія равняютъ людей. Великій Моголъ и послѣдній рабъ его утоляютъ голодъ и жажду съ одинакою пріятностію. Богачь изъ огромныхъ палатъ своихъ, гдѣ великолѣпіе и скука утомили душу его, сходитъ по мраморной лѣсницѣ отдохнуть на зеленомъ лугу, на чистомъ воздухѣ, и взглянуть на алую вечернюю зарю; онъ садится на травѣ . . . подлѣ бѣднаго земледѣльца, которой также покоится, также легко дышетъ, и тѣми же предметами наслаждается: они оба теперь равны. — Арисъ, молодой вельможа, говоритъ: „первая блаженная минута въ жизни моей!" Что привело его въ такое восхищеніе? Онъ стоитъ на колѣняхъ передъ обожаемою имъ женщиною, и въ пер-

вой разъ услышалъ отъ нее магическое слово: *люблю!* Въ самую ту же минуту какой нибудь сельской красавецъ щастливъ нѣжнымъ признаніемъ какой нибудь сельской красавицы, признаніемъ въ ея взаимной къ нему склонности. Чувства знатнаго любовника и молодаго крестьянина теперь одинаковы. — Ты знаешь Клеона, которой истощаетъ всѣ хитрости роскоши для того, чтобы менѣе скучать въ жизни; которой спитъ на розахъ и просыпается отъ звуковъ Гайденовой музыки: часто, завернувшись въ плащъ, украдкою выходитъ онъ изъ великолѣпнаго своего дому и бѣгаетъ по улицамъ въ то время, когда шумитъ осенняя буря, когда дождь льется изъ облаковъ рѣками -- для чего? чтобы уставъ и промокнувъ насквозь, возвратиться домой, сѣсть передъ каминомъ и сказать: „какъ пріятенъ огонь въ ненастное время!" Въ самой тотъ же

часъ бѣдной дровосѣкъ сушится передъ огнемъ въ хижинѣ своей, и чувствуетъ его пріятность не менѣе Клеона. — Вся розница состоитъ въ нѣкоторыхъ оттѣнкахъ; но Провидѣніе и Натура въ общемъ раздѣлѣ истинныхъ удовольствій никого не одѣляютъ. Знать ихъ цѣну, есть искусство и вѣнецъ науки жить! Не все то легко, что кажется просто; и часто всего менѣе умѣемъ мы употреблять тѣ вещи, которыя у насъ изъ рукъ не выходятъ. Такъ любопытной, безпокойной человѣкъ оставляетъ тихой, родительской кровъ, свое отечество — странствуетъ по чужимъ землямъ, переплываетъ бурные Океаны, чтобы наконецъ очутиться опять на милой своей родинѣ, и сказать: „щастливъ, щастливъ тотъ, кто умираетъ, гдѣ родится,

Sans changer de toit, ni d'amour!"

Натура и сердце — вотъ гдѣ надобно искать истинныхъ пріятностей, истиннаго возможнаго благополучія, которое должно быть общимъ добромъ человѣчества, не собственностію нѣкоторыхъ избранныхъ людей: иначе мы имѣли бы право обвинять Небо пристрастіемъ. Не всѣмъ можно завоевать Индію, не всѣмъ можно властвовать надъ людьми; не всякой можетъ блистать въ свѣтѣ и кружить головы моднымъ красавицамъ; не для всякаго работаютъ въ золотыхъ минахъ и плывутъ корабли изъ Бразиліи: слѣдственно не въ лаврахъ Александра, не въ миртахъ Альцибіада, не въ сокровищахъ Крезовыхъ заключило Небо возможное щастіе для смертныхъ. Но для всякаго сіяетъ солнце, для всякаго Природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ своихъ ежегодныхъ и ежедневныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ мате-

ринскою нѣжностію питаетъ она птенцовъ и человѣка; всякой можетъ имѣть свѣтлую хижину, доброе имя, покойную совѣсть; всякой можетъ любить — любить своихъ родныхъ, семейство, друзей: вотъ истинное благополучіе, которое соединяетъ всѣхъ людей; которое Царю и земледѣльцу даетъ чувствовать, что они братья, дѣти одного Отца, рожденные съ одинакими сердцами, съ одинакими способностями для наслажденія!

МЕЛОДОРЪ.

Философія твоя довольно утѣшительна; только ей не многіе повѣрятъ.

ФИЛАЛЕТЪ.

Думаю; но истина останется въ своей цѣнѣ — истина, что всѣ особенныя, случайныя, искусственныя удовольствія не стоятъ общихъ, природныхъ; и что можно быть щастливымъ и нещастливымъ во всѣхъ состояніяхъ, тѣмъ

и другимъ отъ себя, отъ умѣнья или неумѣнья пользоваться жизнію, отъ хорошаго или дурнаго расположенія сердца. Натура позволяетъ Искусству, какъ своему Министру, раздавать нѣкоторыя легкія пріятности людямъ; но существенныя, и самыя живѣйшія, раздаетъ она сама — Царица.

МЕЛОДОРЪ.

Положимъ, что во всякомъ состояніи человѣкъ можетъ найти розы удовольствія; но гдѣ же такое, въ которомъ бы онъ могъ укрыться отъ терній горестей, отъ бѣдствій, неразлучныхъ съ жизнію?

ФИЛАЛЕТЪ.

Существенныхъ бѣдствій въ самомъ дѣлѣ очень немного: тѣлесное страданіе, потеря физической вольности, и болѣе ничего вообразить не умѣю. Трезвость, умѣренность можетъ насъ предохранить отъ болѣзней; а честная, нравствен-

ная, благоразумная жизнь отъ темницы. Ты скажешь, что самые трезвые люди бываютъ подвержены болѣзнямъ, самые добродѣтельные заключаются иногда въ цѣпи: согласись, что это чрезвычайность — въ такомъ случаѣ остается намъ терпѣть, надѣяться и взирать на небо, гдѣ живетъ нашъ общій, нѣжный Отецъ: Онъ видитъ страданіе дѣтей Своихъ, и не позволитъ ему превзойти мѣру терпѣнія. Къ тому же . . . ты удивишься; но я скажу по чувству души моей . . . скажу, что въ самомъ нещастьи можно найти нѣкоторое услажденіе. Силою души своей превозмогать болѣзнь тѣлесную; покойною ясностію сердца освѣщать мракъ темницы, есть нѣчто святое, божественное, кротко восхитительное. . . Минихъ, во глубинѣ Сибири, въ хижинѣ, занесенной снѣгомъ, благодарилъ Небо за твердость души своей, и про-

ливалъ слезы умиленія, которыхъ сладость была ему неизвѣстна среди придворнаго блеска и пышности. — О какихъ другихъ нещастіяхъ будешь говорить мнѣ? О бѣдности? Но у меня есть руки и сердце: я найду себѣ пропитаніе, найду удовольствія, неизвѣстныя многимъ богачамъ въ ихъ изобиліи. Сколько людей съ потерею имѣнія выучились наслаждаться жизнію, собою, своими душевными и тѣлесными силами, гораздо болѣе, нежели прежде? Я недавно читалъ въ Нѣмецкомъ Журналѣ объ одномъ Французскомъ Эмигрантѣ, которой былъ нѣкогда знатенъ и богатъ въ своемъ отечествѣ, а теперь . . . шьетъ башмаки въ Веймарѣ. Жалѣть ли объ немъ? Нѣтъ, онъ совершенно доволенъ своимъ состояніемъ, работаетъ прилѣжно, весело, поетъ *водевили* и философствуетъ какъ Сократъ о пріятностяхъ трудолюбія. — Мы, мы са-

ми составляемъ тысячу отравъ для жизни своей; смотримъ въ микроскопъ на всякую непріятность, и кричимъ, что свѣтъ наполненъ бѣдствіями. Я видѣлъ N. погруженнаго въ самую глубокую печаль отъ того, что одинъ вельможа взглянулъ на него косо — М. двѣ ночи не спалъ, два дни не говорилъ веселаго слова, отъ того, что одна гордая свѣтская женщина назвала его скучнымъ — Стихотворецъ Ф. едва не бросился въ воду, отъ того, что одинъ строгой Журналистъ нашелъ въ его стихахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго. Такіе люди имѣютъ ли право винить Натуру и судьбу человѣческую? Ихъ мученіе не есть ли плодъ ихъ безразсудности? Можно ли назвать его бѣдствіемъ, неразлучнымъ съ жизнію?

МЕЛОДОРЪ.

Но лишиться того, что дѣлало меня истинно-щастливымъ, не

есть ли бѣдствіе? На примѣръ, ты самъ говоришь, что для благополучія жизни надобно любить: когда же любовь моя осиротѣетъ...

ФИЛАЛЕТЪ.

Горесть иногда необходима; но она есть для души то же, что болѣзнь для тѣла: душа всячески стремится выйти изъ такого чрезвычайнаго положенія, и наконецъ выходитъ. Не только безконечная, но и продолжительная горесть не естественна, вопреки всѣмъ піитическимъ элегіямъ. Природа милостивѣе Стихотворцевъ: у нихъ всегда на языкѣ вѣчность; но въ ея лексиконѣ нѣтъ этова слова. Видя оскорбленную нѣжность, она тотчасъ посылаетъ къ ней лекаря (время), которой извлекаетъ изъ сердца ядъ болѣзни — сперва быстрыми ручьями слезъ, а послѣ тихими вздохами. — Горесть, глубокая, истинная горесть есть чрезвычайной феноменъ: рѣд-

ко дѣлаетъ она людей нещастными. Но обыкновенной бичь сердца есть *дурной нравъ* и скука.

МЕЛОДОРЪ.

Что разумѣешь ты подъ дурнымъ нравомъ?

ФИЛАЛЕТЪ.

Какое-то мрачное расположеніе души, которое мѣшаетъ намъ пользоваться жизнію, и которое происходитъ отъ безпокойнаго желанія имѣть, чего не имѣемъ—отъ презрѣнія къ тому, что у насъ есть. Истинной Философъ или (что все одно) истинно-благоразумной человѣкъ смотритъ на міръ съ того мѣста, на которое онъ поставленъ судьбою, ищетъ удовольствій на своемъ горизонтѣ, вокругъ себя; пользуется тѣмъ, что у него подъ рукою; знаетъ, что всякое состояніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности, и для того покойно остается въ своемъ, не завидуя ни-

кому; знаетъ, что Тиберій въ Капреѣ, обладая сокровищами цѣлаго свѣта, былъ нещастливѣе Камчадала (*); знаетъ, что будущее не вѣрно, и для того располагаетъ только настоящимъ. Пусть всякой имѣетъ такія чувства, и дурной нравъ перестанетъ темнить предметы вокругъ насъ!

МЕЛОДОРЪ.

А какое лекарство предпишешь отъ скуки?

ФИЛАЛЕТЪ.

Она всего болѣе мучитъ тѣхъ людей, которые по связямъ гражданскаго общества выходятъ изъ-подъ закона естественнаго. Нату-

(*) Тацитъ сохранилъ слѣдующее письмо его къ Римскимъ Сенаторамъ: „О чемъ писать къ вамъ, отцы „именитые? и какъ? самъ не знаю; „и лучше хотѣлъ бы страдать, не-„жели чувствовать такое разслаб-„леніе, такое . . . но я ничего не „чувствую.“

ра даетъ намъ силы для того, чтобы ими дѣйствовать; готовитъ, такъ сказать, для жизни человѣческой только первые матеріялы, чтобы мы сами ихъ обработывали. *Трудись, живи и наслаждайся*, есть ея предписаніе. Земледѣлецъ, ремесленникъ повинуется ему, работаетъ и не знаетъ скуки; *трудъ, отдыхъ, забава*, какъ три главныя эпохи жизни его, непосредственно соединяются между собою, и не оставляютъ въ ней никакой пустоты. Но люди, рожденные въ изобиліи, въ излишествѣ всего нужнаго для физическаго бытія, люди праздные живутъ противъ своего назначенія, противъ естественной цѣли, и за усыпленіе силъ своихъ, данныхъ имъ для дѣйствія, наказываются скукою, всегдашнимъ безпокойнымъ чувствомъ, которое тревожитъ, томитъ, изнуряетъ ихъ, и которое можно назвать душевною чахот-

кою. Чтобы избавиться отъ такой мучительной болѣзни, они должны возвратиться къ Природѣ, и произвольно отдаться подъ ея законъ, которой велитъ *жить* и *работать*; надобно, чтобы *трудъ*, *отдыхъ*, *забава*, были также тремя главными эпохами жизни ихъ. Всякой занимайся чѣмъ нибудь; избери для себя должность въ общежитіи, съ которою сопряжена дѣятельность; или трудися по волѣ, сообразно съ своимъ вкусомъ, склонностями, дарованіями, но имѣя въ виду какую нибудь пользу, такъ какъ Натура не дѣлаетъ ничего безъ цѣли. Работа есть соль удовольствій, и безъ будней нѣтъ праздника. Употребивъ на трудъ пять, шесть часовъ въ день, мы живо чувствуемъ пріятность бездѣйствія, отдыха, дружеской бесѣды, веселаго разговора, забавы, чтенія, музыки, прогулки. Кто всякой день пользуется своими фи-

зическими и душевными силами; всякой день дышетъ чистымъ воздухомъ подъ небеснымъ кровомъ, любитъ красоты Натуры, Изящныя Искусства, книги: тотъ конечно никогда не будетъ боленъ скукою. *Дѣятельность, отдыхъ, забава:* вотъ мой девизъ!

МЕЛОДОРЪ.

Ты говоришь, что во всякомъ состоянiи можно быть щастливымъ — положимъ — но въ какомъ легче? Какое избралъ бы ты для себя по собственной волѣ, естьли бы Судьба изъ урны своей высыпала передъ тобою всѣ жребiи?

ФИЛАЛЕТЪ.

Самое ближайшее къ Природѣ: состоянiе независимаго земледѣльца, которой умѣреннымъ трудомъ могъ бы доставлять себѣ не только нужное для пропитанiя, но и нѣкоторыя удобности въ жизни; могъ бы имѣть свѣтлую хижинку, маленькой садикъ, умъ для вниманiя

къ премудрымъ дѣйствіямъ Натуры и чувствительное сердце для любви къ милой подругѣ. Но какъ, по теперешнему учрежденію гражданскихъ обществъ, едва ли не напрасно будемъ искать такихъ земледѣльцевъ: то самое лучшее есть для меня среднее состояніе, между изобиліемъ и недостаткомъ, между знатностію и униженіемъ — твое, мое. Смотря на великолѣпныя палаты, думаю: „здѣсь чувство слишкомъ изнѣжено для сильнаго наслажденія!“ Глядя на крестьянскую хижину, говорю себѣ: „здѣсь чувство слишкомъ грубо для нѣжныхъ наслажденій!“ Но красивой, чистенькой домикъ всегда представляетъ моему воображенію картину возможнаго щастія, особливо, когда вижу на окнѣ цвѣты, а подъ окномъ . . . миловидную женщину, за рукодѣльемъ, за книгою, за арфою. Тамъ, кажется мнѣ, живетъ любовь и дружба,

спокойствіе и душевная веселость; тамъ умѣютъ наслаждаться Природою, Искусствомъ и всѣми истинными земными благами.

МЕЛОДОРЪ.

Еще одно возраженіе: можетъ ли доброе сердце спокойно наслаждаться чѣмъ нибудь, тогда, какъ вокругъ его свирѣпствуютъ развращенныя страсти, порокъ и злоба? Ты оправдываешь Натуру, доказывая, что всѣ склонности, съ которыми она производитъ насъ, въ основаніи своемъ хороши и щастливы; но къ чему же люди обращаютъ ихъ?... Могу ли я, на примѣръ, восхищаться великолѣпною картиною утра и восходящаго солнца, думая, что оно пробуждаетъ милліоны извергов̂ъ, которые въ теченіе дня будутъ только выискивать новыя средства мучить, терзать слабыхъ, неосторожныхъ, чувствительныхъ?... Я хотѣлъ бы любить подобныхъ мнѣ;

стремлюся къ нимъ душею... но встрѣчаю злодѣевъ, и долженъ ихъ ненавидѣть! Одна эта мысль не есть ли горькая отрава для всѣхъ удовольствій добраго сердца?

ФИЛАЛЕТЪ.

Любезной другъ! чернить нравственной міръ, изливать на людей желчь ненависти, многіе почитаютъ Философіею; но сохрани насъ Богъ отъ язвы, голода и такой Философіи! Люди дѣлаютъ много зла — безъ сомнѣнія — но злодѣевъ мало; заблужденіе сердца, безразсудность, недостатокъ въ просвѣщеніи, виною дурныхъ дѣлъ. Предложи человѣку быть щасливымъ и добрымъ, или быть щасливымъ и злымъ: кто не изберетъ перваго? Слѣдственно добро само по себѣ любезно всѣмъ сердцамъ. Люди дѣлаютъ зло, надѣясь имѣть черезъ то нѣкоторыя выгоды въ жизни; но премудрой Творецъ соединилъ съ нимъ внутреннее неудовольствіе, стыдъ,

страхъ, которыя вмѣшиваютъ ядовитую горечь во всѣ удовольствія. Порочной боится, чтобы его не узнали; долженъ безпрестанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредѣ другихъ, онъ сдѣлался ихъ непріятелемъ: и такъ, окруженный врагами, можетъ ли быть спокоенъ? Не будучи спокойнымъ, можетъ ли быть щастливымъ? — Слѣдственно мы дѣлаемъ зло только *ошибкою*, надѣясь найти въ немъ то, что съ нимъ не совмѣстно; слѣдственно дурной человѣкъ есть нещастный, наказываемый судьбою и сердцемъ своимъ — будемъ жалѣть объ немъ безъ ненависти! Совершенной злодѣй, или человѣкъ, который любитъ зло для того, что оно зло, и ненавидитъ добро для того, что оно добро, есть едва ли не дурная пінтическая выдумка, по крайней мѣрѣ чудовище внѣ Природы, существо неизъяснимое по естественнымъ законамъ.

Вотъ мое заключеніе, вся моя система въ короткихъ словахъ: „Возможное земное щастіе состо-„итъ въ дѣйствіи врожденныхъ „склонностей, покорныхъ разсудку „— въ нѣжномъ вкусѣ, обращен-„номъ на Природу — въ хорошемъ „употребленіи физическихъ и ду-„шевныхъ силъ. Безпрестанное на-„слажденіе также невозможно, „какъ безпрестанное движеніе; „машину надобно заводить для хо-„да, а работа заводитъ душу для „чувства новыхъ удовольствій. „Быть щастливымъ, есть быть „вѣрнымъ исполнителемъ есте-„ственныхъ мудрыхъ законовъ; а „какъ они основаны на общемъ добрѣ „и противны злу, то *быть щастли-„вымъ есть . . . быть добрымъ.*“

МОЯ ИСПОВѢДЬ.

Письмо къ Издателю Журнала.

Признаюсь вамъ, государь мой, что я не читаю вашего Журнала, а желаю, чтобы вы помѣстили въ немъ мое письмо. Для чего? самъ не знаю. Болѣе сорока лѣтъ живу на свѣтѣ, и никогда еще не давалъ себѣ отчета ни въ желаніяхъ, ни въ дѣлахъ своихъ. Великое слово *такъ* было всегда моимъ *девизомъ*.

Я намѣренъ говорить о себѣ: вздумалъ и пишу—свою исповѣдь, не думая, пріятна ли будетъ она для Читателей. Нынѣшній вѣкъ можно назвать вѣкомъ *откровенности* въ физическомъ и моральномъ смыслѣ: взгляните на милыхъ нашихъ

красавицъ!.. Нѣкогда люди прятались въ темныхъ домахъ и подъ щитомъ высокихъ заборовъ. Теперь вездѣ свѣтлые домы и большія окна на улицу: просимъ смотрѣть! Мы хотимъ жить, дѣйствовать и мыслить въ прозрачномъ стеклѣ. Нынѣ люди путешествуютъ не для того, чтобы узнать и вѣрно описать другія земли, но чтобы имѣть случай поговорить о себѣ; нынѣ всякой сочинитель Романа спѣшитъ какъ можно скорѣе сообщить свой образъ мыслей о важныхъ и неважныхъ предметахъ. Сверхъ того сколько выходитъ книгъ подъ титуломъ: *мои опыты, тайный журналъ моего сердца!* Что за перо, то и за искреннее признаніе. Какъ скоро нѣтъ въ человѣкѣ старомоднаго варварскаго стыда, то всего легче быть *Авторомъ исповѣди*. Тутъ не надобно ломать головы; надобно только вспомнить проказы свои, и книга готова.

Однакожь не думайте, чтобы я хотѣлъ оправдываться примѣрами: нѣтъ, такая мысль оскорбительна для моего самолюбія. Слѣдую только собственному движенію, и замѣчаю мимоходомъ, что оно нѣкоторымъ образомъ согласно съ общимъ; но сохрани меня Богъ казаться рабскимъ подражателемъ! Для того, въ противность всѣмъ *исповѣдникамъ*, напередъ сказываю, что *признанія мои* не имѣютъ никакой моральной цѣли. Пишу — *такъ!* Еще и другимъ отличусь отъ моихъ собратій-Авторовъ; а именно, краткостію. Они умѣютъ расплодить самое ничто: я самые важные случаи жизни своей опишу на листочкѣ.

Начну увѣреніемъ, что Натура произвела меня совершенно особеннымъ человѣкомъ, и что Судьба всѣ случаи жизни моей запечатлѣла какою-то отмѣнною печатію. На примѣръ, я родился сыномъ бога-

шаго, знатнаго господина, и вырос шалуномъ! дѣлалъ всякія проказы, и не былъ сѣченъ! выучился по Французски, и не зналъ народнаго языка своего! игралъ десяти лѣтъ на театрѣ, и въ пятнадцать лѣтъ не имѣлъ идеи о должностяхъ человѣка и гражданина!

На шестнадцатомъ году дали мнѣ изрядной чинъ и отправили меня въ чужіе краи, не сказавъ, для чего. Правда, что со мною поѣхалъ Гофмейстеръ, Женевецъ (прошу замѣтить, а не Французъ, потому что въ это время Французскіе гувернеры въ знатныхъ домахъ нашихъ выходили уже изъ моды), которому даны были всѣ нужныя наставленія. Господинъ Мендель зналъ, къ чему по большей части готовится знатной молодой человѣкъ, а всего болѣе зналъ свои выгоды — и поступалъ со мною въ слѣдствіе своего благоразумнаго плана. Надобно отдать ему

справедливость: онъ любилъ искренность, и немедленно со мною объяснился. „Любезной Графъ!" сказалъ мнѣ Гофмейстеръ: „Природа и Судьба уговорились сдѣлать тебя образцомъ любезности и щастія; ты прекрасенъ, уменъ, богатъ и знатенъ: довольно для блестящей роли въ свѣтѣ! все прочее не стоитъ труда. Мы ѣдемъ въ Лейпцигской Университетъ; родители твои, слѣдуя обыкновенію, желаютъ, чтобы ты украсилъ разумъ свой знаніями, и поручили тебя моему смотрѣнію: будь спокоенъ! я родился въ Республикѣ и ненавижу тиранство! Надѣюсь только, что моя снисходительность заслужитъ со временемъ твою признательность." Я обнялъ его, и обѣщалъ ему такую пенсію, какая не всегда дается и Министру за долголѣтнюю службу.

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, мы спѣшили познакомиться со всѣми слав-

ными Профессорами—и Нимфами. Гофмейстеръ мой имѣлъ великое уваженіе къ первымъ и маленькую слабость къ послѣднимъ. Я взялъ его себѣ за образецъ — и мы однимъ давали обѣды, другимъ ужины. Часы лекцій казались мнѣ минутою, отъ того, что я любилъ дремать подъ каѳедрою Докторовъ, и не могъ ихъ наслушаться, отъ того, что никогда не слушалъ. Между тѣмъ Господинъ Мендель всякую недѣлю увѣдомлялъ моихъ родителей о великихъ успѣхахъ дражайшаго сына ихъ, и цѣлыя страницы наполнялъ именами наукъ, которымъ меня учили.

Наконецъ, проживъ три года въ Лейпцигѣ, мы отправились путешествовать, нанявъ Секретаря для описанія любопытныхъ предметовъ, ибо Г. Мендель былъ лѣнивъ. Родители мои изъ каждаго города получали отъ насъ толстые пакеты, не могли нарадоваться умными за-

мѣчаніями своего сына, и съ гордостію читали ихъ нашимъ родственникамъ. Я не виноватъ былъ ни въ одной строкѣ, уполномочивъ Секретаря своего философствовать вмѣсто меня (къ щастью, рука его совершенно на мою походила); но къ нѣкоторымъ его описаніямъ прибавлялъ отъ себя выразительныя каррикатуры: произведеніе единственнаго таланта, даннаго мнѣ Натурою!

Однакожь я надѣлалъ много шуму въ своемъ путешествіи—тѣмъ, что прыгая въ контрдансахъ съ важными дамами Нѣмецкихъ Княжескихъ Дворовъ, нарочно ронялъ ихъ на землю самымъ неблагопристойнымъ образомъ; а всего болѣе тѣмъ, что съ добрыми Католиками цѣлуя туфель Папы, укусилъ ему ногу, и заставилъ бѣднаго старика закричать изо всей силы. Эта шутка не прошла мнѣ даромъ, и я высидѣлъ нѣсколько дней въ крѣпости

Святаго Ангела. Обыкновенная же забава моя дорогою была — стрѣлять бумажными шариками, изъ духоваго пистолета, въ спину постильйонамъ!

Въ Парижѣ я вошелъ въ связь со многими изъ первокласныхъ вѣтрениковъ, и нашелъ способъ удивить ихъ какъ смѣлою своею философiею, такъ и всѣми тонкостями *языка новѣсо*, всѣми его техническими выраженiями, заимствованными мною по большей части отъ Господина Менделя, который служилъ нѣкогда домашнимъ Секретаремъ Герцогу Ришелье. Будучи введенъ въ нѣкоторые хорошiе домы, я имѣлъ случай узнать и славнѣйшихъ Французскихъ остроумцевъ; слышалъ однажды чтенiе Лагарповой Меланiи, хвалилъ безъ памяти талантъ Автора, и послѣ свѣдалъ, что онъ въ письмѣ своемъ къ одному знатному человѣку въ П* (безъ сомнѣнiя изъ

благодарности) описывалъ меня рѣдкимъ молодымъ человѣкомъ, рожденнымъ для чести и славы отечества. Я имѣлъ щастіе быть представленъ Герцогу Орлеанскому, ужинать съ его избранными друзьями и раздѣлять забавы ихъ, достойныя кисти новаго Петронія.

Надобно было видѣть Англію: подобно Алькибіаду, я сталъ другимъ человѣкомъ въ другой землѣ, и пилъ такъ усердно съ Британцами, что черезъ мѣсяцъ слегъ въ постелю. Пользуясь временемъ моего выздоровленія, я сдѣлалъ карикатуры на всю Королевскую фамилію — и Лондонскіе Журналы говорили объ нихъ съ великою похвалою.

Возвращеніе силъ моихъ было горестно для Господина Менделя: мнѣ вздумалось столкнуть его съ лѣсницы, за то, что ему вздумалось приласкаться къ моей Дженни. Нѣжная Англичанка упала въ обмо-

рокъ, между тѣмъ, какъ мой Гофмейстеръ считалъ головою ступени. Однакожь увѣряю Читателя, что сердце мое совсѣмъ не способно къ ревности: это минутное движеніе было конечно слѣдствіемъ моей болѣзни. Господинъ Мендель разстался со мною. Мы оба увѣдомили моихъ родителей о нашемъ разрывѣ: онъ называлъ меня шалуномъ, а я описывалъ его недостойнымъ имени Гофмейстера. И то и другое могло быть справедливо; но матушка одному мнѣ повѣрила, а батюшка согласился съ нею.

Наконецъ я возвратился въ отечество, гдѣ лавры и мирты ожидали меня. Въ головѣ моей не было никакой ясной идеи, а въ сердцѣ никакого сильнаго чувства, кромѣ скуки. Весь свѣтъ казался мнѣ безпорядочною игрою Китайскихъ тѣней, всѣ правила уздою слабыхъ умовъ, всѣ должности несноснымъ

принужденіемъ. Ласки родителей не сдѣлали въ холодной душѣ моей никакого впечатлѣнія; но зная выгоды человѣка, образованнаго въ чужихъ земляхъ, я спѣшилъ поразить умы соотечественниковъ разными странностями, и съ удовольствіемъ видѣлъ себя истиннымъ законодателемъ столицы. Мореплаватель во время бури не смотритъ съ такимъ вниманіемъ на магнитную стрѣлку, съ какимъ молодые люди на меня смотрѣли, чтобы во всемъ сообразаться со мною. Я вездѣ какъ въ зеркалѣ видѣлъ себя съ ногъ до головы: всѣ мои движенія были срисованы и повторены съ величайшею вѣрностію. Это забавляло меня до крайности. Но главнымъ моимъ предметомъ были женщины, которыхъ лестное вниманіе открывало мнѣ обширное поле дѣятельности. Здѣсь не могу удержаться отъ нѣкоторыхъ философическихъ разсужденій. *Влюблен-*

ностъ — извините новое слово: оно выражаетъ вещь — влюбленность, говорю, есть самое благодѣтельное изобрѣтеніе для свѣта, который безъ нее походилъ бы на монастырь Латранскій. Но съ нею молодые люди наипрекраснѣйшимъ образомъ занимаютъ пустоту жизни. Открывая глаза, знаешь, о чемъ думать; являясь въ обществахъ, знаешь, кого искать глазами; все имѣетъ цѣль свою. Правда, что мужья иногда досадуютъ; что жены иногда дурачатся отъ ревности; но мы заняты — а это главное! Съ одной стороны искусство нравиться, съ другой искусство притворяться и самого себя обманывать, не даютъ засыпать сердцу. Часто выходитъ безпорядокъ въ семействахъ; но онъ имѣетъ свою пріятность. Сцены обморока, отчаянія, для знатоковъ живописны. Sauve qui peut! всякой о себѣ думай — и довольно!

Будучи моднымъ прелестникомъ, я имѣлъ щастіе поссорить многихъ короткихъ пріятельницъ между собою, и развести не одну жену съ мужемъ. Всякая соблазнительная исторія болѣе и болѣе прославляла меня. О характерѣ моемъ говорили ужасы: это самое возбуждало любопытство, которое дѣйствуетъ весьма живо и сильно въ женскомъ сердцѣ. Система моя въ любви была самая надежная: я тиранилъ женщинъ, то холодностію, то ревностію; являлся не прежде десяти часовъ вечера на *любовное дежурство*, садился на *оттоманкѣ*, зѣвалъ, пилъ Гофмановы капли, или начиналъ хвалить другую женщину; тайная досада, упреки, слезы веселили меня, недѣль шесть, иногда гораздо долѣе; наконецъ слѣдовалъ разрывъ связи — и новый миртовый вѣнокъ падалъ мнѣ на голову. Справедливость требуетъ отъ меня признанія, что не всѣ

красавицы были моими Дидонами: нѣтъ, одна изъ нихъ, вышедши изъ терпѣнія, осмѣлилась указать мнѣ двери. Я былъ въ отчаяніи, и на другой день представилъ ее въ живой каррикатурѣ: заставилъ всѣхъ смѣяться, и самъ утѣшился.

Вдругъ пришло мнѣ на мысль жениться, не столько въ угожденіе матери (отца моего уже не было на свѣтѣ), сколько для того, чтобы завести у себя въ домѣ благородной спектакль, который могъ служить для меня пріятнымъ разсѣяніемъ среди трудныхъ обязанностей моднаго человѣка. Я выбралъ прекрасную небогатую дѣвушку (хорошо воспитанную въ одномъ знатномъ домѣ), надѣясь, что она изъ благодарности оставитъ меня въ покоѣ, и въ сихъ мысляхъ обѣщался на другой день ужинать, по обыкновенію, съ глазу на глазъ съ рѣзвою Алиною, которая тогда занимала меня своею любез-

ностію. Вышло напротивъ: Эмилія изъ благодарности считала за долгъ быть нѣжною, страстною женою; а нѣжность и страсть всегда ревнивы. Философія моя заставляла ее плакать, рваться: я вооружился терпѣніемъ, смотрѣлъ, слушалъ равнодушно; игралъ ея шалью — и зѣвалъ, воображая, что бури не продолжительны, особливо женскія. Въ самомъ дѣлѣ Эмилія мало по малу приходила въ разсудокъ, утихала, и становилась гораздо милѣе; томные взоры ея развеселялись, и легкіе упреки произносились уже въ полголоса, даже съ улыбкою. Наконецъ я совершенно увѣрился въ исправленіи жены моей, видя вокругъ ее толпу искателей. Домъ нашъ сдѣлался отъ того гораздо пріятнѣе: Эмилія перестала грубить молодымъ женщинамъ, и всячески старалась заслужить имя любезной хозяйки. Мы набрали къ себѣ въ домъ Ита-

ліянскихъ Кастратовъ; играли Оперы, Комедіи; давали маленькіе балы, большіе ужины — подписывали счеты, но никогда не считали — занимали деньги, и никогда не имѣли ихъ — однимъ словомъ, жили прекрасно!

Одна мать моя, у которой отъ старости испортился нравъ, была недовольна, и часто упрекала меня вѣтреною безразсудностію; говорила, что мы разоряемся; говорила даже, что Эмилія дурно ведетъ себя! Но я — зѣвалъ, и, какъ должно хорошему сыну, совѣтовалъ ей беречь свое здоровье, то есть, не сердиться. Она не хотѣла послушаться, и прежде времени отправилась на тотъ свѣтъ. Бѣдная! Мы пожалѣли объ ней — тѣмъ искреннѣе, что ея смерть на нѣсколько мѣсяцевъ разстроила наши спектакли.

Скоро въ хозяйствѣ нашемъ открылись маленькія непріятности:

иногда, наканунѣ большаго ужина, дворецкой сказывалъ мнѣ, что у него нѣтъ ни рубля на расходъ, и что онъ нигдѣ не могъ занять денегъ. Въ такомъ случаѣ я обыкновенно выгонялъ его изъ комнаты — и ужинъ бывалъ прекрасной. Являлись добрые люди съ товарами: одни продавали мнѣ на вексель, другіе въ ту же минуту покупали у меня на чистыя деньги, и дѣло было съ концомъ. Но время отъ времени встрѣчалось болѣе трудностей, и часто за вексель въ тысячу рублей давали мнѣ только дюжинъ шесть помады! Увѣдомляю Читателя, что искусные люди, которыхъ профаны называютъ ростовщиками, знаютъ наизусть всѣ нужды и всѣ коммерческіе способы богатыхъ мотовъ; взявъ карандашъ въ руку, они въ минуту исчисляютъ, во сколько лѣтъ, мѣсяцевъ, дней и часовъ такой-то останется безъ души Христіянской;

по сему вѣрному расчету служатъ ближнему дѣятельно, усердно, и рѣдко обманываются. Наши отечественные лихоимцы прежде всѣхъ другихъ оставляютъ человѣка на славномъ и широкомъ пути разоренія, подобно меланхолическимъ Докторамъ, которые слишкомъ рано осуждаютъ больныхъ на смерть; они отдаютъ его на руки иностраннымъ ростовщикамъ: Нѣмцы уступаютъ мѣсто Французамъ, Французы Италіянцамъ, Италіянцы Грекамъ: въ эту послѣднюю эпоху рубль мота ходитъ уже въ копѣйкѣ. Я спокойно прошелъ сквозь всю Жидовскую фалангу, и стоялъ уже на послѣдней ступени. Имѣніе мое записывали, продавали съ публичнаго торгу; но я все еще не унывалъ, и въ самой тотъ день, какъ меня выгнали изъ дому, думалъ играть главную ролю въ Комедіи *Безпітнаг*. Жестокіе заимодавцы не хотѣли видѣть спектакля — и мнѣ

надлежало искать убѣжища въ домѣ одного моего родственника.

Естьли Читатель удивится, что семь или восемь тысячь душъ моихъ такъ скоро исчезли съ дымомъ, то онъ безъ сомнѣнія не знаетъ умножительной силы долговъ, считаемыхъ не должникомъ, а заимодавцами; векселя какъ полипы чудеснымъ образомъ плодятся, естьли завѣса безпечности скрываетъ слѣдствія отъ глазъ разсудка. Къ тому же всякой почтенной мотъ находитъ вѣрныхъ сотрудниковъ въ своихъ управителяхъ и дворецкихъ, которые всячески облегчаютъ бремя господскаго имѣнія, примѣтивъ, что оно угнетаетъ господина. — Я назвалъ мота *почтеннымъ*, и спѣшу оправдаться. Онъ есть благодѣтель отечества и народа, раздѣляя съ обществомъ свое богатство. Собиратель подобенъ жадной рѣкѣ, которая течетъ въ прямой линіи, гло-

таетъ ручейки и потоки, влажитъ только берега свои и сушитъ окрестности; но расточителя можно сравнять съ рѣкою щедрою, которая дѣлится на тысячу рукавовъ, сообщаетъ влагу свою великому пространству, и мало помалу исчезая, дѣлается жертвою благотворительности.

Кому угодно, тотъ можетъ вообразить меня спокойно и даже гордо идущаго по улицѣ; два человѣка несли за мною двѣ корзины, наполненныя любовными женскими письмами: единственное сокровище, которое заимодавцы позволили мнѣ вынести изъ дому! Родственникъ принялъ меня холодно и съ упреками. Эмилія пріѣхала къ нему въ слѣдъ за мною, и забывъ, что мы вмѣстѣ проживали имѣніе, осыпала меня жестокими укоризнами; объявила торжественно, что союзъ нашъ разрывается; сѣла въ карету, и скрылась. Я летѣлъ къ

женщинѣ, которая за день передъ тѣмъ увѣряла меня въ любви своей: меня не приняли — летѣлъ ко многочисленнымъ друзьямъ моимъ: однихъ не было дома; другіе вздумали читать мнѣ наизусть книжныя наставленія, какъ должно быть умѣреннымъ и благоразумнымъ въ жизни! Имъ надлежало бы говорить о томъ, когда я угощалъ ихъ. — Въ прибавокъ ко всему меня выгнали изъ службы какъ распутнаго человѣка.

Такіе случаи и непріятности могли бы огорчить другова; но я родился Философомъ — сносилъ все равнодушно, и твердилъ любимое слово свое: *Китайскія тѣни! Китайскія тѣни!* Всего хуже было то, что заимодавцы, недовольные остатками моего имѣнія, грозились посадить меня въ тюрьму. Признаюсь, что мысль о темной конуркѣ пугала и самую мою философію.

Мѣсяца черезъ два пріѣхалъ ко мнѣ одинъ богатой Князь, съ требованіемъ, чтобы я подписалъ нѣкоторую бумагу, и съ обѣщаніемъ удовольствовать моихъ кредиторовъ; то есть, мнѣ надлежало взвести на себя небылицу, которая давала Эмиліи право избрать другова мужа. Я сперва захохоталъ, а послѣ задумался, воображая съ одной стороны ужасы темницы, а съ другой злыя насмѣшки людей. Между тѣмъ Князь говорилъ о своей благодарности; признался, что онъ намѣренъ жениться на Эмиліи, желая спасти ее отъ бѣдствій нищеты; предлагалъ мнѣ свою дружбу; увѣрялъ, что домъ его будетъ моимъ домомъ; даже звалъ меня жить къ себѣ. Тутъ *счастливая мысль* пришла мнѣ въ голову: я подписалъ бумагу.

Эмилія краснорѣчивымъ письмомъ изъявила мнѣ свою признательность (она вышла за Князя,

который немедленно выкупилъ мои вексели), и въ заключеніе говорила: „Мы не умѣли быть щасливыми супругами: будемъ по крайней мѣрѣ нѣжными друзьями! Мужъ мой клянется любить васъ какъ брата.“ — Я спѣшилъ увѣрить ее въ своей чувствительности — и съ того времени поселился у Князя; обѣдалъ, ужиналъ съ Эмиліею; казался томнымъ, печальнымъ, и оставаясь наединѣ съ нею, говорилъ со слезами о прежней своей безразсудности, о моемъ сердечномъ раскаяніи, о потерянномъ навѣки щастіи, то есть имени супруга любезнѣйшей женщины въ свѣтѣ. Сперва она шутила; но мало помалу начала слушать меня съ важнымъ видомъ и задумываться. Надобно знать, что Князь былъ человѣкъ пожилой и весьма непріятный наружностію. Часто глаза ея тихонько сравнивали насъ, и съ выраженіемъ горести потуплялись

въ землю. Эмилія нѣкогда любила меня; переставъ быть ея мужемъ, я казался ей тѣмъ любезнѣе. Боясь свѣта, который громко осуждалъ ея второе замужство, она вела уединенную жизнь; уединеніе же, какъ извѣстно, питаетъ страсти. Женщина, самая романическая, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ прельститься богатствомъ; но богатство теряетъ для нее всю свою цѣну при первомъ движеніи сердца. Не хочу томить Чипапеля долгимъ пріуготовленіемъ. *Планъ мой* щастливо исполнился. Мы изъяснились. Эмилія отдалась мнѣ со всѣми знаками живѣйшей страсти; а я черезъ минуту едва могъ удер жаться отъ смѣха, воображая странность побѣды своей и новость такой связи. — Старый мужъ отмстилъ новому; но мнѣ еще не довольно было восторговъ Эмиліи, тайныхъ свиданій, нѣжныхъ писемъ: я хотѣлъ громкой

славы! и предложилъ своей женѣ-любовницѣ уйти со мною. Она испугалась — описывала наше положеніе самымъ щастливымъ (ибо Князь стыдился ревновать ко мнѣ) — предвидѣла ужасъ свѣта, естьли мы отважимся на такой неслыханной примѣръ разврата — и заклинала меня со слезами сжалиться надъ ея судьбою. Но женщина, которая преступила уже многія (по словамъ Моралистовъ) должности, не можетъ ни въ чемъ отвѣчать за себя. Я хотѣлъ непремѣнно, требовалъ, грозилъ (помнится) застрѣлить себя — и черезъ нѣсколько дней мы очутились на Мо** ской дорогѣ.

Торжество мое было совершенно: я живо представлялъ себѣ изумленіе бѣднаго Князя и всѣхъ честныхъ людей; сравнивалъ себя съ романическими Ловеласами, и ставилъ ихъ подъ ногами своими: они увозили любовницъ, а я увезъ бывшую

жену мою отъ втораго мужа! Эмилія грустила, но утѣшалась мыслію, что она слѣдуетъ движенію непобѣдимаго чувства, и что любовь ея ко мнѣ есть героическая: утѣшеніе, къ которому обыкновенно прибѣгаютъ женщины въ заблужденіяхъ страсти или воображенія!

Въ М**ѣ знатные мои родственники не хотѣли пустить меня въ домъ, а набожныя тетки и бабушки, встрѣчаясь со мною на улицѣ, крестились отъ ужаса. За то нѣкоторые молодые люди удивлялись смѣлости моего дѣла, и признавали меня своимъ героемъ. Я покоился на лаврахъ, не боясь никакихъ слѣдствій: ибо доброй Князь, заключивъ горесть въ сердцѣ, не жаловался никому, и говорилъ своимъ знакомымъ, что онъ самъ отправилъ жену въ М**у для экономіи. Эмилія продала свои брилліанты, и мы жили не дурно;

но она жаловалась иногда на мое равнодушіе, и наконецъ, узнавъ, что я вошелъ въ связь съ одною извѣстною вѣтренницею, слегла въ постелю; сказала мнѣ, что, бывъ женою, она могла сносить мои невѣрности; но сдѣлавшись любовницею, умираетъ отъ нихъ. Эмилія сдержала слово—и при смерти своей говорила мнѣ такія вещи, отъ которыхъ волосы мои стали бы дыбомъ, естьли бы, къ нещастью, была во мнѣ хотя искра совѣсти; но я слушалъ холодно и заснулъ спокойно; только въ ту ночь видѣлъ страшный сонъ, который безъ сомнѣнія не сбудется въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Не хочу говорить о дальнѣйшихъ моихъ любовныхъ приключеніяхъ, которыя не имѣли въ себѣ никакого особеннаго блеска, хотя мнѣ удалось еще разорить двухъ или трехъ женщинъ (правда, не молодыхъ). Видя наконецъ, что лѣта и

невоздержность кладутъ на лицо мое угрюмую печать свою, я рѣшился взять другія мѣры, сдѣлался ростовщикомъ, и сверхъ того забавникомъ, шутомъ, повѣреннымъ мужей и женъ въ ихъ маленькихъ слабостяхъ. Мудрено ли, что мнѣ снова отворенъ входъ во многіе именитые домы? Такіе люди нужны на всякой случай. Однимъ словомъ, я доволенъ своимъ положеніемъ; и видя во всемъ дѣйствіе необходимой судьбы, ни одной минуты въ жизни моей не омрачилъ горестнымъ раскаяніемъ. Естьли бы я могъ возвратить прошедшее, то думаю, что повторилъ бы снова всѣ дѣла свои: захотѣлъ бы опять укусить ногу Папѣ, распутствовать въ Парижѣ, пить въ Лондонѣ, играть любовныя Комедіи на Театрѣ и въ свѣтѣ, промотать имѣніе и увезти жену свою отъ стараго мужа. Правда, что нѣкоторые люди смотрятъ на

меня съ презрѣніемъ , и говорятъ, что я остыдилъ родъ свой ; что знатная фамилія есть обязанность быть полезнымъ человѣкомъ въ государствѣ и добродѣтельнымъ гражданиномъ въ отечествѣ. Но повѣрю ли имъ , видя съ другой стороны, какъ многіе изъ нашихъ любезныхъ соотечественниковъ стараются подражать мнѣ , живутъ безъ цѣли , женятся безъ любви , разводятся для забавы , и разоряются для ужиновъ? Нѣтъ, нѣтъ! я совершилъ свое предопредѣленіе, и подобно страннику , который , стоя на высотѣ, съ удовольствіемъ обнимаетъ взоромъ пройденныя имъ мѣста, радостно воспоминаю, что было со мною , и говорю себѣ: *такъ я жилъ!*

Графъ N. N.

О ЛЕГКОЙ ОДЕЖДѢ МОДНЫХЪ КРАСАВИЦЪ ДЕВЯТАГО-НАДЕСЯТЬ ВѢКА.

Всегда и вездѣ первымъ женскимъ достоинствомъ была *скромность*. Древніе думали, что та женщина есть совершенна, о которой люди не говорятъ ни худаго, ни добраго: ибо домашняя жизнь (твердили они) есть, по закону Природы, святилище ея достоинствъ, непроницаемое для глазъ любопытныхъ: въ немъ она сіяетъ и красотою и любезностію; въ немъ печется о супругѣ и дѣтяхъ; въ немъ услаждаетъ сердце перваго и образуетъ юную душу послѣднихъ. Женщина, говорили восточные мудрецы, есть прекрасный, нѣжный цвѣтъ, увядающій отъ неосторожныхъ взо-

ровъ желанія. Такія мысли ввели въ употребленіе покрывало: символъ женской скромности и щитъ прелестей, извѣстныхъ одному щастливому супругу!

Теперь въ публичномъ собраніи смотрю на молодыхъ красавицъ девятнаго-надесять вѣка, и думаю: гдѣ я? въ Мильтоновомъ ли раю (въ которомъ милая натура обнажалась передъ взоромъ блаженнаго Адама), или въ кабинетѣ живописца Апелла, гдѣ красота являлась служить моделью для Венерина портрета во весь ростъ?

Дѣйствіе всесильной моды, которую, подобно фортунѣ, должно писать слѣпою! Наши стыдливыя дѣвицы и супруги оскорбляютъ природную стыдливость свою, единственно для того, что Француженки не имѣютъ ее, безъ сомнѣнія тѣ, которыя прыгали контрдансы на могилахъ родителей, мужей и любовниковъ! Мы гнушаемся ужа-

сами Революціи и перенимаемъ моды ея! Знаемъ, что нынѣшній Парижскій свѣтъ состоитъ изъ людей безъ всякаго воспитанія, безъ всякаго нѣжнаго чувства, и, слѣдуя старой привычкѣ, хотимъ соглашаться съ его новыми обыкновеніями! Нѣкогда Парижъ въ самомъ дѣлѣ могъ назваться столицею вкуса: ибо утонченіе свѣтскихъ пріятностей было единственнымъ дѣломъ его въ теченіе двухъ вѣковъ. Но это время прошло, и долго, долго не возвратится, не смотря на желаніе Консула Бонапарте воскресить Французскую любезность, которая — естьли не умерла, то по крайней мѣрѣ заснула глубокимъ сномъ Эпименида на развалинахъ Бурбонскаго трона и на кипарисахъ Революціи. Какія женщины даютъ нынѣ тонъ въ Парижѣ? Роскошныя супруги Банкировъ и *подрядчиковъ* (fournisseurs), обогащенныхъ народною каз-

ною — женщины низкаго состоянія, не имѣющія идеи о любезности прежнихъ знатныхъ Француженокъ, которыя всего болѣе отличались игрою ума и *кокетствовалѣ*, такъ сказать, нѣжнымъ чувствомъ пристойности. Мудрено ли, что сіи новыя, молодыя Аристократки — сіи цвѣты, которые выросли и распустились на землѣ облитой кровію нещастныхъ жертвъ гильйотины — не имѣютъ никакого чувства истинныхъ женскихъ достоинствъ, и, стараясь нравиться, употребляютъ способы Парижскихъ Ланиъ, единственныхъ образцевъ своихъ? Но мудрено то, что въ государствѣ благоустроенномъ, гдѣ есть нравы, воспитаніе и правила, женщины, вообще любезныя, слѣдуютъ модѣ Парижскихъ мѣщанокъ! Онѣ безъ сомнѣнія съ великимъ трудомъ побѣждаютъ милую стыдливость; безъ сомнѣнія долго сражаются съ нею при сво-

емъ, такъ-называемомъ *Греческомъ уборѣ*, который скорѣе можно назвать Американскимъ. Ктo читалъ древнихъ Авторовъ или хотя Анахарсиса, тотъ знаетъ, что Гречанки были скромны. На древнихъ женскихъ статуяхъ обнажены нѣкоторыя прелести; но художники слѣдовали не обыкновенію отечества, а желанію доказать свое искусство въ изображеніяхъ Натуры, отдаваясь на судъ супругамъ или юнымъ друзьямъ Аспазій. Художники и Поэты имѣютъ право снимать съ красоты покрывало; но теперь имъ мало труда!

Я увѣренъ въ невинности многихъ, и, естьли угодно, всѣхъ нашихъ красавицъ; но что подумаетъ объ нихъ — на примѣръ, какой нибудь добродушной, но грубой Сибирякъ, пріѣхавшій въ столицу и во многочисленномъ собраніи видящій сію прелестную *откровенность женскихъ сердецъ?* Увѣримъ ли его,

что наши молодыя супруги, въ полурайской зефирной одеждѣ, не имѣютъ никакихъ намѣреній, оскорбительныхъ для святости супружества? Онъ вѣрно засмѣется и скажетъ съ Гиперборейскою грубостію: „Отправьте же ихъ скорѣе домой; онѣ безъ сомнѣнія лунатики, сонныя вышли *изъ спальни* и сонныя сюда пріѣхали!“ Естьли будемъ изъяснять ему сей феноменъ дѣйствіемъ Французской моды, то онъ вообразитъ, что мы хотимъ дурачить его, и никакъ не пойметъ, чтобы *обезьянство* (Сибирское названіе моды) могло считаться въ столицѣ первымъ достоинствомъ, которому всѣ другія уступаютъ!

Естьли красавицы по справедливости вѣрятъ болѣе Медикамъ, нежели Моралистамъ (которые всѣ Сибиряки своею неучтивостію), то скажемъ съ важностію Гиппократовъ и Галеновъ, что въ

сѣверномъ климатѣ эта мода опасна для самаго здоровья, слѣдственно и красоты! Уже къ нещастію могли бы мы наименовать двѣ или три жертвы ея, всѣмъ извѣстныя; но избѣгая личностей, говоримъ только о возможномъ. Натура не предвидѣла сего обыкновенія, и надѣясь на вѣрную защиту одежды, образовала женскія прелести такъ нѣжно, что прикосновеніе грубаго воздуха для нихъ бѣдственно, особливо послѣ нашихъ баловъ, которыя стоятъ труда всѣхъ Греческихъ Атлетовъ! Не хочу живо расписывать слѣдствій и представлять въ красавицѣ зарожденіе ужасной, смертельной болѣзни, которая, постепенно изглаживая всѣ ея прелести, ведетъ ее тихими или быстрыми шагами ко гробу.

Это сильно; но слѣдуя правиламъ школьной Реторики, самое сильнѣйшее убѣжденіе сохранили

мы для конца. Вотъ оно: воображеніе есть самой льстивой живописецъ: оно питаетъ страсти; но глаза ослабляютъ уже его дѣйствіе; я не воображаю того, что вижу; а видя нынѣ и завтра, привыкаю, и часъ отъ часу смотрю равнодушнѣе. Вамъ конечно нѣтъ дѣла до меня, красавицы (ибо мнѣ уже гораздо за семдесятъ лѣтъ); но такъ самые молодые люди чувствуютъ, и Жанъ Жакъ Руссо, по справедливости любезный всякому нѣжному сердцу, вамъ то же скажетъ, естьли заглянете въ Эмиля. Вы конечно прелестны, и живописцы ходятъ за вами съ кистію; но истинная польза *милой страсти*, которая составляетъ главное дѣло вашего, иногда слишкомъ чувствительнаго сердца, требуетъ покрывала!

Еще одно замѣчаніе. Въ мое время женщины хвалили Вертера, которой сказалъ, что жена его ни-

когда не будетъ *вальсировать*; это чувство казалось имъ нѣжнымъ. Въ мое время мужья и любовники бывали ревнивы: теперь они конечно исправились отъ сего порока. Любовь нынѣ, кажется, гораздо терпѣливѣе и покойнѣе; тѣмъ лучше для семейственнаго мира, но — тѣмъ хуже для живости страстей; тѣмъ хуже для милой власти женскаго пола!

В. Мулатовъ.

ОТЪ ЧЕГО ВЪ РОССІИ МАЛО АВТОРСКИХЪ ТАЛАНТОВЪ?

Естьли мы предложимъ сей вопросъ иностранцу, особливо Французу, то онъ, не задумавшись будетъ отвѣчать: „отъ холоднаго климата." Со временъ Монтескьё всѣ феномены умственнаго, политическаго и моральнаго міра изъясняются климатомъ. Ah, mon cher Monsieur, n'avez-vous pas le nez gelé? сказалъ Дидеротъ въ Петербургѣ одному земляку своему, который жаловался, что въ Россіи не чувствуютъ великаго ума его, и который въ самомъ дѣлѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ ознобилъ себѣ носъ.

Но Москва не Камчатка, не Ла-

ландія; здѣсь солнце такъ же лучезарно, какъ и въ другихъ земляхъ; также есть весна и лѣто, цвѣты и зелень. Правда, что у насъ холодъ продолжительнѣе; но можетъ ли дѣйствіе его на человѣка, столь умѣренное въ Россіи придуманными способами защиты, вредить дарованіямъ? И вопросъ кажется смѣшнымъ! Скорѣе жаръ, разслабляя нервы (сей непосредственный органъ души) уменьшитъ ту силу мыслей и воображенія, которая составляетъ талантъ. Давно извѣстно Медикамъ-наблюдателямъ, что жители сѣвера долговѣчнѣе жителей юга: климатъ, благопріятный для физическаго сложенія, безъ сомнѣнія не гибеленъ и для дѣйствій души, которая въ здѣшнемъ мірѣ столь тѣсно соединена съ тѣломъ. — Естьли бы жаркой климатъ производилъ таланты ума, то въ Архипелагѣ всегда бы курился чистый

ѳиміамъ Музамъ, а въ Италіи пѣли Виргиліи и Тассы; но въ Архипелагѣ курятъ... табакъ, а въ Италіи поютъ... Кастраты.

У насъ конечно менѣе Авторскихъ талантовъ, нежели у другихъ Европейскихъ народовъ; но мы имѣли, имѣемъ ихъ, и слѣдственно Природа не осудила насъ удивляться имъ только въ чужихъ земляхъ. Не въ климатѣ, но въ обстоятельствахъ гражданской жизни Россіянъ надобно искать отвѣта на вопросъ: „для чего у насъ рѣдки хорошіе Писатели?"

Хотя талантъ есть вдохновеніе Природы, однакожъ ему должно развиться ученьемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть не только собственно такъ называемое дарованіе—то есть, какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей — но и многія историческія свѣдѣнія, умъ образованный

Логикою, тонкой вкусъ и знаніе свѣта. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего? Вольтеръ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю жизнь надобно учиться своему природному. Намъ Рускимъ еще болѣе труда, нежели другимъ. Французъ, прочитавъ Монтаня, Паскаля, 5 или 6 Авторовъ вѣка Лудовика XIV, Вольтера, Руссо, Томаса, Мармонтеля (*), можетъ совершенно узнать языкъ свой во всѣхъ формахъ; но мы, прочитавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только матеріальное или словесное богатство языка, которое ожидаетъ души и красокъ отъ художника. Истинныхъ Писателей было у насъ

(*) Какъ сочинителя единственныхъ сказокъ.

еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцевъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражать пріятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. Руской *Кандидатъ Авторства*, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушать вокругъ себя разговоры, чтобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говорятъ у насъ болѣе по-Французски! Милыя женщины, которыхъ надлежало бы только подслушать, чтобы украсить романъ или комедію любезными, щастливыми выраженіями, плѣняютъ насъ не Рускими фразами. Чтожь остается дѣлать Автору? выдумывать, сочинять выраженія; угадывать лучшій выборъ словъ; давать старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагать ихъ въ новой связи, но столь искусно, чтобы обмануть читателей и скрыть отъ

нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкоторыхъ Рускихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой трудности, и что свѣтскія женщины не имѣютъ терпѣнія слушать или читать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ? Есть-ли спросите у нихъ: какъ же говорить должно? то всякая изъ нихъ отвѣчаетъ: „не знаю; но это грубо, несносно!“ — Однимъ словомъ, Французскій языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и тѣнями, какъ въ живописныхъ картинахъ), а Руской только отчасти; Французы пишутъ какъ говорятъ, а Руские обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишетъ человѣкъ съ талантомъ.

Бюффонъ страннымъ образомъ изъясняетъ свойство великаго таланта или Генія, говоря, что онъ есть *терпѣніе въ превосходной сте-*

пѣни. Но естьли хорошенько подумаемъ, то едва ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія Геній не можетъ возсіять во всей своей лучезарности. *Работа есть условіе искусства;* охота и возможность преодолѣвать трудности есть характеръ таланта. Бюффонъ и Ж. Ж. Руссо плѣняютъ насъ сильнымъ и живописнымъ слогомъ: мы знаемъ отъ нихъ самихъ, чего имъ стоила пальма краснорѣчія!

Теперь спрашиваю: кому у насъ сражаться съ великою трудностію быть хорошимъ Авторомъ, естьли и самое щастливѣйшее дарованіе имѣетъ на себѣ жесткую кору, стираемую единственно постоянною работою? Кому у насъ десять, двадцать лѣтъ рыться въ книгахъ, быть наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писать и бросать въ огонь написанное, чтобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее? Въ

Россіи болѣе другихъ учатся дворяне; но долго ли? до пятнадцати лѣтъ: тутъ время итти въ службу, время искать чиновъ, сего вѣрнѣйшаго способа быть предметомъ уваженія. Мы начинаемъ только любить чтеніе; имя хорошаго Автора еще не имѣетъ у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ; надобно при случаѣ объявить другое право на улыбку вѣжливости и ласки. Къ тому же исканіе чиновъ не мѣшаетъ баламъ, ужинамъ, праздникамъ; а жизнь Авторская любитъ частое уединеніе. — Молодые люди средняго состоянія, которые учатся, также *спѣшатъ* выйти изъ школы или Университета, чтобы въ граждан ской или военной службѣ получить награду за ихъ успѣхи въ наукахъ; а тѣ немногіе, которые остаются въ ученомъ состояніи, рѣдко имѣютъ случай узнать свѣтъ — безъ чего трудно Писателю образовать

вкусъ свой, какъ бы онъ ученъ ни былъ. Всѣ Французскіе Писатели, служащіе образцемъ тонкости и пріятности въ слогѣ, *поправляли*, такъ сказать, школьную свою Реторику въ свѣтѣ, наблюдая, что ему нравится, и по чему? Правда, что онъ, будучи школою для Авторовъ, можетъ быть и гробомъ дарованія: даетъ вкусъ, но отнимаетъ трудолюбіе, необходимое для великихъ и надежныхъ успѣховъ. Щастливъ, кто, слушая Сиренъ, перенимаетъ ихъ волшебныя мелодіи, но можетъ удалиться, когда захочетъ! Иначе мы останемся при однихъ куплетахъ и мадригалахъ. Надобно заглядывать въ общество — непремѣнно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя лѣта — но жить въ кабинетѣ.

Со временемъ будетъ конечно болѣе хорошихъ Авторовъ въ Россіи — тогда, какъ увидимъ между свѣтскими людьми болѣе ученыхъ,

или между учеными болѣе свѣтскихъ людей. Теперь шалантъ образуется у насъ случайно. Натура и характеръ прошивятся иногда силѣ обстоятельствъ и ставятъ человѣка на путь, котораго бы не надлежало ему избирать по расчетамъ обыкновенной пользы, или отъ котораго судьба удаляла его: такъ Ломоносовъ родился крестьяниномъ и сдѣлался славнымъ Поэтомъ. Склонность къ Литтературѣ, къ наукамъ, къ искусствамъ, есть безъ сомнѣнія природная, ибо всегда рано открывается, прежде нежели умъ можетъ соединять съ нею виды корысти. Сей младенецъ, который на всѣхъ стѣнахъ чертитъ углемъ головы, еще не думаетъ о томъ, что живописное искусство доставляетъ человѣку выгоды въ жизни. Другой, услышавъ въ первый разъ стихи, бросаетъ игрушку, и хочетъ говорить риѳмами. Какой хорошій Авторъ въ

дѣтствѣ своемъ не сочинялъ уже сатиръ, пѣсенъ, романовъ? Но обстоятельства не всегда уступаютъ природѣ; естьли они не благопріятствуютъ ей, то ея дарованія по большой части гаснутъ. Чему быть трудно, то бываетъ рѣдко —— однакожь бываетъ —— и чувствительное сердце, живость мыслей, дѣятельность воображенія, вопреки другимъ явнѣйшимъ или ближайшимъ выгодамъ, привязываютъ иногда человѣка къ тихому кабинету, и заставляютъ его находить неизъяснимую прелесть въ трудахъ ума, въ развитіи понятій, въ живописи чувствъ, въ украшеніи языка. Онъ думаетъ —— желая дать цѣну своимъ упражненіямъ для самого себя —— думаетъ, говорю, что трудъ его не безполезенъ для отечества; что Авторы помогаютъ согражданамъ *лучше мыслить и говорить*; что всѣ великіе народы любили и любятъ таланты;

что Греки, Римляне, Французы, Англичане, Нѣмцы, не славились бы умомъ своимъ, естьли бы они не славились талантами; что достоинство народа оскорбляется безсмысліемъ и косноязычіемъ дурныхъ Писателей; что варварскій вкусъ ихъ есть сатира на вкусъ народа; что образцы благороднаго Рускаго краснорѣчія едва ли не полезнѣе самыхъ классовъ Латинской Элоквенціи, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилія; что оно, избирая для себя патріотическіе и моральные предметы, можетъ благотворить нравамъ и питать любовь къ отечеству. — Другіе могутъ думать иначе о Литтературѣ: мы не хотимъ теперь спорить съ ними.

МЫСЛИ ОБЪ УЕДИНЕНІИ.

Нѣкоторыя слова имѣютъ особенную красоту для чувствительнаго сердца, представляя ему идеи меланхолическія и нѣжныя. Имя уединенія принадлежитъ къ симъ магическимъ словамъ. Назовите его — и чувствительный воображаетъ любезную пустыню, густыя сѣни деревъ, томное журчаніе свѣтлаго ручья, на берегу котораго сидитъ глубокая задумчивость съ своими горестными и сладкими воспоминаніями!

Но участь нѣжныхъ сердецъ есть обманываться! Какъ въ любви и въ дружбѣ рѣдко находятъ они исполненіе надеждъ своихъ, такъ и самое уединеніе не отвѣт-

ствуетъ ихъ ожиданіямъ; цвѣты его благоухаютъ въ воображеніи, и вянутъ въ грубомъ элементѣ существенности.

Быть щастливымъ или довольнымъ въ *совершенномъ* уединеніи можно только съ неистощимымъ богатствомъ внутреннихъ наслажденій и въ отсутствіи всѣхъ потребностей, которыхъ удовлетвореніе внѣ насъ; а человѣкъ отъ первой до послѣдней минуты бытія есть существо зависимое. Сердце его образовано чувствовать съ другими и наслаждаться ихъ наслажденіемъ. Отдѣляясь отъ свѣта, оно изсыхаетъ подобно растѣнію, лишенному животворныхъ вліяній солнца.

Чувствительный воображаетъ благопріятнымъ для уединенія то время, когда человѣкъ, сто разъ обманутый въ своихъ милыхъ надеждахъ, перестаетъ наконецъ желать и надѣяться: тогда уедине-

ніе кажется единственною его отрадою, единственнымъ вѣрнымъ пристанищемъ на Океанѣ безпокойной жизни; тамъ, въ тишинѣ и мракѣ лѣсовъ, онъ будетъ жить и чувствовать съ одною природою; тамъ, съ горестію воспоминая жестокую холодность людей, онъ утѣшится мыслію, что сердце его не подобно ихъ сердцу; тамъ, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ пустыни, добродушный Мизантропъ скажетъ: *онъ не ядовитъ: въ немъ нѣтъ дыханія пороковъ!*

Сладкая меланхолическая мысль, Поэзія воображенія, и ничего болѣе! Нѣтъ, оскорбленная чувствительность не найдетъ себѣ утѣшителя въ пустынѣ. Жизнь сердца есть любовь, желаніе, надежда, которыхъ предметъ бываетъ только въ свѣтѣ. Природа нѣма для холоднаго равнодушія. Ея картины и феномены безъ отношеній къ миру нравственному не имѣютъ ни-

какой живой прелести. Можемъ ли плѣняться торжественнымъ восходомъ солнца или кроткимъ свѣтиломъ ночи, или пѣснію соловья, когда солнце не освѣщаетъ для насъ ничего милаго; когда мы не питаемъ въ себѣ нѣжности подъ нѣжнымъ вліяніемъ луны; когда въ пѣсняхъ Филомелы не слышимъ голоса любви?

Забвеніе свѣта, о которомъ такъ часто говорятъ Мизантропы, есть только одно слово безъ всякаго истиннаго значенія. Какая мысль останется въ душѣ, естьли она забудетъ свѣтъ? а воспоминая его, скоро начнемъ жалѣть объ немъ: ибо воспоминаніе есть самое льстивое зеркало: оно украшаетъ предметы. Такъ все, что давно миновалось, отъ времени кажется намъ любезнѣе. Случаи жизни въ памяти нашей теряютъ примѣсъ неудовольствій, подобно какъ металлъ теряетъ примѣсъ нечистоты въ гор-

нилъ — и добродушный пустынникъ или возвратится въ свѣтъ, или за упрямство будетъ наказанъ вѣчнымъ сожалѣніемъ.

Нѣтъ, нѣтъ! человѣкъ не созданъ для всегдашняго уединенія, и не можетъ передѣлать себя. Люди оскорбляютъ, люди должны и утѣшать его. Ядъ въ свѣтѣ, антидотъ тамъ же. Одинъ уязвляетъ ядовитою стрѣлою, другой вынимаетъ ее изъ сердца, и льетъ цѣлительный бальзамъ на рану.

Но *временное* уединеніе бываетъ сладостно и даже необходимо для умовъ дѣятельныхъ, образованныхъ для глубокомысленныхъ созерцаній. Въ сокровенныхъ убѣжищахъ Натуры душа дѣйствуетъ сильнѣе и величественнѣе; мысли возвышаются и текутъ быстрѣе; разумъ въ отсутствіи предметовъ лучше цѣнитъ ихъ; и какъ живописецъ изъ отдаленія смотритъ на ландшафтъ, который должно ему изобразить

кистію, такъ наблюдатель удаляется иногда отъ свѣта, чтобы тѣмъ вѣрнѣе и живѣе представить его въ картинѣ. Жанъ-Жакъ Руссо оставилъ городъ, чтобы въ густыхъ тѣняхъ Парка размышлять объ измѣненіяхъ человѣка въ гражданской жизни, и слогъ его въ семъ твореніи имѣетъ свѣжесть Природы.

Временное уединеніе есть также необходимость для чувствительности. Какъ скупецъ въ тишинѣ ночи радуется своимъ золотомъ, такъ нѣжная душа, будучи одна съ собою, плѣняется созерцаніемъ внутренняго своего богатства; углубляется въ самое себя; оживляетъ прошедшее, соединяетъ его съ настоящимъ, и находитъ способъ украшать одно другимъ. — Какой любовникъ не спѣшилъ иногда отъ самой любовницы своей въ уединеніе, чтобы, насладившись блаженствомъ, въ кроткомъ покоѣ

души насладиться еще его воспоминаніемъ, и на свободѣ говорить съ сердцемъ о той, которую оно обожаетъ? По крайней мѣрѣ чувствительныя женщины должны иногда отсылать любовниковъ въ уединеніе, которое своими размышленіями и мечтами питаетъ страсти.

Дидеротъ, всегда пылкой, но не всегда основательной, сказалъ, что одинъ злой человѣкъ любитъ удаляться отъ людей — сказалъ для того, что хотѣлъ оскорбить Жанъ-Жака. Нѣтъ, уединеніе есть худой товарищъ для нечистой совѣсти, и злыя мысли никогда не произведутъ той сладостной задумчивости, которая есть прелесть уединенія. Чтобы пріятно бесѣдовать съ собою, надобно быть добрымъ; надобно имѣть любезную ясность души, которая не совмѣстна съ ядовитою злобою.

Всѣмъ рожденнымъ съ нѣкото-

рою особенною живостію воображенія, всѣмъ *Эпикурейцамъ чувствительности*, совѣтую иногда вдругъ изъ шумнаго многолюдства переходить въ глубокую тишину уединенія, которое производитъ тогда неизъяснимое въ насъ дѣйствіе. На примѣръ, кто оставляя великолѣпный балъ, гдѣ, по словамъ Делиля, *блистаютъ красотой, одеждою, умомъ*, выѣзжаетъ за городъ и входитъ одинъ въ ночной мракъ лѣса, тотъ чувствуетъ въ себѣ какую то новую, тайную силу души, никогда не возбуждаемую свѣтомъ и его сценами. Такія противоположности разительны, и могутъ быть источникомъ живыхъ удовольствій. „Величественный шумъ деревъ, „качаемыхъ вѣтромъ надъ моею го„ловою (говоритъ одинъ Пикапель) „есть мистическій языкъ Натуры, „который бываетъ для меня свя„щеннѣе *послѣ городскаго шума*.“

Скажемъ наконецъ, что уедине-

ніе подобно тѣмъ людямъ, съ которыми хорошо и пріятно видѣться изрѣдка, но съ которыми жить всегда тягостно уму и сердцу!

АНЕКДОТЪ.

Шесть человѣкъ, молодыхъ, пылкихъ, добрыхъ пріятелей, сидѣли за ужиномъ въ тракшпирѣ Крестовскаго острова въ П — ѣ. Въ числѣ ихъ былъ Ліодоръ, Секретарь Графа N. N., прекрасный лицомъ, любезный характеромъ. Они веселились безъ памяти, стучали рюмками, шумѣли и смѣялись такъ громко, что ихъ можно было слышать на улицѣ. Мало по малу шумъ затихъ: любовь сдѣлалась предметомъ разговора. Молодость откровенна, особливо въ часъ за полночь и въ кругу сверстниковъ. У каждаго было сердце на языкѣ; всякой разсказывалъ о своихъ желаніяхъ, надеждахъ, успѣхахъ и неудачахъ.

Ліодоръ наименовалъ Эмилію — и всѣ закричали: „какъ ты щастливъ, естьли она тебя любитъ!“ Эмилія была одною изъ первыхъ Москихъ красавицъ. Ліодоръ вынулъ изъ записной книжки портретъ ея съ девизомъ: *твоя до гроба*! Восклицанія: „какъ ты щастливъ!“ повторялись. „Ахъ! благодарю Судьбу!“ сказалъ онъ: „кто имѣетъ прелестную невѣсту, вѣрнаго друга, добрыхъ пріятелей и 24 года отъ роду, тому не чего болѣе желать въ свѣтѣ!“ Ліодоръ, говоря такимъ образомъ, съ горячностію обнималъ Милона, нѣжнаго друга своего. . . . Между тѣмъ свѣчи догорѣли; самое веселье утомило молодыхъ людей: надлежало разстаться, впредь до скораго и радостнаго свиданія.

Ліодоръ и Милонъ поѣхали вмѣстѣ на лодкѣ. Утренняя весенняя заря красила небо, отсвѣчиваясь въ зеркалѣ пышной рѣки. Ліодоръ былъ въ самомъ щастливѣйшемъ распо·

ложенiи, и говорилъ съ тихимъ восторгомъ: *Какъ мила жизнь! какъ все хорошо въ свѣтѣ! Никогда еще душа моя не чувствовала такой живой благодарности къ Творцу!* — На берегу друзья простились; имъ надлежало итти въ разныя стороны. Лiодоръ остановился, взглянулъ назадъ, и видя, что Милонъ также стоитъ на одномъ мѣстѣ и смотритъ на него, бросился еще разъ обнять друга; глаза его наполнились слезами, радостными и сладкими.... Предчувствiемъ бѣдствiя называемъ мы обыкновенно унынiе и тоску безъ извѣстной причины; но иногда таится оно въ какомъ-то необыкновенномъ и неизъяснимомъ сердечномъ удовольствiи. Щастiе, готовясь оставить насъ, представляется сердцу во всей красотѣ своей и ласкаетъ его съ отмѣнною живостiю. Судьба, поднимая руку съ мечемъ, другою сыплетъ цвѣты на жертву

свою. По крайней мѣрѣ я замѣчалъ сей феноменъ.

Ліодоръ нашелъ дома письмо изъ Мо — вы, въ которомъ увѣдомляли его объ Эмиліиной скоропостижной смерти! . . . Есть горести, которыхъ не должно описывать. Всякой по мѣрѣ своей чувствительности можетъ вообразить ихъ.

Прошло около недѣли. Нещастный молодой человѣкъ наконецъ опомнился — и глаза его искали друга. Милонъ во все это время не былъ у него, и даже не присылалъ объ немъ навѣдаться. Такая безпечная холодность казалась Ліодору преступленіемъ въ дружбѣ; онъ самъ поѣхалъ къ нему, чтобы имѣть печальное утѣшеніе сказать: „я въ отчаяніи, а ты не знаешь!“ — У воротъ дому встрѣтился ему Священникъ; на крыльцѣ онъ почувствовалъ духъ ладана,

а въ залѣ увидѣлъ Милона лежащаго на столѣ: онъ умеръ наканунѣ!...

Ліодоръ казался твердымъ: не плакалъ, не жаловался; обнялъ холодный трупъ съ горячностію — и спѣшилъ къ своему начальнику, Графу N. N., который, взглянувъ на него, ужаснулся: на Ліодорѣ не было лица человѣческаго. Онъ требовалъ своей отставки, не сказывая причины. Графъ вообразилъ, что умъ его въ безпорядкѣ, и совѣтовалъ ему ѣхать домой, обѣщая прислать къ нему Доктора. Ліодоръ улыбнулся....Сія усмѣшка была послѣднимъ геройствомъ сердца его. Въ самую ту минуту вошелъ въ кабинетъ къ Графу одинъ изъ молодыхъ людей, съ которыми Ліодоръ за недѣлю передъ тѣмъ ужиналъ на островѣ, — былъ такъ веселъ и щастливъ!...Онъ упалъ въ обморокъ.

Черезъ нѣсколько дней Ліодоръ

уѣхалъ изъ П — а, съ намѣреніемъ, которое для него самого было не ясно; онъ чувствовалъ только, что ему надобно перемѣнить мѣсто, когда судьба его такъ ужасно перемѣнилась. — Открылась М — ва, въ которую воображеніе и сердце его такъ часто летало, и куда онъ надѣялся возвратиться за тѣмъ, чтобы навѣки соединиться съ Эмиліею! .. Ліодоръ велѣлъ ѣхать прямо въ До — ской монастырь. Начинало смеркаться: въ стѣнахъ его царствовала глубокая тишина, разительный образъ спокойствія могилъ, которыми онъ наполненъ. Въ семъ истинномъ жилищѣ мертвыхъ не видно было ни одного живаго существа; одни монументы представлялись взору, столь ужасные для того, кто еще ничего любезнаго не отдавалъ смерти, и столь привѣтливые для горестныхъ, положившихъ во гробъ милое! Между ими и смертію есть какая-

то симпатія .... Ліодоръ былъ тамъ нѣкогда съ Эмиліею и вмѣстѣ съ нею плакалъ надъ гробомъ ея матери: подлѣ сего монумента лежалъ новой камень ... Сердце нещастнаго любовника затрепетало; онъ бросился на колѣни — цѣловалъ, омывалъ слезами Эмиліину могилу — говорилъ съ мертвою какъ съ живою — описывалъ ей отчаяніе любви своей — душа его дѣлилась между небомъ и землею, стремясь къ остаткамъ тлѣннаго бытія любовницы и къ тому, что составляло жизнь и красоту его ... Въ сіи минуты, когда сердце рвется къ милымъ усопшимъ, подымается нѣкоторымъ образомъ таинственная завѣса вѣчности: мы чувствуемъ дыханіе безсмертныхъ — осязаемъ, кажется, эѳирное существо ихъ. Живость сихъ восторговъ заставляетъ васъ думать, что они не совсѣмъ мечтательны, и что смерть не есть совершен-

ный разрывъ сердецъ, которыя жили однимъ чувствомъ. Естьли мы, оставленные, умѣемъ нѣжно хранить память любезныхъ, то не уже ли они въ другой сферѣ бытія совсѣмъ нечувствительны къ нашей горести? Развѣ безсмертіе научило ихъ неблагодарности и непостоянству? какіе законы не уступятъ силѣ любви, когда надобно утѣшить милаго? и что останется нетлѣннаго въ душѣ, естьли въ ней любовь исчезаетъ?... Но сіи восторги не продолжительны; душа низпадаетъ въ горестную существенность и не находитъ вокругъ себя ничего, кромѣ безмолвія и непроницаемости гробовъ, а въ чувствахъ своихъ одинъ слабый лучь надежды.

Въ семъ монастырѣ и въ сей вечеръ Ліодоръ видѣлъ одного старца, котораго Христіянская бесѣда чудеснымъ образомъ успокоила его сердце. Старецъ, говоря о суетѣ

міра, указывалъ на гробы!.. Онъ утѣшалъ молодаго человѣка, но единственно такъ, какъ утѣшаетъ Религія — не мечтами, не видами новыхъ удовольствій въ жизни, а необходимостію покоряться таинственной волѣ Всевышняго.

Ліодоръ поѣхалъ въ свою деревню въ Во — ской Губерніи, окруженную густыми лѣсами. Не далеко оттуда есть монастырь, основанный (какъ говоритъ преданіе) въ шестомъ-надесять вѣкѣ однимъ нещастнымъ отцомъ и супругомъ, который служилъ въ войскѣ Царя, возвратился въ свое помѣстье и не нашелъ ни дому, ни жены, ни дѣтей: они сгорѣли во время его отсутствія. Онъ построилъ монастырь и былъ въ немъ первымъ монахомъ. Ліодоръ рѣшился слѣдовать его примѣру и навѣки отказаться отъ міра. Начальникъ тамошняго Духовен-

ства, мужъ благоразумный, совѣтовалъ ему прежде испытать сердце свое, и назначилъ для него три года искуса. Молодой человѣкъ поселился въ сей уединенной обители, и два года служилъ примѣромъ строгой жизни древнихъ Христіянскихъ отшельниковъ. Господинъ П *** (который разсказывалъ своимъ пріятелямъ сей анекдотъ) видѣлъ его въ исходѣ втораго года: Ліодоръ казался въ душѣ и въ сердцѣ мертвымъ для свѣта; на блѣдномъ лицѣ его изображалось какое-то величественное спокойствіе; онъ не хотѣлъ даже говорить о своихъ нещастіяхъ и потеряхъ.— Господинъ П *** увидѣлся съ нимъ въ другой разъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: Ліодоръ обрадовался ему, повелъ его гулять въ лѣсъ, и закраснѣвшись указалъ ему на одномъ деревѣ имя Эмиліи. Слезы полились изъ глазъ его; онъ началъ говорить объ ней; разсказывалъ всѣ

обстоятельства своей исторіи съ великою живостію, и слушалъ съ великимъ вниманіемъ, когда Господинъ П***, удивленный его перемѣною, совѣтовалъ ему возвратиться въ свѣтъ. „Нѣтъ!" отвѣчалъ молодой человѣкъ: „я не хочу быть предметомъ насмѣшекъ. — Вотъ гробъ мой!" примолвилъ онъ со вздохомъ, входя въ монастырскія ворота.

Черезъ полгода Господинъ П*** узналъ, что Ліодоръ умеръ, *будучи выгнанъ изъ монастыря за непристойныя поступки*, которыхъ я не хочу описывать! !... Вотъ феноменъ человѣческаго сердца!

Нѣтъ, нѣтъ! будемъ нещастливы, когда угодно Провидѣнію отнимать у насъ радости, но останемся на сценѣ до послѣдняго дѣйствія — останемся въ училищѣ горестей до той минуты, какъ таин-

ственный звонокъ перезоветъ насъ въ другое мѣсто! — А вы, молодые люди, въ нещастіяхъ и въ потеряхъ своихъ не обманывайте себя мыслію, что рана ваша неизцѣлима: нѣтъ! юное сердце, пылая жизнію, излечается отъ горестей собственною внутреннею силою — и сіе выздоровленіе обновляетъ его чувствительность къ удовольствіямъ жизни. — Иное дѣло, когда человѣкъ, подобно вечернему солнцу, приближается къ своему западу: тогда единственно утраты бываютъ невозвратимы; но и тогда, чтобы не дѣйствовать вопреки плану Натуры, не должно умирать для свѣта прежде смерти. Естьли между гробомъ и нами нѣтъ уже никакого земнаго желанія; естьли не можемъ наконецъ быть дѣятельны для своего щастія, то будемъ дѣятельны хотя для разсѣянія, хотя для удовольствія другихъ людей, опираясь на якорь Ре-

лигіи, которая, подобно надеждѣ, бросаетъ его человѣку въ бѣдствіяхъ, но не обманываетъ человѣка такъ, какъ надежда, ибо ничего не обѣщаетъ ему въ здѣшнемъ свѣтѣ!

О КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ И ЛЮБВИ КО ЧТЕНІЮ ВЪ РОССІИ.

За 25 лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, которыя не продавали въ годъ ни на 10 тысячь рублей. Теперь ихъ 20, и всѣ вмѣстѣ выручаютъ онѣ ежегодно около 200,000 рублей. Сколько же въ Россіи прибавилось любителей чтенія? Это пріятно всякому, кто желаетъ успѣховъ разума, и знаетъ, что любовь ко чтенію всего болѣе имъ способствуетъ.

Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на откупъ Университетскую Типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отда-

валъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всѣми способами старался пріохотить Публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый Голландскій или Англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель: то есть, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось Московскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ: Г. Новиковъ сдѣлалъ ихъ гораздо богатѣе содержаніемъ, прибавилъ къ политическимъ разныя другія статьи, и наконецъ выдавалъ при Вѣдомостяхъ безденежно Дѣтское Чтеніе, которое новостію своего предмета и разнообразіемъ матеріи, несмотря на ученическій переводъ многихъ піесъ, нравилось Публикѣ. Число Пренумерантовъ ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ десять дошло до 4000. Съ 1797 году газеты сдѣлались важны для

Россіи Высочайшими Императорскими приказами и другими государственными извѣстіями, въ нихъ вносимыми; и теперь расходится Московскихъ около 6000: безъ сомнѣнія еще мало, когда мы вообразимъ величіе Имперіи, но много въ сравненіи съ прежнимъ расходомъ; и едва ли въ какой нибудь землѣ число любопытныхъ такъ скоро возрастало, какъ въ Россіи. Правда, что еще многіе дворяне, и даже въ хорошемъ состояніи, не берутъ газетъ; но за то купцы, мѣщане любятъ уже читать ихъ. Самые бѣдные люди подписываются, и самые безграмотные желаютъ знать, *что пишутъ изъ чужихъ земель!* Одному моему знакомцу случилось видѣть нѣсколько пирожниковъ, которые, окруживъ чтеца, съ великимъ вниманіемъ слушали описаніе сраженія между Австрійцами и Французами. Онъ спросилъ и узналъ, что пятеро изъ нихъ скла-

дываются и берутъ Московскія газеты, хотя четверо не знаютъ грамоты; но пятой разбираетъ буквы, а другіе слушаютъ.

Наша книжная торговля не можетъ еще равняться съ Нѣмецкою, Французскою или Англійскою; но чего не льзя ожидать отъ времени, судя по ежегоднымъ успѣхамъ ея? Уже почти во всѣхъ Губернскихъ городахъ есть книжныя лавки; на всякую ярманку, вмѣстѣ съ другими товарами, привозятъ и богатства нашей Литтературы. Такъ на примѣръ сельскія дворянки на Макарьевской ярманкѣ запасаются не только чепцами, но и книгами. Прежде торгаши ѣзжали по деревнямъ съ лентами и перстнями: нынѣ ѣздятъ они съ *ученымъ товаромъ*, и хотя по большой части сами не умѣютъ читать, но желая прельстить охотниковъ, разсказываютъ содержаніе романовъ и комедій, правда по-своему и весьма

забавно. Я знаю дворянъ, которые имѣютъ ежегоднаго дохода не болѣе 500 рублей, но собираютъ, по ихъ словамъ, *библіотеки*, радуются ими, и между тѣмъ, какъ мы бросаемъ, куда попало, богатыя изданія Вольтера, Бюффона, они не дадутъ упасть пылинкѣ на самаго Мирамонда; читаютъ каждую книгу нѣсколько разъ, и перечитываютъ съ новымъ удовольствіемъ.

Любопытный пожелаетъ, можетъ быть, знать, какого роду книги у насъ болѣе всего расходятся? Я спрашивалъ о томъ у многихъ книгопродавцевъ, и всѣ не задумавшись отвѣчали: „романы!" Не мудрено: сей родъ сочиненій есть безъ сомнѣнія самый любопытнѣйшій для большей части Публики, занимая сердце и воображеніе, представляя картину свѣта и подобныхъ намъ людей въ любопытныхъ положеніяхъ, изображая сильнѣйшую и при томъ самую обы-

кнозенную страсть въ ея разнообразныхъ дѣйствіяхъ. Не всякой можетъ философствовать или ставить себя на мѣстѣ Героевъ Исторіи; но всякой любитъ, любилъ или хотѣлъ любить, и находитъ въ романическомъ Героѣ самого себя. Читателю кажется, что Авторъ говоритъ ему языкомъ собственнаго его сердца; въ одномъ романѣ питаетъ надежду, въ другомъ пріятное воспоминаніе. Въ семъ родѣ у насъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе переводовъ, нежели сочиненій, и слѣдственно иностранные Авторы перебиваютъ славу у Рускихъ. Теперь въ страшной модѣ Коцебу — и какъ нѣкогда Парижскіе книгопродавцы требовали *Персидскихъ писемъ* отъ всякаго Сочинителя, такъ наши книгопродавцы требуютъ отъ переводчиковъ и самыхъ Авторовъ Коцебу, одного Коцебу!! Романъ, сказка, хорошее или дурное — все одно, естьли на титулѣ имя славнаго Коцебу!

Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь: лишь бы только читали! И романы, самые посредственные, — даже безъ всякаго таланта писанные, способствуютъ нѣкоторымъ образомъ просвѣщенію. Кто плѣняется *Никаноромъ, злощастнымъ дворяниномъ*, тотъ на лѣсницѣ умственнаго и моральнаго образованія стоитъ еще ниже его Автора, и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія чему нибудь научается въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи. Какъ скоро между Авторомъ и читателемъ велико разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго, какъ бы онъ уменъ ни былъ. Надобно всякому что нибудь поближе: одному Жанъ-Жака, другому Никанора. Какъ вкусъ физическій вообще увѣдомляетъ насъ о согласіи пищи съ нашею потребностію, такъ вкусъ нравственный открываетъ человѣку вѣрную анало-

гію предмета съ его душею; но сія душа можетъ возвыситься постепенно — и кто начинаетъ *Злощастнымъ дворяниномъ*, не рѣдко доходитъ до Новой Элоизы.

Всякое пріятное чтеніе имѣетъ вліяніе на разумъ, безъ котораго ни сердце не чувствуетъ, ни вообраafженіе не представляетъ. Въ самыхъ дурныхъ романахъ есть уже нѣкоторая Логика и Реторика: кто ихъ читаетъ, будетъ говорить лучше и связнѣе совершеннаго невѣжды, который въ жизнь свою не раскрывалъ книги. Къ тому же нынѣшніе романы богаты всякаго рода познаніями. Авторъ, вздумавъ написать три или четыре тома, прибѣгаетъ ко всѣмъ способамъ занять ихъ, и даже ко всѣмъ наукамъ: то описываетъ какой нибудь Американской островъ, истощая Бишинга; то изъясняетъ свойство тамошнихъ растѣній, справляясь съ Бомаромъ; такимъ обра-

зомъ читатель узнаетъ и Географію и Натуральную Исторію; и я увѣренъ, что скоро въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ романѣ новая Планета Піацци будетъ описана еще обстоятельнѣе, нежели въ Петербургскихъ Вѣдомостяхъ!

Напрасно думаютъ, что романы могутъ быть вредны для нравственности; всѣ они имѣютъ обыкновенно моральную цѣль или представляютъ моральное слѣдствіе. Правда, что нѣкоторые характеры въ нихъ бываютъ вмѣстѣ и приманчивы и порочны; но чѣмъ же они приманчивы? нѣкоторыми добрыми свойствами, которыми Авторъ закрасилъ ихъ черноту: слѣдственно добро и въ самомъ злѣ торжествуетъ. Нравственная природа наша такова, что не угодишь сердцу изображеніемъ дурныхъ людей и не сдѣлаешь ихъ никогда его любимцами. Какіе романы болѣе всѣхъ нравятся? обыкновенно чув-

ствительные; слезы, проливаемыя читателями, текутъ всегда отъ любви къ добру и питаютъ ее. Нѣтъ, нѣтъ! дурные люди и романовъ не читаютъ. Жестокая душа ихъ не принимаетъ кроткихъ впечатлѣній любви и не можетъ заниматься судьбою нѣжности. Гнусный корыстолюбецъ, эгоистъ, найдетъ ли себя въ прелестномъ романическомъ Героѣ? а что ему нужды до другихъ? Неоспоримо то, что романы дѣлаютъ и сердце и воображеніе... *романическимъ*: какая бѣда? тѣмъ лучше въ нѣкоторомъ смыслѣ для насъ, жителей холоднаго и желѣзнаго сѣвера! Безъ сомнѣнія не романическія сердца причиною того зла въ свѣтѣ, на которое вездѣ слышимъ жалобы, но грубыя и холодныя, то есть совсѣмъ имъ противоположныя! Романическое сердце огорчаетъ себя болѣе, нежели другихъ; но за то оно любитъ свои

огорченія, и не отдастъ ихъ за самыя удовольствія эгоистовъ.

Однимъ словомъ: хорошо, что наша Публика и романы читаетъ!

О СЛУЧАЯХЪ И ХАРАКТЕРАХЪ ВЪ РОССІЙСКОЙ ИСТОРІИ, КОТОРЫЕ МОГУТЪ БЫТЬ ПРЕДМЕТОМЪ ХУДОЖЕСТВЪ.

Писмо къ Господину N. N.

Мысль, задавать художникамъ предметы изъ отечественной Исторіи, достойна вашего Патріотизма, и есть лучшій способъ оживить для насъ ея великіе характеры и случаи, особливо пока мы еще не имѣемъ краснорѣчивыхъ Историковъ, которые могли бы поднять изъ гроба знаменитыхъ предковъ нашихъ и явить тѣни ихъ въ лучезарномъ вѣнцѣ славы. Таланту Рускому всего ближе и любезнѣе прославлять Руское, въ то щастливое время, когда Монархъ и Самое Провидѣніе зовутъ насъ къ

истинному народному величію. Должно пріучить Россіянъ къ уваженію собственнаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновеній Артиста и сильныхъ дѣйствій Искусства на сердце. Не только Историкъ и Поэтъ, но и живописецъ и ваятель бываютъ органами Патріотизма. Естьли историческій характеръ изображенъ разительно на полотнѣ или мраморѣ, то онъ дѣлается для насъ и въ самыхъ лѣтописяхъ занимательнѣе; мы любопытствуемъ узнать источникъ, изъ котораго художникъ взялъ свою идею, и съ большимъ вниманіемъ входимъ въ описаніе дѣлъ человѣка, помня, какое живое впечатлѣніе произвелъ въ насъ его образъ. Я не вѣрю той любви къ отечеству, которая презираетъ его лѣтописи, или не занимается ими; надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно имѣть свѣдѣніе о прошедшемъ.

Вы говорите о трехъ историческихъ картинахъ, уже написанныхъ въ нашей Академіи Художествъ: содержаніе ихъ достойно похвалы. *Взятіе Казани, избраніе Михаила Θеодоровича* и *Полтавское сраженіе* представляютъ намъ важныя эпохи Россійской Исторіи. Разрушеніе Казанскаго царства запечатлѣло независимость Россіи, славно освобожденной отъ ига Татарскаго дѣдомъ Царя Іоанна Васильевича, истинно великимъ Княземъ Іоанномъ. Съ воцареніемъ Романовыхъ отечество наше — говоря простыми Рускими словами — *увидѣло свѣтъ*: мятежи прекратились, и Россія начала возрастать въ величіи и славѣ съ какою-то удивительно стройною постепенностію. А Полтавкое сраженіе утвердило или, лучше сказать, основало первенство Россіи на сѣверѣ. Я надѣюсь, что художники, почтивъ такимъ образомъ сіи три важныя

эпохи, удовлетворили и всѣмъ особеннымъ требованіямъ Искусства въ изображеніи дѣйствія.

Зная совершенно Исторію нашу, имѣя вкусъ просвѣщенный и любовь къ художествамъ, которая уже предполагаетъ основательныя свѣдѣнія въ ихъ правилахъ и красотахъ, вы еще хотите совѣтоваться съ другими въ разсужденіи дальнѣйшаго выбора предметовъ для живописцевъ и ваятелей. Мнѣ остается быть благодарнымъ за честь вашей довѣренности — и безъ дальнѣйшихъ оговорокъ пустой учтивости отдаю вамъ на судъ нѣкоторыя мысли свои, не вмѣшиваясь въ права художниковъ, а говоря единственно какъ любитель отечественной Исторіи, имѣющій только самую легкую идею о красотахъ Искусства.

Я желалъ бы видѣть на картинѣ самое начало Россійской Исторіи, то есть, призваніе Варяж-

скихъ Князей въ Славянскую землю. Художникъ могъ бы изобразить трехъ славныхъ братьевъ съ товарищами ихъ на ловлѣ, которая была любимымъ упражненіемъ сѣверныхъ народовъ. Послы Славянъ, Чуди и Кривичей окружаютъ Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляетъ ихъ говорить Несторъ. Рюрикъ, опершись на лукъ свой, задумался. Синеусъ и Труворъ (или, справедливѣе, Триворнъ) совѣтуются между собою. Нѣкоторые изъ ихъ товарищей занимаются ловлею; другіе, узнавъ о прибытіи Славянъ, спѣшатъ къ нимъ. Послы говорятъ другъ съ другомъ, удивляясь величественной красотѣ Варяжскихъ Князей. Взоры ихъ всего болѣе обращаются на глубокомысленнаго Рюрика, съ желаніемъ, чтобы онъ согласился повелѣвать землею Славянскою, богатою, прекрасною, но смятенною внутренними раздорами. — Худож-

никъ отличитъ лица Славянскія отъ Варяжскихъ: первыя должны быть нынѣшнія Рускія, а за образецъ послѣднихъ надобно взять Шведскія, Норвежскія или Датскія. Варяги были Норманцы: симъ общимъ именемъ назывались, какъ извѣстно, жители упомянутыхъ трехъ земель.

Естьли бы Гостомыслъ былъ въ самомъ дѣлѣ историческимъ характеромъ, то мы конечно бы захотѣли его изображенія; но Несторъ не говоритъ объ немъ ни слова; а всѣ другія лѣтописи слишкомъ новы, баснословны и списаны съ Польскихъ, также весьма новыхъ и баснословныхъ. Я бьюсь объ закладъ, что прежде 16 вѣка, или прежде Стриковскаго, нигдѣ не упоминалось о Гостомыслѣ; Несторъ жилъ въ первомъ-надесять и не имѣлъ объ немъ идеи. Это кажется мнѣ рѣшительнымъ. — Вадимъ *храбрый*

принадлежитъ также къ баснословію нашей Исторіи.

Олегъ, побѣдитель Грековъ, героическимъ характеромъ своимъ можетъ воспламенить воображеніе художника. Я хотѣлъ бы видѣть его въ ту минуту, какъ онъ прибиваетъ щитъ свой къ Цареградскимъ воротамъ, въ глазахъ Греческихъ вельможъ и храбрыхъ его товарищей, которые смотрятъ на сей щитъ какъ на вѣрную цѣль будущихъ своихъ подвиговъ. Въ эту минуту Олегъ могъ спросить: *кто болѣе и славнѣе меня въ свѣтѣ?*

Сей же Князь можетъ быть предметомъ картины другова роду — *философической,* естьли угодно. Во всякихъ старинныхъ лѣтописяхъ есть басни, освященныя древностію и самымъ просвѣщеннымъ Историкомъ уважаемыя, особливо, естьли онѣ представляютъ *живыя черты времени*, или заключаютъ въ себѣ мораль, или остроумны. Та-

кова есть басня о смерти Олего-
вой. Волхвы предсказали ему, что
онъ умретъ отъ любимаго коня
своего. Геройство не спасало то-
гда людей отъ суевѣрія: Олегъ,
повѣривъ волхвамъ, удалилъ отъ
себя любимаго коня; вспомнилъ объ
немъ черезъ нѣсколько лѣтъ —
узналъ, что онъ умеръ — захотѣлъ
видѣть его кости — и толкнувъ
ногою черепъ, сказалъ: „это ли для
меня опасно?" Но змѣя скрывалась
въ черепѣ, ужалила Олега въ ногу,
и Герой, побѣдитель Греческой Им-
періи, умеръ отъ насѣкомаго. Впе-
чатлѣніе сей картины должно
быть (какъ я сказалъ) философиче-
ское, моральное: *помни тлѣнность
человѣческой жизни!* Я изобразилъ бы
Олега въ то мгновеніе, какъ онъ
съ видомъ презрѣнія отталкиваетъ
черепъ; змѣя выставляетъ голову,
но еще не ужалила его: чувство
боли и выраженіе ея непріятны
въ лицѣ геройскомъ. За нимъ сто-

ятъ войны съ Греческими трофеями, въ знакъ одержанныхъ имъ побѣдъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи можно представить одного изъ волхвовъ, который смотритъ на Олега съ видомъ значительнымъ.

Ольга есть Героиня нашихъ древнихъ лѣтописей, которыя разсказываютъ чудеса объ ея хитрости. Художнику должно воспользоваться симъ знаменитымъ историческимъ характеромъ: ему остается выбрать любое изъ десяти возможныхъ *представленій*. Захочетъ ли онъ изобразить Ольгу въ ту минуту, какъ она, пылая местію въ сердцѣ за убіеніе супруга, и скрывая гнѣвъ свой подъ видомъ ласки, принимаетъ у себя въ теремѣ пословъ Древлянскихъ; или когда на могилѣ Игоревой отправляетъ тризну (что подаетъ художнику случай представить древніе обряды язычества); или когда она, среди торжественнаго великолѣпія

Греческой Религіи, крестится въ Царѣ-Градѣ. Но я знаю, что художники не любятъ старыхъ женскихъ лицъ: а Ольга въ это время была уже не молода. И такъ они могутъ изобразить ея сговоръ. На примѣръ: Олегъ подводитъ ее къ молодому Игорю, которой съ восхищеніемъ радостнаго сердца смотритъ на красавицу, невинную, стыдливую, воспитанную въ простотѣ древнихъ Славянскихъ нравовъ. За нею стоитъ мать ея, о которой нѣтъ хотя ни слова въ лѣтописяхъ, но которая присутствіемъ и благороднымъ видомъ своимъ должна дать намъ хорошую идею о нравственномъ образованіи Ольги: ибо во всякомъ вѣкѣ и состояніи одна нѣжная родительница можетъ наилучшимъ образомъ воспитать дочь. Живописецъ изобразитъ приготовленія къ сговору по своей фантазіи. Одинъ почтенный Россіянинъ думаетъ, что Славяне не имѣли жрецовъ: не смѣю

противорѣчить ему, и знаю, что Несторъ объ нихъ не упоминаетъ, говоря только о волхвахъ; однакожь Артистъ могъ бы представить на сей картинѣ священныхъ служителей Лады и Полели, чтобы обогатить ея содержаніе.

Никто изъ древнихъ Князей Россійскихъ не дѣйствуетъ такъ сильно на мое воображеніе, какъ Святославъ, не только храбрый витязь, не только ужасъ Грековъ (которые стращали дѣтей своихъ именемъ *Сфендосолава*: такъ они называли его), но и прямодушный рыцарь. Еще дѣтскою рукою бросивъ копье въ Древлянъ, убійцъ его родителя, онъ не только всю жизнь свою провождалъ въ полѣ, дѣлилъ нужду и труды съ вѣрными товарищами, спалъ на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ; но, любя славу любилъ и строгую воинскую честность. Несторъ,

скупой на слова, не забылъ сей великой черты характера его: *Святославъ никогда не хотѣлъ нападать нечаянно, но всегда напредъ обьявлялъ войну* (что, въ тогдашнія варварскія времена, было безпримѣрно). Сей Герой любезенъ намъ и по тому, что въ жилахъ его текла уже кровь Славянская, и что онъ первый изъ Рускихъ Князей назывался именемъ языка нашего. Рюрикъ, Олегъ, Игорь, были иностранцы; Святославъ родился отъ Славянки. Художникъ, знакомый съ *мысленнымъ образцемъ* Геройства и съ духомъ времени, представитъ намъ, какъ сей древній Суворовъ Россіи, привыкнувъ надѣяться на судьбу, видитъ себя окруженнаго со всѣхъ сторонъ Греками. Вѣрная дружина его, изумленная ихъ безчисленнымъ множествомъ, въ первый разъ уныла: побѣда казалась ей наконецъ невозможною. Святославъ говоритъ рѣчь, достойную Спартанца или

Славянина: рѣчь, которую всѣ наши Историки хотѣли украсить, но которая прекрасна только въ Несторѣ, и безъ сомнѣнія не есть выдумка: ибо сей доброй старецъ не умѣлъ бы такъ хорошо выдумать. Князь, сказавъ: *ляжемъ здѣ костьми; мертвые бо срама не имутъ,* обнажаетъ мечь свой: вотъ минута для живописца! Святославовы витязи (которыхъ онъ изобразитъ, сколько хочетъ) въ быстромъ движеніи геройскаго вдохновенія также извлекаютъ мечи, машутъ копьями, гремятъ щитами, и проч. Вдали можно представить Греческій необозримый станъ. —Думаю, что искусный Артистъ найдетъ способъ оживить сію картину.

Владиміра хотѣлъ бы я видѣть въ то мгновеніе, какъ Епископъ Корсунскій, возложивъ на него послѣ крещенія руку, возвращаетъ ему зрѣніе. Сею картиною ознаме-

новалась бы великая эпоха въ нашей Исторіи: введеніе Христіянской Религіи, и художникъ могъ бы обнаружить весь свой талантъ въ выраженіи лицъ Владиміра, Царевны Анны, и въ щастливомъ расположеніи другихъ фигуръ: Греческихъ вельможъ, Духовныхъ, и Владиміровыхъ полководцевъ. Въ разсужденіи Царевны я замѣтилъ бы одно: лицо ея должно сіять только небесною, благочестивою радостію; она выходитъ за Владиміра не по земной любви, а желая единственно обратить его въ Христіянство.

Кто безъ жалостнаго чувства можетъ вообразить прекрасную и нещастную Рогнѣду, названную отъ великихъ горестей ея трогательнымъ именемъ *Гориславы?* Владиміръ разорилъ отечество ея, умертвилъ родителей, братьевъ, и, къ довершенію своихъ жесто-

костей (*), женился на сей отчаянной плѣнницѣ. Онъ могъ бы еще вѣрною любовію примирить съ собою нѣжное сердце женщины; но, удовлетворивъ страсти, Князь хочетъ удалить супругу. Тогда оскорбленная любовь возобновляетъ въ памяти своей всѣ злодѣянія жестокаго и неблагодарнаго Владиміра, и Горислава, подкрѣпляемая ученіемъ языческой вѣры, которая ставила месть въ число добродѣтелей, рѣшится умертвить его. Онъ въ послѣдній разъ приходитъ къ ней и засыпаетъ въ ея теремѣ: Рогнѣда беретъ ножъ — медлитъ — и Князь, просыпаясь, вырываетъ смертоносное оружіе изъ дрожащихъ рукъ ея. Тутъ Горислава, въ изступленіи отчаянія, исчисляетъ всѣ свои оскорбленія и его

(*) Это было до его крещенія. Святая Религія еще не дѣйствовала въ немъ своею благодатію.

жестокости. . . . Я, кажется, вижу передъ собою изумленнаго и наконецъ тронутаго Владиміра; вижу нещастную, вдохновенную сердцемъ Гориславу, въ безпорядкѣ ночной одежды, съ растрепанными волосами . . . Комната освѣщена лампадою; видны только самыя простыя украшенія и рѣзный образъ Перуна, стоящій въ углу. Владиміръ приподнялся съ ложа и держитъ въ рукѣ вырванный имъ ножъ; онъ слушаетъ Рогнѣду съ такимъ вниманіемъ, которое доказываетъ, что ея слова уже глубоко проникли къ нему въ душу. — Мнѣ кажется, что сей предметъ трогателенъ и живописенъ.

Бой славнаго въ нашихъ лѣтописяхъ отрока Переяславля съ Печенѣжскимъ силачемъ достоинъ искусной кисти. Художникъ самъ выберетъ *моментъ* (*): изобразитъ

(*) Слово техническое, котораго смыслъ едва ли можно выразить *мгновеніемъ*.

ли ихъ въ усиліяхъ борьбы, въ напряженіи всѣхъ мускуловъ, или въ то мгновеніе, какъ Руской ударилъ головою Печенѣга, и какъ сей падаетъ? Эта побѣда была спасительна для отечества: Владиміръ, въ честь отрока, назвалъ его именемъ новый городъ Переяславль. Кажется, что надобно представить только двухъ свидѣтелей сего поединка: Князей Печенѣжскаго и Рускаго, которые берутъ въ немъ живое участіе. Художникъ могъ бы показать великое искусство въ выразительной игрѣ ихъ лица и движеній. — Въ семъ же родѣ можно написать еще двѣ картины: бореніе Мстислава, Князя Тмутараканскаго, съ Касожскимъ Княземъ Редедею, великаномъ и богатыремъ (котораго онъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій, наконецъ ударивъ объ землю, стушилъ ему ногою на горло), и поединокъ —правда, баснословный — Влади-

міра Мономаха съ Генуэзскимъ (Кафинскимъ или Θеодосійскимъ) воеводою, которато онъ махомъ копья *изъ сѣдла высадилъ*, и, связавъ, привелъ вооруженнаго къ своему войску (*).

Ярославъ, сынъ Владиміровъ, хотѣлъ просвѣтить Россію, учреждалъ школы, давалъ законы, велѣлъ перевести многія книги на Славянской языкъ. Вотъ мысль для картины: „Ярославъ одною рукою „развертываетъ свитокъ законовъ, „а въ другой держитъ мечь, готовый наказать преступника. Вельможи Новгородскіе становятся на „колѣна и съ видомъ смиренія пріемлютъ ихъ отъ Князя и меча „его. За Ярославомъ стоятъ монахи съ переведенными книгами, „въ знакъ того, что онъ въ нихъ

(*) Несторъ не говоритъ о томъ. Даже и Генуэзцевъ еще не было тогда въ Тавридѣ.

„почерпнулъ нѣкоторыя идеи для „своего законодательства.“ — Хорошо также изобразить Ярослава молящагося въ полѣ передъ сраженіемъ съ лютымъ Святополкомъ, на восходѣ солнца, и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь святаго Бориса, за которую Ярославъ хотѣлъ быть мстителемъ.

Нѣкоторые изъ Критиковъ Россійской Исторіи не хотятъ вѣрить, чтобы Генрихъ I, Король Французскій, былъ женатъ на Ярославовой дочери Аннѣ, по тому, что лѣтописи наши молчатъ о семъ бракѣ; что отдаленная Франція не имѣла тогда никакой связи съ Россіею, и что различіе вѣръ долженствовало быть препятствіемъ для такого союза. На сію критику возражаемъ: 1) что наши лѣтописи весьма не полны; 2) что всѣ Французскія согласно называютъ супругу Генриха *Рускою Принцессою* Анною, дочерью Ярослава (имена,

которыя безъ сего случая едва ли могли бы имъ быть извѣстны); 3) что еще гораздо прежде (въ девятомъ вѣкѣ, по лѣтописямъ Бертинскаго монастыря) были уже во Франціи послы Рускіе; что войны и тракташы нашихъ Князей съ Константинополемъ, съ Польшею и Венгріею, распространяли ихъ славу въ Европѣ; 4) что Политика могла заставить и Генриха и Ярослава войти въ сей союзъ, и что привязанность одного къ Восточной, а другова къ Западной Церкви, долженствовала уступить государственной пользѣ: ибо люди едва ли не всегда предпочитали земныя выгоды небеснымъ. Однимъ словомъ, замужство Анны Ярославовны имѣетъ всю историческую достовѣрность — и я хотѣлъ бы оживить на полотнѣ сію любезную Россіянку; хотѣлъ бы видѣть, какъ она со слезами принимаетъ благословеніе Ярослава,

отдающаго ее Посламъ Французскимъ. Это занимательно для воображенія и трогательно для сердца. Оставить навсегда отечество, семейство и милые навыки скромной дѣвической жизни, чтобы ѣхать на край свѣта, съ людьми чужими, которые говорили непонятнымъ языкомъ и молились (по тогдашнему образу мыслей) другому Богу!... Здѣсь чувствительность должна быть вдохновеніемъ Артиста... Князь хочетъ казаться твердымъ; но горячность родительская въ сію минуту превозмогаетъ Политику и честолюбіе: слезы готовы излиться изъ глазъ его.... Нещастная мать въ обморокѣ.

Послѣ Владиміра Мономаха видимъ уже менѣе великихъ людей на Княжескихъ тронахъ Россіи. Внутренніе раздоры занимаютъ воинскую и политическую дѣятельность Владѣтелей. Но художе-

ство найдетъ еще богатые для себя предметы, и должно ознаменовать — на примѣръ — важную эпоху начала Москвы. Сказка, что Олегъ основалъ ее, недостойна никакого вниманія. Онъ шелъ изъ Новагорода къ Кіеву прямо черезъ Смоленскъ и не могъ безъ всякой нужды углубиться въ лѣвую сторону, гдѣ встрѣтили бы его болота и пустыни, которыя не представляли ему ни добычи, ни славы побѣдъ. Вообще надобно замѣтить, что сіи древніе завоеватели, пролагая себѣ пути къ извѣстной цѣли черезъ мѣста мало извѣстныя, старались всегда слѣдовать за теченіемъ большихъ рѣкъ, для того, чтобы не имѣть нужды въ водѣ, и что большія рѣки, вбирая въ себя влажность окрестныхъ мѣстъ, не даютъ образоваться непроходимымъ для войска болотамъ. Такимъ образомъ Днѣпръ привелъ Олега отъ Смоленска къ Кіеву. Въ

наше время Историкамъ уже не позволено быть Романистами и выдумывать древнее происхожденіе для городовъ, чтобы возвысить ихъ славу. Москва основана въ половинѣ втораго-надесять вѣка Княземъ Юріемъ Долгорукимъ, храбрымъ, хитрымъ, властолюбивымъ, иногда жестокимъ, но до старости любителемъ красоты, подобно многимъ древнимъ и новымъ Героямъ. Любовь, которая разрушила Трою, построила нашу столицу — и я напомню вамъ сей анекдотъ Руской Исторіи. Прекрасная жена Дворянина Кучки, Суздальскаго Тысяцкаго, плѣнила Юрія. Грубые тогдашніе вельможи смѣялись надъ мужемъ, который, пользуясь отсутствіемъ Князя, увезъ жену изъ Суздаля и заключился съ нею въ деревнѣ своей, тамъ, гдѣ Неглинная впадаетъ въ Москву-рѣку. Юрій, узнавъ о томъ, оставилъ армію и спѣшилъ освободить

красавицу изъ заточенія. Мѣстоположеніе Кучкина села, украшенное любовью въ глазахъ страстнаго Князя, отмѣнно полюбилось ему: онъ жилъ тамъ нѣсколько времени, веселился, и началъ строить городъ. — Мнѣ хотѣлось бы представить начало Москвы *ландшафтомъ* — лугъ, рѣку, пріятное зрѣлище строенія: дерева падаютъ, лѣсъ рѣдѣетъ, открывая виды окрестностей — небольшое селеніе дворянина Кучки, съ маленькою церковью и съ кладбищемъ — Князя Юрія, который, говоря съ Княземъ Святославомъ, движеніемъ руки показываетъ, что тутъ будетъ великой городъ — молодые вельможи занимаются ловлею звѣрей. Художникъ, наблюдая строгую нравственную пристойность, долженъ забыть прелестную хозяйку; но вдали, среди крестовъ кладбища, можетъ изобразить человѣка въ глубокихъ, печальныхъ размышле-

ніяхъ. Мы угадали бы, кто онъ— вспомнили бы трагическій конецъ любовнаго романа—и тѣнь меланхоліи не испортила бы дѣйствія картины.

Но я нечувствительно написалъ довольно страницъ; на сей разъ могу кончить, съ живымъ удовольствіемъ воображая себѣ цѣлую картинную галлерею отечественной Исторіи и дѣйствіе ея на сердце любителей Искусства. Руской, показывая чужестранцу достойные образы нашихъ древнихъ Героевъ, говорилъ бы ему о дѣлахъ ихъ, и чужестранецъ захотѣлъ бы читать наши лѣтописи—хотя въ Левекѣ!

Мы приближились въ историческихъ воспоминаніяхъ своихъ къ бѣдственнымъ временамъ Россіи; и естьли живописецъ положитъ кисть, то ваятель возьметъ рѣзецъ свой, чтобы сохранить память Рускаго геройства въ нещастіяхъ,

которыя болѣе всего открываютъ силу въ характерѣ людей и народовъ. Тѣни предковъ нашихъ, хотѣвшихъ лучше погибнуть, нежели принять цѣпи отъ Монгольскихъ варваровъ, ожидаютъ монументовъ нашей благодарности на мѣстѣ, обагренномъ ихъ кровію. Можетъ ли искусство и мраморъ найти для себя лучшее употребленіе? Пусть въ разныхъ мѣстахъ Россіи свидѣтельствуютъ они о величіи древнихъ сыновъ ея! Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ Патріотизмъ; не однѣ столицы должны быть сферою благословенныхъ дѣйствій художества. Во всѣхъ обширныхъ странахъ Россійскихъ надобно питать любовь къ отечеству и *чувство народное*. Пусть въ залахъ Петербургской Академіи Художествъ видимъ свою Исторію въ картинахъ; но въ Владимірѣ и въ Кіевѣ хочу видѣть памятники геройской жертвы, ко-

торою ихъ жители прославили себя въ 13 вѣкѣ. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ глаза мои ищутъ статуи Минина, который, положивъ одну руку на сердце, указываетъ другою на Московскую дорогу. Мысль, что въ Рускомъ, отдаленномъ отъ столицы городѣ, дѣти гражданъ будутъ собираться вокругъ монумента славы, читать надпись и говорить о дѣлахъ предковъ, радуетъ мое сердце. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолюбіе возрастаютъ въ Россіи съ новыми поколѣніями!.. А тѣ холодные люди, которые не вѣрятъ сильному вліянію *Изящнаго* на образованіе душъ, и смѣются (какъ они говорятъ) надъ *романтическимъ Патріотизмомъ*, достойны ли отвѣта? Не отъ нихъ отечество ожидаетъ великаго и славнаго; не они рождены сдѣлать намъ имя Руское еще любезнѣе и дороже. — Повторимъ истину не-

сумнительную: въ девятомъ-наде-
сять вѣкѣ одинъ тотъ народъ мо-
жетъ быть великимъ и почтен-
нымъ, который благородными Ис-
кусствами, Литтературою и На-
уками способствуетъ успѣхамъ че-
ловѣчества въ его славномъ тече-
нiи къ цѣли умственнаго и мораль-
наго совершенства!

О МОСКОВСКОМЪ МЯТЕЖѢ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСѢЯ МИХАЙЛОВИЧА.

Кровопролитіе, мятежи и бѣдствія составляютъ главную и, къ нещастью, любопытнѣйшую часть всемірныхъ лѣтописей; но Исторія нашего отечества, подобно другимъ описывая жестокія войны и гибельные раздоры, рѣдко упоминаетъ о бунтахъ противъ Властей законныхъ: что служитъ къ великой чести народа Рускаго. Онъ, кажется, всегда чувствовалъ необходимость повиновенія и ту истину, что своевольная управа гражданъ есть во всякомъ случаѣ великое бѣдствіе для государства. Такимъ образомъ народъ Московскій великодушно терпѣлъ всѣ ужа-

сы временъ Царя Ивана Васильевича, всѣ неистовства его Опричныхъ, которые, подобно шайкѣ разбойниковъ, злодѣйствовали въ столицѣ какъ въ землѣ непріятельской. Граждане смиренно приносили жалобу, не находили защиты, безмолвствовали — и только въ храмахъ Царя Царей молили Небо со слезами тронуть, смягчить жестокое сердце Іоанна.

Тѣмъ болѣе удивляется Историкъ Россіи, когда царствованіе Государя добраго, милосердаго, народолюбиваго, представляетъ ему для описанія ужасный бунтъ въ столицѣ и лютое изступленіе народа... Я говорю о *первомъ* мятежѣ, бывшемъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Онъ никѣмъ изъ Рускихъ Писателей не былъ изображенъ подробно и вѣрно; а какъ всякое изъ народныхъ происшествій, самое горестное, оставляетъ для потомства благодѣтель-

ное нравоученіе, то мы вздумали собрать разсѣянныя извѣстія о семъ бѣдственномъ случаѣ, и предлагаемъ ихъ читателю за достовѣрныя.

Царь Алексѣй Михайловичь, подобно своему родителю, въ цвѣтущей юности сдѣлался самодержавнымъ Государемъ. Воспитанный Бояриномъ Морозовымъ, онъ имѣлъ къ нему довѣренность неограниченную, соединенную съ трогательною любовію. Уже Россія наслаждалась миромъ и благоустройствомъ, которое Михаилъ возстановилъ съ великимъ трудомъ и съ явною помощію Неба; но Царь юный и неопытный чувствовалъ нужду въ мудромъ совѣтникѣ для мудраго управленія государствомъ. Къ нещастію, Борисъ Ивановичь Морозовъ не походилъ характеромъ своимъ на добродѣтельнаго Патріарха Филарета, который былъ истиннымъ Геніемъ-хранителемъ

и Царя и царства во времена самыя опасныя: сей Бояринъ славился умомъ, но унижался склонностями и пороками души слабой: завистію, корыстолюбіемъ и пристрастіемъ къ своимъ угодникамъ. Желая властвовать, какъ Годуновъ при Θеодорѣ властвовалъ, онъ не имѣлъ мудрой, глубокой политики сего великаго человѣка, изумлявшаго народъ блескомъ своихъ добродѣтелей, но прибѣгнулъ къ средствамъ хитрости низкой: удалилъ отъ Двора многихъ знаменитыхъ Патріотовъ, особенно же родственниковъ покойной Царицы (*), разослалъ ихъ по городамъ Воеводами, окружилъ Царя ближними людьми своими и пристрастилъ его къ охотѣ, чтобы отвести отъ дѣлъ

(*) Царь Алексѣй Михайловичь, оплакавъ родителя, черезъ нѣсколько дней лишился и матери: тронъ дорого стоилъ его доброму сердцу.

государственныхъ: ибо властолюбивые Министры во всѣхъ земляхъ и во всѣ времена боялись трудолюбія Монарховъ. Наконецъ, къ увѣнчанію своихъ хитростей, онъ показалъ ему двухъ прекрасныхъ дочерей Милославскаго; и когда Государь, влюбясь въ большую, соединился съ нею бракомъ, Морозовъ черезъ десять дней женился на меньшой сестрѣ, надѣясь титломъ Царскаго свояка еще болѣе утвердить права и власть Царскаго Ментора.

Рѣдко случается, чтобы любимцы Государей пользовались любовію народною; ихъ судятъ жестоко, ибо судьею бываетъ зависть, которую трудно обезоружить и добродѣтели. Морозова уважали, но не терпѣли: Бояре за его самовластіе, а народъ за разныя новыя подати и откупы, тогда введенные. Говорили, что онъ убѣдилъ Царя возвысить цѣну на соль и

отдать ее на откупъ Думному Дьяку Назарію Ивановичу Чистову, и что первый Бояринъ выдумываетъ такія монополіи для собственной прибыли. Купечество жаловалось на то, что Правительство запретило употребленіе неклейменыхъ аршиновъ и наложило на казенные высокую цѣну. Но сіи жалобы, едва ли основательныя (*), не

(*) За пудъ соли платили тогда 30 копѣекъ, а прежде 20: такая надбавка не могла быть тягостна и для самыхъ бѣдныхъ людей. Введеніе клейменыхъ аршиновъ было нужно для отвращенія всякихъ обмановъ въ мѣрѣ. Купецъ не разорялся, платя въ казну однажды навсегда шесть или семь гривенъ за желѣзной аршинъ. Но Морозова не любили, и всѣ выдумки его казались преступленіемъ. Налогъ на соль такъ озлобилъ гражданъ, что они стали гораздо менѣе покупать ее, и казна, вмѣсто прибыли, имѣла убытокъ. Между тѣмъ испортилось множество рыбы отъ недосоленія.

могли бы произвести ужаснаго и всеобщаго возмущенія безъ другихъ причинъ, гораздо важнѣйшихъ.

Илья Даниловичь Милославской хотя издавна служилъ при Дворѣ, но былъ весьма небогатый дворянинъ; сдѣлавшись тестемъ Государя, осыпанный вдругъ Его благодѣяніями и возведенный на степень Боярина, онъ старался обратить милость Царскую и на всѣхъ ближнихъ и дальнихъ своихъ родственниковъ, которые скоро заняли важнѣйшія мѣста государственныя. Морозовъ охотно способствовалъ ихъ возвышенію, соединивъ честь и пользу своего рода съ честію и пользою Милославскихъ. Сіи люди, по большей части весьма бѣдные и привыкшіе въ низкой долѣ завидовать богатымъ, съ перемѣною судьбы своей не перемѣнились душею: хотѣли только наживаться и не имѣли гордаго честолюбія древнихъ фамилій Боярскихъ; не

зная стыда, ужаснаго только для сердецъ благородныхъ, не знали и страха: ибо сильный Морозовъ былъ ихъ свойственникомъ и покровителемъ. Двое изъ новыхъ любимцевъ Фортуны сдѣлались особеннымъ предметомъ народной ненависти: Окольничіе Леонтій Плещеевъ и шуринъ его Троханіотовъ. Первый начальствовалъ въ Земскомъ Приказѣ, то есть уголовномъ и гражданскомъ судѣ столицы, и жертвовалъ правдою гнусной корысти съ такимъ безстыдствомъ, съ такою дерзостію, что въ наше время трудно повѣрить разсказамъ о дѣлахъ сего человѣка (*). Онъ разорялъ правыхъ и виноватыхъ; научалъ злодѣевъ доносить на богатыхъ людей, бралъ ихъ подъ стражу, заключалъ въ темницу и предлагалъ имъ выкупать себя деньгами. — Троханіотовъ, будучи гла-

(*) Иностранцы, бывшіе тогда въ Москвѣ, описали ихъ.

вою Пушкарскаго Приказа, имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи оружейные и другіе заводы. По уставу Царскому надлежало всякой мѣсяцъ выдавать жалованье мастеровымъ людямъ, которые на нихъ работали; но Троханіотовъ не думалъ исполнять его, бралъ деньги себѣ, и тирански мучилъ работниковъ, которые смѣли усильно требовать платы и жаловаться. Симъ бѣднымъ людямъ съ ихъ семействами оставалось умереть съ голоду. — Напрасно утѣсненные искали правосудія. Челобитныя, вручаемыя даже самому Государю, не имѣли никакого дѣйствія: ибо онъ, не читая, отдавалъ ихъ на разсмотрѣніе Боярамъ, которые или не хотѣли или боялись обличать виновныхъ, и всякую жалобу представляли ему въ видѣ ложномъ. Граждане Московскіе чувствовали сію несправедливость тѣмъ живѣе, что благодатное царствованіе Михаила пріучило

ихъ къ царству милости и правосудія; времена прежнихъ насилій и безпорядковъ уже заглаждались въ ихъ памяти. Добрый Царь, отдѣленный отъ народа высокою Кремлевскою стѣною, не зналъ, что дѣлается за нею, и не слыхалъ народнаго вопля. Плещеевъ и Троханіотовъ его слышали, но презирали, вмѣстѣ съ другими Боярами веселясь безпечно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своего родственника Милославскаго (*). Морозовъ наслаждался любовію молодой, прекрасной супруги и всѣми удовольствіями власти. Гроза висѣла надъ его головою; но онъ былъ упоенъ своимъ величіемъ, и зная неограниченную къ себѣ милость Царя, не могъ вообразить никакой бѣдственной перемѣны своего жребія.

(*) Царь подарилъ ему домъ въ Кремлѣ; но пышный Милославскій разломалъ его и построилъ новый.

Народъ толпился на красной площади, а въ другихъ частяхъ города собирался передъ церквами; совѣтуясь, что ему дѣлать. Онъ угадывалъ чувствительное сердце юнаго Монарха; былъ увѣренъ, что Царь защитилъ бы своихъ добрыхъ подданныхъ и наказалъ бы неправду чиновниковъ, естьли бы зналъ, что терпятъ одни, и какъ другіе употребляютъ во зло его довѣренность. Въ самомъ дѣлѣ могутъ ли Государи хотѣть народнаго притѣсненія? По крайней мѣрѣ сіи примѣры рѣдки въ Исторіи. Все склоняетъ ихъ къ правосудію и милости: собственная польза, слава и щастіе. Личное благо людей, самыхъ знатнѣйшихъ въ государствѣ, можетъ быть противно общему; только одинъ человѣкъ никогда не бываетъ въ такомъ опасномъ искушеніи добродѣтели — и сей человѣкъ есть Монархъ самодержавный. — Народ-

ныя неудовольствія и совѣщанія были конечно извѣстны двумъ сильнѣйшимъ Боярамъ Рускимъ: Морозову и Милославскому; но они не взяли никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ отвратить мятежъ, и старались, можетъ быть, только закрыть сію тучу отъ Государя, въ безразсудной надеждѣ, что она сама собою разсѣется. Ослѣпленіе властителей бываетъ всегда предтечею государственныхъ бѣдствій. Сіи Бояре могли бы укротить народъ отставкою Плещеева и Трохaніотова; но имъ казалось стыдно покориться общему желанію, и людей своей фамиліи явно признать недостойными чиновниками. Такія ничтожныя побужденія бываютъ для характеровъ слабыхъ сильнѣе государственнаго блага!

Объяснивъ главныя обстоятельства тогдашняго времени, безъ которыхъ не льзя имѣть справедливаго понятія о дѣйствіяхъ, при-

ступаемъ къ горестному описанію мятежа и крайностей народнаго изступленія.

23 Іюня 1648 году (*), въ день Крестнаго Хода въ монастырь Срѣтенской, Царь, отслушавъ тамъ обѣдню, возвращался верхомъ въ Кремлевскій дворецъ свой: многочисленныя толпы народа окружили его на площади. *Стой, Государь!* кричали ему со всѣхъ сторонъ, и схватили за узду лошадь Царскую. Изумленный Монархъ остановился. . . Граждане молили его быть отцемъ своего народа; разсказали все, что они терпятъ отъ судьи неправеднаго, Леонтія Плещеева, и просили съ величайшею покорностію, чтобы Государь защитилъ ихъ и на мѣсто сего жестокаго человѣка посадилъ Боярина честнаго и добросовѣстнаго. Царь слу-

(*) То есть, въ третій годъ царствованія Алексѣя Михайловича.

шалъ съ удивленіемъ и милостиво отвѣтствовалъ, что граждане могутъ быть покойны; что онъ самъ изслѣдуетъ дѣло и накажетъ виновнаго. Народъ громогласно изъявилъ благодарность Монарху, и восклицанія: *здравія и многія лѣта нашему Царю-Государю!* провожали его до Спасскихъ воротъ.

Такимъ образомъ все могло кончиться мирно, законно и благополучно. Еще народъ не былъ преступникомъ: онъ пожаловался только своему отцу и Монарху на судію недостойнаго; желалъ единственно отставки Плещеева: не требовалъ даже и его наказанія; умолчалъ о всѣхъ другихъ неудовольствіяхъ своихъ и людяхъ, ему ненавистныхъ. Такая умѣренность предвѣщала ли злодѣйства, которымъ надлежало совершиться въ сей день, бѣдственный для Москвы и цѣлой Россіи?.. Къ нещастію, нѣкоторые чиновники, прискакавъ

за Царемъ на площадь, и слыша, что сдѣлалось, безразсудно вступились за Леонтія Плещеева, начали укорять гражданъ мятежною дерзостію — даже бить ихъ, топтать лошадьми.... Тутъ искры бунта воспылали. Граждане забыли власть законовъ и присвоили себѣ насильственную управу. Страшный вопль раздался на площади; камни посыпались на чиновниковъ: народъ, въ слѣдъ за ними, вломился въ Кремль, гналъ ихъ до самыхъ палатъ Государевыхъ, и Стрѣльцы съ великимъ трудомъ могли остановить его на ступеняхъ крыльца. Бѣшенство овладѣло имъ, и тысячи голосовъ требуютъ, чтобы имъ выдали Плещеева... Бояринъ Морозовъ выходитъ на красное крыльцо, и говоритъ народу именемъ Монарха, что Царь обѣщалъ имъ правосудіе и сдержитъ слово свое.... Напрасно; мятежники кричатъ ему: „намъ и тебя надобно; мы хотимъ

и твоей головы!"... Едва онъ могъ спастись отъ ихъ злобы во дворецъ Государевъ. Они бросились въ Кремлевскій домъ Морозова; отбили ворота; умертвили вѣрнаго слугу, который хотѣлъ имъ противиться, и ворвались въ горницу, гдѣ была супруга Боярина... Сія женщина, молодая и прекрасная, ожидала вѣрной смерти отъ неистовыхъ; но они не тронули ее и сказали: *благодари Бога, что Царица сестра твоя!*... Такимъ образомъ и въ самомъ бунтѣ народъ не забывалъ уваженія къ Царской фамиліи.... Въ нѣсколько минутъ домъ Боярина былъ разграбленъ; сундуки, шкапы взломаны; богатые ковры Персидскіе, парчи, бархаты, соболи и черныя лисицы изорваны на части; мѣшки съ ефимками высыпаны на полъ, серебряная посуда выброшена изъ оконъ на улицу; жемчугъ выносили въ шапкахъ и за ничто продавали. Грабители дер-

знули даже прикоснуться и къ святынѣ образовъ и сняли съ нихъ богатыя ризы; извѣстно, что въ старину сіи драгоцѣнные оклады составляли въ домахъ главное украшеніе и сокровище. Въ день свадьбы Морозова Государь подарилъ ему великолѣпный берлинъ, окованный серебромъ и внутри обитый золотою парчею съ собольею опушкою: народъ изломалъ его. Глубокій погребъ Боярскій, по словамъ одного иностраннаго Писателя, *обратился въ колодезь*. Нѣмецкія и Фряжскія вина лились изъ разбитыхъ бочекъ.

Мятежники, опустошивъ домъ перваго Боярина, раздѣлились на многія толпы: однѣ пошли къ Думному Дьяку Чистову, ненавистному въ столицѣ за соляный откупъ; другія къ Плещееву, Трахоніотову, къ извѣстнымъ друзьямъ ихъ и помощникамъ, Князьямъ Никитѣ Одоевскому и Лыкову. Грабежъ въ до-

махъ ихъ продолжался во всю ночь, до самаго утра. Плещеевъ и шуринъ его спаслися бѣгствомъ; но Чистовъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ упавъ съ лошади, лежалъ больной на постелѣ. Слыша о бунтѣ и зная народную къ себѣ ненависть, онъ спрятался (*): невѣрный слуга указалъ его мятежникамъ, которые тирански умертвили нещастнаго и бросили на дворѣ въ яму. Олеарій, знавъ лично сего Думнаго Дьяка, описываетъ его человѣкомъ суровымъ и корыстолюбивымъ: будучи при Дворѣ знатенъ и силенъ, онъ дѣлалъ великія неудовольствія Голштинскимъ Посламъ за то, что они мало дарили его.

Правительство какъ будто бы исчезло въ сіе время, оставивъ столицу въ жертву, можетъ быть, горсти бунтовщиковъ: ибо конечно

(*) *Подъ вѣниками*, говоритъ Олеарій.

не весь народъ участвовалъ въ такихъ злодѣяніяхъ. Морозовъ, сильный въ щастіи, оказалъ всю малость души своей въ опасности; думалъ уже не совѣтовать Царю, а единственно спасать жизнь свою, какъ спасаютъ ее люди недостойные власти—то есть бѣгствомъ. Кто родился управлять народомъ, тотъ предупреждаетъ опасность мудростію или отражаетъ ее великодушіемъ, или гибнетъ, держа твердою рукою жезлъ правленія. . . Юный Монархъ, оставленный своимъ главнымъ совѣтникомъ, изъявлялъ нерѣшительность. Онъ повелѣлъ только запереть Кремлевскія ворота, когда народъ разсѣялся по Китаю и Бѣлому городу.

На другой день мятежники снова явились на большой площади и грозили довершить свое мщеніе. Тогда Государь приказалъ собраться въ Кремлѣ войску иностранному. Нѣсколько сотъ Нѣмцовъ, подъ на-

чальствомъ Офицеровъ своихъ, шли вооруженные сквозь толпы народа, который издавна не любилъ ихъ и часто оскорблялъ грубыми насмѣшками; но тутъ онъ свободно далъ имъ дорогу и говорилъ ласково: *добрые Нѣмцы! не троньте насъ; а мы впредь будемъ жить съ вами дружно.* Для нихъ отворили Спасскія ворота: никто изъ мятежниковъ не дерзнулъ итти въ Кремль за ними. Офицеры иностранные разставили караулы у всѣхъ башенъ и вокругъ дворца, гдѣ собралися вѣрные Бояре, готовые умереть за Царя и отечество. Знатнѣйшій между ими былъ Никита Ивановичь Романовъ-Юрьевъ, Дворецкій Государя и ближній его родственникъ, человѣкъ умный, но безпечный; благодѣтель всѣхъ бѣдныхъ въ столицѣ, покровитель иностранцевъ и *новыхъ обычаевъ*, которыми Патріархъ часто укорялъ его въ бесѣдахъ, но дружески и

ласково: ибо всѣ знатные и незнатные любили сего именитаго Боярина. Царь, милосердый по своему характеру природному, и юностію лѣтъ расположенный къ средствамъ кроткимъ, избралъ его въ посредники между собою и народомъ.... Романовъ выѣхалъ верхомъ изъ Кремля на площадь, снялъ съ головы высокую боярскую шапку свою и показалъ, что хочетъ говорить народу (*), который, окруживъ его толпами, кричалъ: *здравствуй, отецъ нашъ!* Добродѣтельный Бояринъ съ чувствительностію изъявилъ гражданамъ, сколь прискорбно сердцу Государя, что они не удовольствовались его обѣщані-

(*) Въ сей піесѣ нѣтъ *ни одной черты*, которая не была бы историческою въ строжайшемъ смыслѣ. Авторъ *отъ слова до слова* повторяетъ здѣсь извѣстія чужестранцевъ, бывшихъ очевидными свидѣтелями происшествія.

емъ разсмотрѣть ихъ жалобы, самовольно присвоили себѣ право наказывать виновныхъ и сами впали въ преступленіе; что Государь вторично даетъ имъ слово наказать всѣхъ народныхъ притѣснителей, но желаетъ, чтобы добрые граждане усмирились и покойно разошлись по домамъ своимъ.... Народъ отвѣтствовалъ, что онъ чувствуетъ милость Царскую, готовъ умереть за него, но не сойдетъ съ площади, пока истинные виновники мятежа: Морозовъ, Плещеевъ и Троханіотовъ, не будутъ ему выданы и наказаны.... Никита Ивановичь Романовъ изъявляетъ гражданамъ благодарность за ихъ усердіе къ Царю, увѣряя клятвенно, что Морозова и Троханіотова нѣтъ во дворцѣ, и что они бѣжали изъ города. Народъ требуетъ Плещеева. Бояринъ обѣщаетъ обо всемъ донести Государю, кланяется народу и ѣдетъ назадъ въ Кремль....

Здѣсь Руской Историкъ, съ умиленіемъ прославивъ добродушіе Монарха, замѣтитъ, что оно перешло за границы государственнаго блага, которое въ такихъ нещастныхъ обстоятельствахъ утверждается болѣе непоколебимымъ мужествомъ власти, нежели ея снисхожденіемъ. Народъ слѣпъ и безразсуденъ: рѣшительностію Правителей онъ долженъ быть самъ отъ себя спасаемъ.

Вмѣсто того, чтобы въ грозномъ ополченіи выслать изъ Кремля Стрѣльцовъ и роты иностранныя, съ повелѣніемъ разсѣять мятежниковъ, естьли они не захотятъ усмириться и добровольно исполнить воли Монаршей, Царь приказалъ имъ объявить, что Леонтій Плещеевъ долженъ быть немедленно казненъ въ глазахъ народа, и *другие* также, естьли они будутъ пойманы. . . Черезъ нѣсколько минутъ въ самомъ дѣлѣ

отворились Кремлевскія ворота, и народъ увидѣлъ сего нещастнаго: палачь велъ его; судья уголовный держалъ въ рукѣ приговоръ къ смерти. Мятежники не дали совершиться законному обряду казни, и съ лютостію растерзали человѣка, нѣкогда для нихъ страшнаго. . . Въ то же время Государь отправилъ Князя Семена Пожарскаго въ слѣдъ за Троханіотовымъ; его догнали близь монастыря Троицкаго, заключили на нѣсколько часовъ въ темницѣ Земскаго Двора и казнили на площади 25 Іюня.— Сіи двѣ жертвы усмирили народъ. Ему извѣстно было, что Морозовъ дѣйствительно искалъ спасенія въ бѣгствѣ: ибо ямщики видѣли его за валомъ — и хотѣли схватить; но онъ ускакалъ отъ нихъ, возвратился въ городъ и тихонько пробрался во дворецъ, какъ въ самое безопаснѣйшее для себя мѣсто. Мятежники, полагая, что сего Бо-

ярина нѣтъ въ столицѣ, удовольствовались обѣщаніемъ Царя наказать его, когда онъ будетъ сыскань. Изъявивъ Государю благодарность за Его правосудіе, они разошлися по домамъ, и Москва отдохнула, бывъ три дни жертвою мятежа и страха....

Сіе спокойствіе скоро нарушилось бѣдствіемъ инаго роду. Въ 10 часовъ утра возстановилась тишина въ городѣ: въ три часа вечера сдѣлался страшный пожаръ на Дмитровкѣ и на Тверской, который обратилъ въ пепелъ всѣ домы, бывшіе за бѣлою стѣною до самой Неглинной; перешелъ даже за сію рѣку и грозилъ обнять пламенемъ главный питейный домъ казенный, гдѣ стояло множество бочекъ съ виномъ... Китай-городъ и самый дворецъ Государевъ былъ въ опасности. Вмѣсто того, чтобы гасить огонь, чернь съ жадностію бросилась въ казенные по-

греба; пьяные безъ чувствъ падали на улицахъ и задыхались отъ дыма. . . Олеарій, описывая пожаръ, разсказываетъ случай невѣроятный. Въ 11 часовъ сей бѣдственной ночи, говоритъ онъ, нѣсколько иностранцевъ стояло на улицѣ и съ ужасомъ смотрѣло на быстрое теченіе пламени. Вдругъ видятъ они монаха, который съ великимъ усиліемъ тащитъ за собою мертвое тѣло, и говоритъ имъ: *помогите мнѣ бросить его въ огонь; это остатки злодѣя Плещеева; ничѣмъ другимъ не льзя остановить пожара.* Иностранцы не хотѣли сдѣлать того; но мальчики, тутъ бывшіе, схватили трупъ и бросили его въ огонь, который въ самомъ дѣлѣ, къ удивленію ихъ, началъ гаснуть. . . .

Черезъ нѣсколько дней послѣ того Царь угощалъ въ Кремлѣ всю

свою гвардію (*). Милославскій, спасенный отъ народной злобы достоинствомъ Царскаго тестя, началъ также давать обѣды знаменитѣйшимъ изъ купцовъ и гражданъ, помогать бѣднымъ, ласкать народъ и снискивать любовь его. Патріархъ велѣлъ Священникамъ утверждать прихожанъ въ тишинѣ, миролюбіи и повиновеніи властямъ законнымъ. Мѣсто Плещеева и Траханіотова заняли чиновники достойные, извѣстные столицѣ по ихъ любви къ справедливости. Всѣ признаки волненія исчезли, и жители Московскіе снова обратились къ мирной дѣятельности гражданской. Бояре ѣздили по улицамъ, и народъ изъявлялъ обыкновенное къ нимъ уваженіе.

Тогда столица увидѣла зрѣлище великое и рѣдкое въ лѣтописяхъ міра — зрѣлище, котораго описаніе

(*) То есть, Стрѣльцовъ.

останется навѣки трогательнымъ въ нашей Исторіи для всѣхъ сердецъ истинно- Руских, привязанныхъ къ добрымъ своимъ Монархамъ.

Объявили народу, что Государь желаетъ говорить съ нимъ. Послѣ обѣдни—день былъ праздничный—Царь Алексѣй Михайловичь выѣхалъ изъ Кремля, сошелъ съ лошади и сталъ на возвышенномъ мѣстѣ (*) . . . Граждане со всѣхъ сторонъ тѣснились къ Нему, громогласно изъявляя усердіе къ священной особѣ Монарха. Подлѣ Него стоялъ добрый и любимый Бояринъ Никита Ивановичь Романовъ-Юрьевъ. Государь съ Ангельскою кротостію сказалъ купечеству и гражданству, что ,,Ему горестно было свѣдать все, претерпѣнное ими отъ злыхъ чиновниковъ; что сіи недостойные

(*) Олеарій называетъ сіе мѣсто *театромъ.*

заслужили казнь, употребляя во зло священную власть закона, которая перешла наконецъ въ руки чистыя и непорочныя; что Бояре добросовѣстные, заступившіе мѣсто Плещеева и Трохаміотова, будутъ править и судить по уставу человѣколюбія и справедливости; что самъ Онъ, не смотря на общую довѣренность къ симъ почтеннымъ людямъ, будетъ неусыпнымъ окомъ смотрѣть за всѣми частями правленія; что особенныя привилегіи и монополіи немедленно уничтожатся; что прежняя цѣна соли возстановляется; что выгода и благоденствіе гражданъ составятъ единственный предметъ Его попеченій, и что Онъ всѣми дѣлами Своего царствованія желаетъ пріобрѣсти имя Ему любезное: имя отца народнаго"... Граждане *низко поклонились* Царю, благодаря Его за милость и желая Ему здравія и долголѣтія, по обычаю Рускихъ...

Тутъ великодушный Царь обратилъ рѣчь на Бориса Ивановича Морозова, и сказалъ, „что не находя его совершенно правымъ, не находитъ и во всемъ виновнымъ, и не требовавъ еще въ Свое царствованіе никакой жертвы отъ граждан, надѣется, что они исполнятъ первую прозьбу Его и простятъ сего Боярина, который — за что Онъ ручается—заслужитъ впредь любовь и дружбу ихъ; что естьли они не хотятъ видѣть Морозова въ Синклитѣ, то Онъ изключитъ его изъ сего Верховнаго Совѣта, желая только, чтобы народъ не требовалъ головы человѣка, который былъ Ему вторымъ отцомъ и наставникомъ“... Глаза чувствительнаго Монарха наполнились слезами: онѣ составили неизъяснимо-трогательное заключеніе Его рѣчи — и самые тѣ, которые не давно еще свирѣпствовали какъ неистовые мятежники

въ столицѣ, были поражены симъ зрѣлищемъ: упали на колѣна, цѣловали одежду Царя, ноги Его, и восклицали единогласно: *Да будетъ, что угодно Богу и Тебѣ, Государю! Мы всѣ дѣти твои!* . . . Сердечное удовольствіе изобразилось на лицѣ Монарха, до сей минуты печальнаго. Онъ изъявилъ народу Свою признательность; увѣщавалъ его быть кроткимъ и послушнымъ, увѣряя, что не забудетъ никогда Своихъ Царскихъ обѣщаній и вѣрно исполнитъ ихъ . . . . Съ сими словами Государь сѣлъ на коня и со всею свитою Бояръ и царедворцевъ возвратился въ Кремль. . . .

Такое дѣйствіе Монарха, внушенное ему чувствительнымъ сердцемъ, безъ сомнѣнія восхитительно. Дерзну сказать, что сія минута была едва ли не самою прекраснѣйшею изъ тридцати - двулѣтняго царствованія Алексѣя Михайловича —минута, въ которую Онъ столь

разительно доказалъ нѣжную дружбу свою къ воспитателю, и священное уваженіе *даннаго слова*: ибо Ему легко было и другими средствами спасти Морозова. Одна пылкая, юная душа могла такъ отважно поручить народу свое драгоцѣнное спокойствіе! Жить единственно для щастія подданныхъ, быть истиннымъ отцемъ народнымъ — сіи обѣты, подтвержденные Царемъ въ минуту живѣйшаго чувства признательности, были конечно искренны и начертаны во глубинѣ Его сердца! . . . мысль плѣнительная! . . . Но для чего великая наука управлять государствами не есть одно съ прекрасными движеніями чувствительности? . . . Историкъ строгимъ саномъ своимъ обязанъ казаться иногда жестокосердымъ, и долженъ осуждать то, что ему какъ человѣку любезно, но что бываетъ вреднымъ въ правленіи, ибо люди не Ангелы! Опи-

рая сладкія слезы свои, онъ скажетъ, что здравая Политика, основанная на опытахъ и знаніи человѣчества, предписывала Царю Алексѣю Михайловичу совсѣмъ иные способы утушить мятежъ. *Мудрая верховная власть можетъ быть снисходительною, но никогда не требуетъ снисхожденія;* она прощаетъ, но не проситъ — и благодарность должна быть чувствомъ подданныхъ, а не Монарха.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того (*) Государь отправился въ

(*) Въ *Лѣтописи о мятежахъ* сказано, что народный бунтъ начался 2 Іюня; но число, въ ней означенное, можетъ быть опискою. Олеарій, разсказывая достовѣрно подробности, именно говоритъ, что Царь, послѣ крестнаго хода, возвращался тогда изъ Срѣтенскаго монастыря; а крестный ходъ въ сей монастырь бываетъ 23 число Іюня.—Г. Голиковъ, положась на Ядро Россійской Исторіи, говоритъ, что

монастырь Троицкій. Борисъ Ивановичь Морозовъ, который около двухъ недѣль скрывался во дворцѣ, въ первый разъ явился тогда глазамъ народа Московскаго: ѣхалъ верхомъ подлѣ Царя, своего спасителя, и на обѣ стороны низко кланялся гражданамъ. Съ сего времени онъ сдѣлался первымъ народнымъ благотворителемъ, и кто вручалъ ему свою челобитную, тотъ могъ вѣрно ожидать успѣха, естьли дѣло его было право. По-

Царь Алексѣй Михайловичь наказалъ смертію многихъ мятежниковъ: это не сообразно ни съ другими вѣрнѣйшими извѣстіями, ни съ разумомъ, ни съ характеромъ Царя. Могъ ли онъ согласиться на казнь Плещеева, Троханіотова, — просить гражданъ, чтобы они не требовали головы Морозова, и въ то же время казнить ихъ? Авторы Рускихъ записокъ мнимо-усердною ложью своею часто оскорбляютъ память добрыхъ Государей: такъ поступилъ и Хилковъ,

добно Боярину Никитѣ Ивановичу Романову, Морозовъ обьявилъ себя также и покровителемъ иностранцевъ.

Съ сего же времени Царь Алексѣй Михайловичь началъ царствовать Самъ Собою, часто присутствовать въ Совѣтѣ и входить во всѣ дѣла: ибо Онъ видѣлъ, сколь опасно для Монарха излишно полагаться на Бояръ, которые для особенныхъ, ничтожныхъ выгодъ

или, лучше сказать, Переводчикъ сего Миссіи, сочинитель Ядра Россійской Исторіи. Онъ боялся унизить Алексѣя Михайловича излишнимъ милосердіемъ, и для того вздумалъ изобразить вѣроломнымъ Царя великодушнаго и добродѣтельнаго, который не хотѣлъ нарушить и слова, даннаго Его именемъ злодѣю Разину! — Впрочемъ въ нѣкоторыхъ историческихъ запискахъ первый мятежъ столицы не отличенъ отъ втораго, бывшаго также въ царствованіе сего Монарха.

своихъ могутъ жертвовать благомъ государства, слѣдственно славою и щастіемъ Государя.

Но *ошибка* Царскаго добродушія имѣла вредныя слѣдствія: скоро бунтъ въ Новѣгородѣ и Псковѣ доказалъ необходимость мѣръ твердыхъ и строгихъ.

КОНЕЦЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

